

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2015

РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
ОБМЕНА
ШПИОНАМИ

АЛЕКСАНДР
СЕВЕР

МОСТ ШПИОНОВ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДЖЕЙМСА ДОНОВАНА

Annotation

История эпохального обмена шпионами не могла остаться без внимания со стороны кинематографистов. Основанный на реальных событиях, фильм «Шпионский мост» рассказывает историю непростых переговоров, предваряющих процесс обмена резидентами.

Самым действенным оружием в руках ЦРУ оказывается обычный американский адвокат по имени Джеймс Донован, на которого возложена миссия по ведению переговоров об обмене американского шпиона на советского разведчика. Ему удастся совершить невозможное – Советский Союз соглашается на шпионский обмен. А местом для совершения этой операции назначается мост Глинике.

Удастся ли довести запланированный обмен до конца? Люди, посмотревшие новый шедевр Стивена Спилберга, знают ответ на этот вопрос. Но это все кино, а как все было на самом деле? Какова на самом деле была роль Джеймса Донована в этих переговорах? Какие еще спецоперации проводились на знаменитом Глинникском мосту в Германии? Читайте об этом в новой книге популярного писателя Александра Севера.

-
- [Александр Север](#)
 - [Вступление](#)
 - [Между двумя войнами](#)
 -
 - [«Красных» дипломатов на «белых» заговорщиков](#)
 -
 - [Подготовка заговора](#)
 - [Как раскрыли заговор](#)
 - [Приступить к ликвидации](#)

- [Реакция Москвы](#)
- [Реакция Лондона](#)
- [Ответ Москвы](#)
- [Процедура обмена](#)
- [Приложение 1. Нахождение Максима Литвинова в британской тюрьме](#)
- [Приложение 2. Воспомяя Брюса Локкарта](#)
- [Шпионов на экипажи кораблей](#)
 - [Резидента на двух студентов](#)
 - [Греческая история](#)
 - [«Провал» карьере не помеха](#)
 - [Спасти «Доктора Боша»](#)
 - [Из «подвала» Лубянки в кабинет министра внутренних дел Тайваня](#)
 - [Агента на экипаж парохода](#)
 - [Во время Второй мировой войны](#)
- [Обмен летом 1941 года](#)
 - [В Берлине](#)
 - [Что происходило в торгпредстве](#)
 - [Что происходило в посольстве после обеда](#)
 - [На второй день войны](#)
 - [Эсэсовский офицер помогает большевикам](#)
 - [Третий день войны](#)
 - [Окно на волю](#)
 - [Пятый день войны](#)
 - [Долгий путь на Родину.](#)
 - [В Москве](#)
 - [Приложение 1. Официальный дневник посольства Германии в СССР, который](#)

был озаглавлен «От начала германо-русской войны до возвращения в Германию»

- В Хельсинки
 -
 - В Петсамо
 - В Хельсинки
 - Долгий путь домой
- Неизвестные герои «холодной войны»
 -
 - Несостоявшийся обмен в 1949 году
 - Офицера ГРУ на супругов Вернеров
 -
 - Супруги Вернер
 - Разведчики из секретариата ООН
 -
 - О чем не любят вспоминать правозащитники
 - Шпион-священник
 - Предателя на агентов
 -
 - Биография предателя
 - Обмен одного разведчика на 21 агента
 -
 - Биография героя «тайной войны»
 - Приложение 1. Воспоминания Фельфе о нахождении в тюрьме
 - Американца на израильтянина
 -
 - На кого обменяли
 - Разведчиков на диссидентов
 -
 - Пойманы «с поличным»
 - Как обменивали
 - Литератор
 - Религиозный деятель

- [Два «воздушных пирата»](#)
 - [Украинский националист](#)
- [Шпионский интернационал](#)
 -
 - [Мариан Захарский](#)
 - [Алиса Михельсон](#)
 - [Как происходил обмен](#)
- [Чешских агентов на диссидента](#)
 -
 - [«Разведчик-нелегал»](#)
 - [И его боевая подруга](#)
 - [Натан Щаранский: диссидент или шпион?](#)
 - [Обмен: о чем в США не снимут кино](#)
- [Последний обмен «холодной войны»](#)
 -
 - [Николас Данилофф: советская версия](#)
 - [Как происходил обмен](#)
- [Героев России на дилетантов](#)
 -
 - [Вся жизнь - конспирация](#)
 -
 - [«Хелен Крогер»](#)
 - [«Питер Крогер»](#)
 - [Вся их жизнь - конспирация](#)
 - [Британский агент-неудачник и трое «женатиков» из СССР](#)
 - [«Миллионера» на «лавочника»](#)
 -
 - [Советский разведчик-нелегал](#)
 - [Английский связной](#)
 - [Приложение 1. Воспомяя офицера внешней разведки и друга Конона Молодого Леонида Колосова об истории обмена](#)
 - [Приложение 2. Гревилл Винн](#)
 - [Обменяли по курсу один к одиннадцати](#)

- Чего не покажут в кино
 - - Кому слава, а кому забвение
 - «Мертвый сезон»
 - «Мы обвиняем»
 - «Адвокат дьявола»
 - О нем не снимут кино
 - Приложение 1. Рудольф Абель. Возвращение на родину. Отрывок из неопубликованных воспоминаний
 - Приложение 2. Советская официальная версия процедуры обмена Абеля на Пауэрса
 - Американская версия обмена
 - Кто первым предложил обмен
 - Кто был «инициатором» обмена в СССР
 - Кто был инициатором обмена в США
 - Процесс пошел
 - Кто тормозил процесс
 - Жест доброй воли
 - Вода камень точит
 - Подготовка процедуры обмена
 - Заключение
 - Примечания
 - Список источников
-

**Александр Север
Мост шпионов. Реальная
история Джеймса Донована**

Вступление

В произошедшем 10 февраля 1962 года обмене советского разведчика-нелегала Вильяма Фишера (Рудольфа Абея) на американского летчика Фрэнсиса Пауэрса не было ничего необычного и сенсационного. В этом уверены эксперты и те, кто интересуется историей шпионажа. Во время «холодной войны», а также до ее начала и после завершения происходили более интересные с точки зрения участвующих в ней людей и предшествующих этому событий обмены шпионов. О некоторых из них мы подробно расскажем в нашей книге.

Почему не обо всех? Просто во время «холодной войны» их было больше 50, и подробности некоторых из них продолжают оставаться секретными. Не меньшее количество обменов произошло в 20-30-е годы прошлого века. Как и в годы «холодной войны», тогда данная процедура была отработана до мелочей. Более того, существовала она и в Российской империи.

В монографии Константина Звонарева «Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918 годов» можно прочесть такие строки:

«Видя, что ни официальные, ни тайные военные агенты ничего существенного по военной разведке не дают, Главный штаб начал практиковать в весьма широком масштабе командировки молодых офицеров Генерального штаба в соседние страны под тем или иным благовидным предлогом. Но этим делом занимался не только Главный штаб в лице своего Особого делопроизводства. Офицеров командировали за границу все, кому только было не лень, – почти все главные управления военного министерства, морского

ведомства и штабы военных округов. Нередко одни и те же задачи возлагались на офицеров, командировавшихся различными управлениями. Полученными в результате этих командировок сведениями указанные управления обменивались лишь иногда, да и то, как мы уже указывали выше, совершенно случайно.

Округа, которые тоже весьма широко практиковали такого рода командировки, не согласовывали их с Главным штабом и даже предварительно об этом ему не сообщали. Лишь по окончании такой командировки некоторые (далеко не все) отчетные отделения представляли в Главный штаб копии отчетов по этим командировкам.

В результате такого хаоса получалось, что контрразведка соседей без большого труда раскрывала этих разведчиков, командированных под ложными предлогами арестовывала, а командированных под благовидными предлогами ставила в такие условия, что при всем желании большинству из них ничего сделать не удавалось.

Арестованных таким образом офицеров обычно судили и после вынесения приговора обменивали на таких же своих неудачников. Нередко в этом обмене осужденных за шпионаж принимали участие даже цари»¹.

А теперь о самой монографии. В начале 1920-х годов перед специалистами IV (разведывательного) управления Штаба РККА была поставлена задача «провести обширное исследование, охватывающее деятельность агентуры всех важнейших государств, принимавших участие в мировой войне». Результатом реализации столь глобального замысла стали подготовленные Константином Звонаревым два тома капитального исследования: том I – об агентурной разведке царской России и том II – об агентурной

разведке Германии, которые вышли из печати в 1929–1931 годах под грифом «Для служебных целей»².

Любопытно, но большевики учли опыт предшественников. Во времена существования СССР мы меняли своих разведчиков-асов на тех, кого Константин Звонарев называл «неудачниками».

Другой любопытный факт. Впервые массовый обмен шпионов произошел более 200 лет назад. В 1798–1801 годах под руководством Бонапарта Наполеона Францией была предпринята неудачная попытка установления контроля над территорией Египта. Париж таким вот способом планировал перекрыть один из путей сообщения между Англией и ее колонией – Индией. В историю эта военная операция вошла под названием Египетский поход. Мы не будем рассказывать о том, что именно произошло на территории Египта, отметим лишь, что в британском плену оказалось множество французских солдат и офицеров. В 1803 году Бонапарт Наполеон решил обменять их на интернированных подданных Великобритании, которые имели несчастье оказаться на контролируемой Францией территории. Они были интернированы и размещены в специально выстроенных для этой цели лагерях.

Среди арестованных были в основном путешественники-аристократы и их молодые отпрыски. Но были и промышленники, буржуа, люди без определенных занятий, художники и шпионы. Прежде чем начать переговоры об обмене арестованных англичан на пленных французов, Наполеон составил своего рода ценник. Британский журналист и историк шпионажа Ирвин Кукридж приводит его в своей книге «Торговля шпионами»:

«За лордов и членов парламента Наполеону должны вернуть плененных генералов и адмиралов, за детей

аристократов – полковников и морских капитанов, за джентльменов без титулов – офицеров. Англичане вынуждены были согласиться. В результате обмена французы пополнили армию, а англичане получили назад не только своих ни в чем не повинных граждан, но и шпионов, правда, только тех, кого Фуше успел с помощью денег или шантажа переквалифицировать в двойных агентов»³.

Впрочем, и обмен, который произошел в феврале 1962 года, тоже по своему уникален. Как пример, говоря современным языком, эффективной PR компании, которую успешно провел СССР. Можно по-разному относиться к деятельности органов официальной советской пропаганды, но из «провала» отечественной внешней разведки (сотрудник был пойман с поличным) и ПВО – вражеский самолет сумел безнаказанно пролететь над значительной территорией, пропагандисты смогли сотворить «победу». И скрыть от общественности не только эти две неудачи, но и множество других.

Во время «холодной войны» в США и в других странах регулярно разоблачали кадровых сотрудников советской разведки. Большинство из них, кто обладал дипломатическим иммунитетом, высылали из страны. Остальные, хотя таких было мало, получали реальные тюремные сроки. Вот их-то и меняли на пойманных с поличным граждан западных стран. Правда, об этом советские СМИ не сообщали. В лучшем случае в газетах появлялась небольшая заметка о том, что очередной вражеский шпион пойман с поличным. А вот его дальнейшая судьба для советских граждан оставалась загадкой.

Единственный раз, когда в период «холодной войны» одному из ключевых участников обмена – советскому разведчику-нелегалу Вильяму Фишеру

(Рудольфу Абелю) - позволили сняться в кино (советский фильм «Мертвый сезон»), а тот, на кого обменяли, - американский пилот Пауэрса - стал «героем» многочисленных публикаций в советских СМИ. Более того, в 1985 году в Советском Союзе сняли художественный двухсерийный фильм «Мы обвиняем», посвященный судебному процессу над Пауэрсом и предшествующим этому событиям.

Одна из причин такого повышенного внимания именно к этому обмену, хотя за период «холодной войны» их произошло более 50, его относительная равноценность с позиции общественного мнения СССР и США. Обменяли кадрового сотрудника советской разведки, который, по мнению неспециалистов, нанес несущественный урон интересам национальной безопасности Америки, на офицера ВВС США, который выполнял приказ командования - совершил разведывательный полет над территорией главного противника. На самом деле это была не разовая акция, как тогда утверждали советские и американские власти, а один, причем незначительный, эпизод программы по проникновению Запада «за железный занавес», который СССР начал создавать в 1945 году. Подробно об этом рассказано в книге Кертиса Пиблза «Тайные полеты»⁴, поэтому мы не будем останавливаться на этом подробно. И превращение Пауэрса в «героя-одиночку» очень уж способствовало сокрытию от общественности факта существования этой программы.

Была и другая причина. Вильям Фишер был одинаково симпатичен гражданам как СССР, так и США. Вот как его охарактеризовал американский адвокат Джон Донован: «Абель - культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимается, так и для любой другой. Он

свободно говорил по-английски и прекрасно ориентировался в американских идиоматических выражениях, знал еще пять языков, имел специальность инженера-электронщика, был знаком с химией, ядерной физикой, был музыкантом и криптографом... Рудольф - человек, обладающий чувством юмора. Как личность, его просто нельзя было не любить»⁵.

Во всех остальных случаях, если рассматривать период «холодной войны», то в выигрыше от обмена оставалась Москва, ну а проигрывал Вашингтон. А как иначе объяснить тот факт, что советских разведчиков-нелегалов, а это элита в разведке, обменивали на шпионов-любителей, агентов-неудачников, которые попались при выполнении первого же задания. Причем, с позиции обывателя, довольно простого.

Между двумя войнами

Вопреки распространенному мнению в СССР начали активно использовать обмены своих граждан на подданных других государств задолго до начала «холодной войны». Другое дело, что участвовавшие в них люди в большинстве своем мемуаров не писали. А если и оставляли воспоминания потомкам, то данную тему старались не затрагивать. Не принято было тогда хвататься нахождением в тюрьме. Пусть даже попали в нее в силу политических причин, как это произошло с дипломатами в 1918 году. Или когда оказались не в том месте и не в то время, как это произошло во время Гражданской войны в Испании с экипажами нескольких советских кораблей. А тем более, если поймали на занятии шпионажем. Как-то не принято было хвастаться своей принадлежностью к братству «рыцарей плаща и кинжала».

«Красных» дипломатов на «белых» заговорщиков

6 сентября 1918 года в Лондоне британская полиция сначала провела обыск на квартире полпреда РСФСР Максима Литвинова, а затем и арестовала его. «Одновременно со мной были обысканы и арестованы почти все работники полпредства. Посажен я был в Брикстонскую тюрьму», – вспоминал он позднее. Даже учитывая, что Великобритания не признала Советскую Россию, содержание под стражей ее официального представителя – международный скандал. Впрочем, с формальной точки зрения, британцы имели на это право, т. к. 1 сентября 1918 года в Москве были задержаны глава специальной британской миссии при Советском правительстве Брюс Локкарт, а также несколько британских и французских дипломатов. Всех их обвинили в шпионаже, а также в участии в так называемом «заговоре послов». Более того, все они были заключены под стражу и в течение полутора месяцев содержались в Бутырской тюрьме. Главе миссии «повезло» больше. Он находился на правах высокопоставленного заключенного на территории Кремля.

Кратко расскажем теперь о «заговоре послов», который и послужил причиной первого в истории СССР обмена. Правда, неравноценного. Ведь Максим Литвинов и сотрудники советского посольства не участвовали в разведывательных операциях, в отличие от своих зарубежных коллег. Впрочем, во время «холодной войны» ситуация была диаметрально противоположной. СССР меняла своих высокоэффективных, в большинстве своем кадровых разведчиков на граждан ФРГ, Великобритании и США,

чьи достижения в сфере «тайной войны» были минимальными.

Подготовка заговора

Согласно официальной версии, изложенной зам. председателя ВЧК Яковом Петерсом, заговор был организован в 1918 году дипломатическими представителями Великобритании, Франции и США в Советской России с целью свержения большевистской власти. В заговоре участвовали глава специальной британской миссии Роберт Локкарт⁶, а также послы Франции и США – Жозеф Нуланс и Дэвид Фрэнсис⁷. Насчет американца – утверждение сомнительное, т. к. еще в феврале 1918 года он переехал из Петрограда в Вологду, а в июле 1918 года, под давлением большевиков, перебирается из Вологды в Архангельск. Впрочем, и там он задержался недолго. В начале ноября 1918 года он вернулся в США. А вот французский дипломат, согласно официальной советской версии, был одним «из организаторов и вдохновителей белогвардейских заговоров (например, участвовал в деятельности «Союза защиты Родины и Свободы»⁸ и «Союза возрождения России»⁹, а также в организации восстаний против Советской власти, например, в мятеже Чехословацкого корпуса¹⁰).

Брюс Локкарт пытался подкупить находившихся в Москве латышских стрелков, охранявших Кремль с тем, чтобы совершить военный переворот, арестовав заседание ВЦИК вместе с Лениным и заняв ключевые пункты Москвы. Два полка латышей должны были быть отправлены в Вологду, чтобы соединиться с английскими войсками, которые должны были высадиться в Архангельске, и помочь их продвижению.

Кроме того, по заявлению Якова Петерса, союзные миссии устраивали взрывы, поджоги и планировали взорвать железнодорожный мост через реку Волхов около Званки, чтобы отрезать Петроград от поставок продовольствия и вызвать там голод.

Как раскрыли заговор

Согласно воспоминаниям латышского чекиста Яна Буйкиса, заговор был раскрыт следующим образом. В июне 1918 года Феликс Дзержинский отправил двоих латышей, Яна Буйкиса (под именем Шмидхен) и Яна Спрогиса, недавно поступивших на службу в ВЧК, в Петроград с заданием проникнуть в антисоветское подполье.

В морском клубе, располагавшемся рядом с Адмиралтейством, приятели общались с моряками стоявшего на рейде британского судна. Через них чекистам удалось познакомиться с руководителем контрреволюционной организации, морским атташе британского посольства Фрэнсисом Кроми. Их представили последнему как «надежных людей». Кроми познакомил их с агентом британской разведки Сиднеем Рейли¹¹ и посоветовал ехать в Москву, снабдив письмом для передачи Локкарту, который хотел установить контакты с влиятельными командирами латышских стрелков.

Отдельно отметим, что Фрэнсис Кроми во время Первой мировой войны командовал подводной лодкой и был самым успешным британским подводником на Балтийском театре военных действий. Исполнять обязанности военно-морского атташе его попросили в мае 1918 года. На новом посту он продемонстрировал неплохие организаторские способности. Например, он направил служившего в качестве офицера связи на

британской подводной лодке E1 Георгия Чаплина в Архангельск для организации там антибольшевистского переворота и подготовки высадки там английских войск. В ночь на 2 августа 1918 года последний возглавил военный переворот в Архангельске, в результате которого в городе была свергнута советская власть. Георгий Чаплин стал командующим всеми морскими и сухопутными вооружёнными силами Верховного управления Северной области.

Также Френсис Кроми был одним из руководителей петроградской вербовочно-осведомительной организации бывшего санитарного инспектора Балтийского флота Владимира Ковалевского. Организация занималась сбором шпионских сведений для англичан, переправляла через Петроград в Архангельск и Вологду бывших офицеров, а также готовила возможное вооружённое восстание в Петрограде и Вологде. 21 августа 1918 года Ковалевский был арестован и заключён в Дерябинскую тюрьму, в декабре 1918 года переведён в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. 13 декабря 1918 года - расстрелян по обвинению в создании военной организации, связанной с английской миссией.

В Москве после совещания с Феликсом Дзержинским и Яковом Петерсом было решено «подставить» Локкарту командира 1-го лёгкого артдивизиона Латышской стрелковой советской дивизии лейтенанта Эдуарда Берзина, выдав его для солидности за полковника. 14 и 15 августа 1918 года Берзин встречался с Локкартом, а затем 17, 19, 21 августа - с Рейли. Последний передал Берзину в конечном счёте 1,2 млн рублей в качестве платы за свержение латышскими полками советской власти в Москве, денонсацию Брестского договора и восстановление восточного фронта против Германии. А после войны

британцы обещали содействие в признании независимости Латвии.

Приступить к ликвидации

Высока вероятность того, что если бы не два покушения, организованных и совершенных людьми, которые не имели, по крайней мере согласно официальной советской версии, отношение к деятельности Локкарта, то события развивались по другому сценарию и обмена послов не было бы. По той простой причине, что с ними поступили бы более вежливо – просто попросили бы покинуть страны пребывания.

30 августа 1918 года, после убийства начальника Петроградской ЧК Моисея Урицкого в городе на Неве и неудачной попытки застрелить Владимира Ленина в Москве у ВЧК создалось впечатление, что начался контрреволюционный переворот.

На самом деле оба покушения напрямую не были связаны с деятельностью иностранных дипломатов. Моисея Урицкого в вестибюле Народного Комиссариата внутренних дел Петрокоммуны (на Дворцовой площади) застрелил студент Петроградского политехнического института и член партии народных социалистов Леонид Каннегисер. Отметим, что партия отвергала террор как средство политической борьбы. Согласно официальной версии он решился на такой шаг, мстя за смерть расстрелянного в ЧК друга.

А вот кто стрелял в Владимира Ленина, когда он выступал на митинге на заводе Михельсона в Москве – до сих пор установить не удалось, хотя в советское время считалась, что это была полуслепая Фанни Каплан. Вождь мирового пролетариата получил два ранения. Одна пуля в шею под челюстью, а вторая – в

руку. Хотя ранение Ленина казалось смертельным, он выздоровел очень быстро. 25 сентября 1918 года он уехал в Горки и вернулся в Москву 14 октября, сразу возобновив политическую деятельность. Первое после покушения публичное выступление Ленина состоялось 22 октября 1918 года.

В любом случае реакция властей на убийство и покушение последовала незамедлительно. В стране начался так называемый Красный террор. Одновременно начались задержания участников различных антисоветских организаций, а также тех, кто подозревался в нелояльности к советской власти.

Активный участник антибольшевистского подполья мичман Александр Гефтер (в 1918 году – вахтенный начальник на крейсере «Память Азова») позднее написал в своих мемуарах:

«Локкарт попался в Москве самым глупым образом. Говорили, что в деле замешана женщина... Огромное количество людей имевших отношение к Локкарту, было арестовано или было вынуждено скрываться»¹². Действительно, в Петрограде и Москве начались аресты и обыски. Причем чекистов не смущал даже принцип экстерриториальности посольств.

Снова процитируем воспоминания Гефтера:

«По чьему-то доносу большевики узнали, что в Британском посольстве (находилось тогда в Петрограде – прим. авт.) есть документы, представляющие для них интерес. Смелый англичанин, капитан Кроми..., защищал вход в посольство на нижней площадке лестницы с маленьким браунингом в руках. В это время, все хранившиеся на чердаке документы были уничтожены. Большевики ворвались с черного хода и Кроми был убит винтовочным выстрелом в затылок»¹³.

Автор мемуаров умолчал о том, что 30 августа 1918 года на территории посольства произошла перестрелка,

в ходе которой погибло два чекиста: Янсон¹⁴ и помощник комиссара Петроградской ЧК И. Н. Стодолин-Шенкман, а также был ранен следователь ВЧК Бартновский¹⁵.

Реакция Москвы

Ночью 1 сентября 1918 года у себя на квартире в Москве был арестован Локкарт. На вопросы Петерса он отвечать отказался под предлогом дипломатической неприкосновенности, а утром по указанию председателя ВЦИК Якова Свердлова, который на время болезни Владимира Ленина фактически был руководителем страны, был отпущен на свободу.

О том, что произошло дальше, в своей книге «Железная женщина» рассказала Нина Берберова.

«2 сентября правительство Ленина отправило правительству Его Величества в Лондон следующую ноту:

«Официальное сообщение о ликвидации заговора против советской власти, руководимого англо-французскими дипломатическими представителями.

«Сегодня, 2 сентября ликвидирован заговор, руководимый англофранцузскими дипломатами, во главе с начальником британской миссии Локкартом, французским генеральным консулом Гренаром, французским генералом Лавернем и др., направленный на организацию захвата при помощи подкупа частей советских войск, Совета народных комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве»...

Во вторник 3 сентября газеты были полны «заговором Локкарта», где он был обвинен во взрывах мостов, намерении убить Ленина и других преступлениях. Убийство Кроми тоже было описано во всех подробностях. Говорилось, между прочим, что он

стрелял первый. «Англо-французские бандиты» и их глава Рейли (исчезнувший, за которым началась охота), были объявлены врагами народа, которым должна была быть уготовлена казнь.

«Известия» писали:

«Заговор Союзных империалистов против Советской России.

Сегодня, 2-го сентября ликвидирован заговор, руководимый англофранцузскими дипломатами во главе с начальником британской миссии Локкартом, французским генеральным консулом Лавернем и др., направленный на организацию захвата при помощи подкупа частей советских войск, Совета народных комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве.

Вся организация, построенная по строго заговорщицкому типу, с подложными документами и подкупами, раскрыта.

Между прочим найдены указания, что в случае удавшегося переворота должна была быть опубликована поддельная тайная переписка русского правительства с правительством Германии и сфабрикованы поддельные договоры в целях создания подходящей атмосферы для возобновления войны с Германией.

Заговорщики действовали, прикрываясь дипломатическим иммунитетом (неприкосновенность) и на основании удостоверений, выдававшихся за личной подписью начальника британской миссии в Москве г. Локкарта, многочисленные экземпляры которых имеются ныне в руках ВЧК.

Установлено, что через руки одного из агентов Локкарта, лейтенанта английской службы Рейли, за последние полторы недели прошло 1 200 000 рублей на подкуп.

Заговор обнаружен благодаря стойкости тех командиров частей, к которым заговорщики обратились с предложением подкупа.

На конспиративной квартире заговорщиков был арестован один англичанин, который после того, как был доставлен в ВЧК, назвал себя английским дипломатическим представителем Локкартом.

После установления личности арестованного Локкарта он был немедленно освобожден.

Следствие энергично продолжается».

С утра (4 сентября 1918 года – прим. авт.) Локкарт возобновил свое хождение по Москве. В это утро он узнал, что в Петрограде было арестовано около 40 англичан...»¹⁶.

Он решил зайти в ВЧК с личной просьбой к Петерсу освободить арестованную вместе с ним 1 сентября 1918 года свою любовницу Муру Будберг (что и было сделано), но сам Локкарт был снова задержан и провел пять дней на Лубянке, а затем ещё 24 дня в небольшой квартирке в Кремле вместе с посаженным к нему Шмидхеном.

Реакция Лондона

Снова процитируем книгу Нины Берберовой.

«В ответ на эту ноту (отправленную Москвой 2 сентября – прим. авт.) 7 сентября была получена ответная нота английского министра иностранных дел Бальфура:

«Нота британского министра иностранных дел Чичерину.

Сентябрь 6, 1918 г.

Мы получили информацию, что возмутительное нападение было совершено на британское посольство в Петрограде, что помещение было частично разграблено

и частично разрушено и что капитан Кроми, который пытался защитить посольство, был убит и тело его изуродовано до неузнаваемости. Мы требуем немедленного удовлетворения: жестокого наказания всех ответственных за это безобразие и тех, кто в нем участвовал.

Если русское советское правительство не даст нам полнейшего удовлетворения и насилие над британскими подданными будет продолжаться, британское правительство будет считать каждого члена русского правительства ответственным за происходящее и примет меры к тому, чтобы все правительства цивилизованного мира признали их индивидуально ответственными и тем самым вне закона и в случае необходимости не дали бы им убежища на своей территории.

Вам уже было послано извещение г. Литвиновым о том, что правительство Его Величества готово сделать все, что возможно, для немедленного возвращения представителей Великобритании в Англию и отъезда представителей русского советского правительства в Лондоне - в Москву. Гарантии были даны в случае обмена тех и других на русско-финской границе. Г. Литвинову будет разрешено покинуть пределы Англии, как только британские представители будут вне пределов России. До нашего сведения дошло, что 29 августа был издан декрет, что все британские подданные от 18 до 40 лет будут арестованы и что официальные представители Великобритании уже арестованы по ложному обвинению в заговоре против советского правительства.

Ввиду этого правительство Его Величества считает нужным подвергнуть г. Литвинова и его сотрудников превентивному аресту, до тех пор, пока британские представители и все остальные арестованные британские подданные не будут освобождены и

доставлены на финскую границу, с гарантией свободного перехода ее.

Бальфур»

Ответ Москвы

Так получилось, что накануне отправки ноты из Лондона, Москва отправила свою. Вот ее текст:

«Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел по поводу участия дипломатических представителей Англии и Франции в организации заговоров против советской власти.

6 сентября 1918 г. № 102

В то самое время, когда при посредстве представителей нейтральных держав Правительство РСФСР вело переговоры с правительствами Англии и Франции об обмене дипломатических представителей, военных и граждан вообще, обнаружилось, что дипломатические и военные представители Англии и Франции пользуются своим званием для организации на территории РСФСР заговоров, направленных к захвату Совета Народных Комиссаров с помощью подкупа и агитации среди войсковых частей, к взрыву мостов и продовольственных складов и поездов.

Данные, имеющиеся в распоряжении Правительства и отчасти уже опубликованные в сообщениях Чрезвычайной Следственной Комиссии и комиссаров Северной Коммуны, устанавливают с несомненностью тот факт, что нити заговора сходились в руках главы английской миссии Локкарта и его агентов. Равным образом установлено, что здание английского посольства в Петрограде фактически было превращено в конспиративную квартиру заговорщиков.

При этих условиях, будучи всецело проникнуто искренним желанием в полной мере соблюдать

дипломатическую неприкосновенность и правила международного общения, Правительство РСФСР лишено возможности предоставить свободу действий лицам, прибывшим в Россию в качестве дипломатических и военных представителей и поставившим себя фактически в положение заговорщиков против Правительства нашей страны.

Поэтому Правительство РСФСР поставлено в необходимость создать для лиц, уличенных в заговорах, такие условия, при которых они лишены были бы возможности продолжать дальше свою преступную с точки зрения международного права деятельность.

Когда английские и французские войска продвигаются по территории РСФСР для поддержки открытых мятежей против Советской власти и дипломатические представители этих держав внутри России создают организацию для государственного переворота и захвата власти, – Правительство РСФСР принуждено во что бы то ни стало принять необходимые меры самообороны.

Все интернированные представители английской и французской буржуазии, среди которых нет ни одного рабочего, будут немедленно освобождены, как только русские граждане в Англии и Франции и в районе оккупации союзных войск и чехословаков не будут больше подвергаться репрессиям и преследованиям. Английские и французские граждане будут иметь возможность немедленно покинуть территорию России, когда эту же возможность получат российские граждане в Англии и Франции.

Французские военные получают эту возможность, когда русские солдаты при участии Международного и Русского Красного Креста будут возвращаемы из Франции. Дипломатические представители той и другой страны, и в том числе сам глава заговорщиков Локкарт,

одновременно будут пользоваться возможностью возвращения на родину.

Уже после того, как Правительством Советской Республики были приняты приведенные выше решения, нами получено от английского правительства радио с сообщением об аресте т. Литвинова и его персонала. Это обстоятельство служит для нас еще лишним подтверждением правильности наших действий и полной обоснованности наших опасений, когда мы отказывались допустить выезд Локкарта и его сотрудников из России ранее выезда тов. Литвинова из Англии.

И в этом английском радио, и в одновременно полученном по радио заявлении французского правительства в случае дальнейшего содержания под стражей английских и французских граждан эти правительства угрожают индивидуальными репрессиями всем видным большевикам, которые попадут в их руки.

Это обстоятельство для нас не является новостью, так как уже теперь такого рода репрессии, вплоть до расстрелов советских работников, совершаются в районе оккупации держав Согласия. Мы остаемся при нашем прежнем предложении отказаться от репрессий в том случае, если таковые будут прекращены со стороны держав Согласия, как мы о том заявляли уже неоднократно.

Повторяем еще раз, что принимаемые нами меры предосторожности касаются исключительно английской и французской буржуазии и что ни одного рабочего мы не тронем.

Народный Комиссар по Иностранным Дела
Чичерин»¹⁷.

Процедура обмена

26 октября 1918 года в Петроград прибыли сотрудники советского посольства в Великобритании. Через несколько дней в город на Неве приехал сам Максим Литвинов. Он задержался из-за того, что ждал в Стокгольме, когда Брюс Локкарт пересечет советско-финскую границу.

В истории обменов шпионов в XX веке эта была самой малоизвестной. Советские газеты лишь написали о том, что в РСФСР из Великобритании вернулись сотрудники посольства. Публикаций в западных СМИ о том, что группа высокопоставленных британских и французских дипломатов, часть из которых Москва обвиняла в шпионской деятельности, вернулась домой – не было. Да и чем было гордиться? Фактически дипломаты были пойманы «с поличным». Более того, существовала вероятность, что в революционном угаре их могли и расстрелять или надолго задержать в РСФСР.

Впрочем, оба участника обмена – Максим Литвинов и Брюс Локкарт – все же сохранили для потомков свои воспоминания о событиях почти столетней давности. Первый – благодаря биографу. А второй сам, написав мемуары о своих приключениях в России.

Приложение 1. Нахождение Максима Литвинова в британской тюрьме

На дверь тюремной камеры, в которую посадили Литвинова, была повешена табличка: «Гость его величества». А «гость» без устали шагал по камере – три шага туда, три обратно – и думал, что ему предпринять, чтобы скорее оказаться на воле. Оттуда приходили недобрые вести. Газеты требовали самых строгих мер по отношению к красному послу. В папке Литвинова хранилась газетная статья, автор которой

требовал сообщить Ленину, что «при малейшем насилии, примененном к Локкарту, Литвинов будет расстрелян». Это место в статье Литвинов подчеркнул красным карандашом.

О дальнейших событиях Максим Максимович рассказал следующее:

«Спустя несколько дней после моего ареста ко мне в тюрьму явился Липер¹⁸. Причина его визита была такова. До моего заключения английский МИД имел возможность сноситься с Советским правительством через меня. Никаких других способов сношений с Москвой в тот момент у него не было (ведь Локкарт уже сидел в тюрьме). Со дня моего ареста эта единственная ниточка между Лондоном и Москвой была оборвана. А между тем в связи с арестом Локкарта Лондон вынужден был начать какие-то переговоры с Москвой – прежде всего, в целях освобождения Локкарта. Как это было сделать? Тогда в МИД вспомнили обо мне и прислали ко мне Липера. Липер просил меня послать в Москву шифровку и передать предложение британского правительства обменять меня на Локкарта. Я ответил Липеру, что никакой шифровки из тюрьмы посылать не буду. Одно из двух: или британское правительство считает меня уполномоченным Советского правительства, тогда я должен быть на свободе, или же оно считает меня арестантом, тогда незачем обращаться ко мне с просьбой о посылке шифровки. Надо сделать выбор. Липер ушел от меня, не добившись ничего.

Моя постановка вопроса в конце концов возымела свое действие. Через десять дней после ареста я был выпущен из тюрьмы и вновь вернулся на свою квартиру. Вместе со мной по моему категорическому требованию были освобождены и другие работники полпредства. После моего выхода из тюрьмы ко мне, правда, были

приставлены агенты Скотланд-Ярда, которые неотступно следовали за мной по пятам, но все-таки я был на свободе и теперь согласился передать Советскому правительству предложение МИД. Предложение это Москвой было принято, и вопрос о моем отъезде из Англии был, таким образом, принципиально решен.

Однако при практическом проведении этого решения встретился ряд весьма серьезных трудностей. Локкарт был в Москве, я был в Лондоне, сношения железнодорожные, телеграфные, телефонные и всякие другие между обеими столицами в то время были если не совсем порваны, то, во всяком случае, крайне осложнены. Устроить при таких условиях переход советской границы Локкартом и английской границы мною в один и тот же день и час было просто невозможно. В конечном счете вся операция обмена уперлась в вопрос, кто должен первым перейти границу: я или Локкарт? В течение долгого времени мы никак не могли договориться. Тогда я сделал МИД такое предложение: я выеду из Англии первый, но не поеду сразу в Советскую Россию, а останусь в Христиании (ныне Осло) и буду в Норвегии дожидаться выезда Локкарта из Советской России. С тяжелым сердцем Бальфур в конце концов принял мое предложение.

Дело происходило в конце 1918 года. Сношения между Англией и Советской Россией шли в то время через Скандинавию. Сношения эти были чрезвычайно затруднены германской блокадой Англии с помощью подводных лодок, а также громадным количеством мин, установленных в Северном море. Практически мне предстояло из Лондона проехать в Абердин, сесть там на пароход, который под охраной двух миноносцев совершал более или менее регулярные рейсы по линии Абердин – Берген, и затем уже через Христианию и Стокгольм искать доступа в Советскую Россию. Как раз

в момент моего отъезда из Лондона на английских железных дорогах разразилась стачка. Тогда МИД решил отправить меня и моих товарищей (со мной уезжало около сорока большевиков, находившихся еще в Лондоне) на автобусах. Я согласился. Липер поехал сопровождать меня до Абердина. Кроме того, с нами был еще норвежский вице консул в Лондоне, который тоже принимал некоторое участие в моей эвакуации из Англии. Путь от Абердина до Христиании я совершил вполне благополучно.

Прибыв в норвежскую столицу, я явился к норвежскому министру иностранных дел, изложив обстоятельства, при которых произошел мой отъезд из Англии, и заявил ему, что я нахожусь всецело в его распоряжении. Норвежский министр иностранных дел оказался в большом затруднении. Он сказал, что мое соглашение с английским МИД его совершенно не касается и что я могу поступать дальше, как мне заблагорассудится. После норвежского министра иностранных дел я сделал визит британской миссии в Христиании и сообщил ей, что во исполнении моего соглашения с МИД я остаюсь в столице Норвегии до тех пор, пока не будет получено сообщение о выезде Брюса Локкарта из Советской России.

С освобождением и эвакуацией Локкарта произошла известная задержка, и только в первых числах октября он пересек наконец русско-финскую границу. На этом мое соглашение с английским МИД кончилось, а вместе с тем кончилась и история первого советского полпредства в Лондоне».

Источник: Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. – М.: 1989, – С. 72–73

Приложение 2. Воспомяя Брюса Локкарта

Заключение мое длилось ровно месяц. Его можно разделить на два периода: первый продолжался несколько дней и был отмечен неудобствами и страхом; второй, длившийся двадцать четыре дня, можно назвать периодом сравнительного комфорта, сопровождаемого острым душевным напряжением.

На Лубянке, 11, в бывшем помещении Страхового общества, я сидел в комнате, которая была предназначена для регистрации и предварительного допроса второстепенных преступников. В ней было три окна, два из них выходили во внутренний двор. Обстановка состояла из стола, деревянных стульев, старого истрепанного дивана, на котором, если мне везло, разрешалось спать. Обычно я спал на полу. Однако самое тяжелое лишение состояло в том, что комната никогда не оставалась пустой и темной. Все время дежурили двое часовых. Работа младших комиссаров, в пользовании которых была комната, не прекращалась ни днем, ни ночью. В большинстве своем это были латыша или русские матросы. Некоторые были настроены довольно дружелюбно. Они рассматривали меня с особым интересом, иногда разговаривали со мной и давали мне читать «Известия». Другие были грубы и враждебны. Ночью за мной присылал Петерс и я подвергался насмешливому допросу. Я не могу сказать, что он обращался со мной плохо. Желание спать было тяжелым испытанием, и меня утомляли его ночные допросы. По большей части это были настойчивые предложения сообщить ему всю правду в моих же собственных интересах. Он говорил, что мои товарищи уже сознались (один из французских агентов написал антисоюзническое письмо, напечатанное в большевистской прессе), и Петерс предлагал мне сделать то же, если я хочу избежать передачи моего дела в Революционный трибунал. Он не был, однако, ни груб, ни даже невежлив. Наши отношения

заклученного и тюремщика были приятны. Он сам был женат на англичанке, которую оставил в Англии. Его, казалось, интересовал мой роман с Мурой. Иногда он заходил ко мне в комнату и осведомлялся, хорошо ли меня кормят. Пицца - чай, жидкие щи и картофель - была непитательна, но я не жаловался. На второй день он принес мне две книги для чтения: Уэллса «Мистер Бритлинг...» и Ленина - «Государство и революция». Моим единственным утешением были официальные большевистские газеты, которыми меня снабжали мои тюремщики с радостью пропагандистов. Конечно, что касается моего личного дела, газетные сведения были далеко неутешительны. Они были все переполнены заговором Локкарта. Печатались многочисленные резолюции, принятые комитетами рабочих, требующие суда надо мной и смертного приговора. Отводилось также видное место и иностранным комментариям по поводу заговора. В особенности германская пресса отдавала ему должное. Во время войны она сильно страдала от подобных же обвинений в недипломатическом поведении, особенно в деле Папена¹⁹, а теперь она воспользовалась большей частью приписываемых нам проступков, называя их наиболее скандальными в истории дипломатии. Были также неутешительные отчеты о победах большевиков над чехами и союзниками и еще более грозные сведения о терроре, развернувшемся повсюду. Все эти подробности не могли рассеять мою тревогу. С самого первого дня моего заключения я решил, что, если Ленин умрет, моя жизнь не будет стоить ни гроша. Меня могло спасти только одно: из ряда вон выходящая победа союзных войск во Франции. Зная пристрастие большевиков к миру какой угодно ценой, я чувствовал, что такая победа может смягчить обращение со мной большевиков. А «Известия», к моей радости, содержали

не только бюллетени о здоровье Ленина, но и новости о положении на западном фронте. И те, и другие были утешительны. Шестого сентября было объявлено, что Ленин вне опасности. На западе продвижение союзников сопровождалось действительным успехом.

От Петерса я узнал, что мои коллеги сидели все вместе в Бутырской тюрьме. Один я был выделен для одиночного заключения. Это усиливало дурное настроение.

Мое заключение в ЧК было отмечено двумя мрачными инцидентами. На третий день ко мне в комнату ввели бандита. Это был высокий здоровый детина лет двадцати пяти. Я был молчаливым свидетелем его допроса, который сильно разнился от того, что пережил я в руках Петерса. Сперва он, смеясь, утверждал свою невиновность. Не было более лояльного сторонника советского режима, чем он. Никто так добросовестно не соблюдал декреты. Обвинения в бандитизме и контрабанде были делом контрреволюционеров, хотевших его погубить. Он изобразил себя в прекрасном свете, но комиссар не обратил на это никакого внимания. Он безжалостно повторял свой вопрос: «Где вы были в ночь на двадцать седьмое августа?» Бандит сперва шумел, затем смутился, стал лгать, а когда заметил, что комиссар видит его ложь, начал рыдать и просить пощады. Комиссар засмеялся и нацарапал что-то на клочке бумаги. Он протянул бумажку часовому, бандит все еще стоял на коленях у стола. Часовой взял его за плечо, и тотчас все его поведение изменилось. Увидев, что судьба его решена, он вскочил на ноги, отбросил одного часового к стене и стремительно бросился к двери. Один из большевиков подставил ему ногу, и бандит упал, растянувшись на полу. Его схватили и вытащили из комнаты, а он продолжал драться и проклинать своих тюремщиков.

Второй инцидент, более потрясший мои нервы, произошел в последний день моего пребывания на Лубянке, 11. Я читал, когда Петерс вошел в комнату. Я отошел с ним к окну поговорить. Когда у него была свободная минута, он любил поговорить об Англии, войне, капитализме и революции. Он рассказывал мне необыкновенные вещи о своих переживаниях в бытность революционером. Он сидел в тюрьме в Риге во времена царизма. Он показывал мне свои ногти в доказательство тех пыток, которые он перенес. Ничто в его характере не обличало бесчеловечного чудовища, каким его обычно считали. Он говорил мне, что каждое подписание смертного приговора причиняло ему физическую боль. Я думаю, это была правда. В его натуре была большая доля сентиментальности, но он был фанатиком во всем, что касалось столкновений между большевизмом и капитализмом, и он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости.

В то время, как мы разговаривали, автомобиль вроде «Черной Марии»²⁰ въехал на задний двор, из него вылез отряд людей с ружьями и патронташами и занял весь двор. В это же время как раз под нашим окном открылась дверь и три человека с опущенными головами медленно направились к автомобилю. Я их тотчас же узнал. Это были Щегловитов²¹, Хвостов²² и Белецкий²³ – три экс-министра царского режима; они сидели в тюрьме с начала революции. Затем последовала некоторая пауза и потом крик. Из двери наполовину вытолкнули, наполовину вытащили жирного священника и повели к «Черной Марии». Он был жалок. По лицу катились слезы. Колени его подогнулись, и, как мешок, он упал на землю. Мне стало нехорошо, и я отвернулся. «Куда их ведут?» – спросил я. «Они отправляются в другой мир», – сухо сказал Петерс. «Вот

этот, – добавил он, указывая на священника, – вполне это заслужил». Это был известный епископ Восторгов²⁴. Экс-министры были первой партией из нескольких сот жертв террора, расстрелянных в это время в качестве платы за покушение на Ленина. Ночью Петерс прислал за мной.

– Завтра, – сказал он, – мы перевозим вас в Кремль. Там вы будете один, и вам будет удобнее.

В моем присутствии он позвонил коменданту Кремля.

– Готовы ли комнаты для гражданина Локкарта? – спросил он не допускающим возражения голосом.

Очевидно, ответ был отрицательным.

– Ничего не значит, – возразил Петерс, – дайте ему комнату Белецкого.

Белецкий был одним из экс-министров, расстрелянных днем. Это казалось зловещим намеком. Кремль предназначался только для наиболее несчастливых политических заключенных. До сих пор никто оттуда не вышел живым.

Меня перевезли в Кремль вечером восьмого сентября и поместили в кавалерском корпусе. Мои новые комнаты были чисты и удобны. Они состояли из маленькой прихожей, приемной, крошечной спальни, ванной комнаты – увы, без ванны – и маленькой кухни. Комнаты в прежнее время были предназначены для фрейлины. К несчастью, окна с обеих сторон выходили в коридор, так что я был лишен свежего воздуха. К несчастью также, я был не один, как мне обещал Петерс. У меня нашелся товарищ по заключению, латыш Смидхен, причина всех наших бедствий, которого обвиняли как моего агента и соучастника. Мы провели вместе тридцать шесть часов, и я все время боялся произнести слово. Затем его увели, и я никогда не узнал, что с ним случилось. До сих пор я не знаю,

расстреляли его или щедро наградили за ту роль, которую он сыграл в разоблачении «большого заговора». Был еще один недостаток в моей новой тюрьме. По обе стороны ее стояли часовые, по одному у каждого окна. Они сменялись через четыре часа и при смене заходили ко мне в комнату проверить, там ли я; каждую ночь меня будили в 10,2 и 6 часов. Часовые были по большей части латыши, но были также русские, поляки и венгры. Был еще старик, бывший кремлевский слугитель, убиравший комнаты. Он был, насколько мог, любезен, но весь наш разговор ограничивался просьбой принести большевистские газеты и горячую воду для самовара. Из «Известий» я узнал, что союзные правительства послали резкую ноту большевикам, требуя нашего немедленного освобождения и считая их всех вместе и каждого в отдельности ответственными за нашу безопасность. В отплату в Англии арестовали Литвинова и посадили в тюрьму. Чичерин ответил на протест нотой, в которой излагались все наши преступления, но которая содержала предложение освободить нас в обмен на Литвинова и других русских арестованных во Франции и Англии. Предложение Чичерина было до некоторой степени успокоительным. Однако в других отделах газеты сообщалось, что меня будут судить за преступление, которое карается смертью; я совсем не был уверен в своем освобождении и даже в личной безопасности.

Пища в Кремле была такая же, как и на Лубянке, 11, - суп, чай и картофель. Петерс извинился за это, говоря, что он и его подчиненные получают то же самое. Из того, что я мог заметить во время моего пребывания в ЧК, его слова были правильны. По приезде в Кремль я первым делом написал Петерсу по поводу Муры и своих слуг. Еще раз я обращался к его порядочности. Я сообщал ему, что слуги ни в какой мере не были ответственны за то, что я мог делать или не

делать. Что же касается Муры, спрашивал, какое удовлетворение он получает, сражаясь с женщинами. На третий день он приехал ко мне. Он сообщил, что, по всей вероятности, я буду передан для суда Революционному трибуналу. Однако он освободил Муру. И даже больше того, он дал ей разрешение принести мне пищу, одежду, книги и табак. Он брался передать ей от меня записку при условии, если она будет написана по-русски и не запечатана. Вместе с тем он отдал распоряжение коменданту Кремля давать мне ежедневно двухчасовую прогулку. Он был в великодушном настроении. Ленин выздоравливал. Новости с большевистского фронта были прекрасны. Большевики отбили у чехов Уральск. Казань была накануне капитуляции.

Петерс сдержал свое слово. Днем я получил конкретное доказательство освобождения Муры в виде корзины с одеждой, книгами, табаком и даже такими предметами роскоши, как кофе и ветчина. Было также от нее длинное письмо. Конечно, в нем не было никаких новостей, но оно пришло запечатанным. Его не могли прочесть пытливые глаза моих стражей. Петерс сам запечатал его официальной печатью ЧК с припиской, подписанной его решительным почерком: «Прошу передать это письмо запечатанным. Я его прочел. Петерс». Этот странный человек, которому я внушал почему-то интерес, решил доказать мне, что большевики в мелочах могут быть такими же рыцарями, как и буржуа.

Одежда и пища, но особенно одежда, были истинным благодеянием. Я не снимал костюма, не умывался и не брился вот уже шесть дней. Тревога моя длилась еще две недели. Как раз накануне Крыленко, общественный обвинитель, выступал на митинге и под громкие возгласы одобрения объявил, что будет вести дело о союзных заговорщиках и что преступник Локкарт

не избегнет должного наказания. Однако с этих пор моя тюремная жизнь стала довольно спокойной. Конечно, время тянулось убийственно долго. Все же постепенно я завел порядок, который заставил проходить день быстрее. Как только я был одет, я начинал раскладывать китайский пасьянс. (С одеждой и книгами Мура прислал а колоду карт.) Я как бы ставил ставку на себя самого. С кельтским суеверием я говорил себе, если пасьянс не сойдется, день кончится несчастьем. С нездоровым волнением я сражался за свою жизнь в карты. К счастью, для спокойствия моего рассудка никогда не случалось, чтобы пасьянс не сошелся. Однако бывали дни, когда я выходил победителем только к вечеру.

Окончив игру в карты, я принимался за чтение. Вот что я прочел за три недели пребывания в Кремле: Фукидида Ренана - «Воспоминание детства и юности», Ранке - «История папства», Шиллера - «Валленштейн», Ростана - «Орленок», Архенгольтца - «История семилетней войны», Бельтцке - «История войны 1812 года в России», Зудермана - «Розы», Маколея - «Жизнь и письма», Стивенсона - «Путешествие с ослом», Киплинга - «Смелые капитаны», Уэллса - «Остров доктора Моро», Голланда Роза - «Жизнь Наполеона», Карлейля - «Французская революция» и Ленина и Зиновьева - «Против течения». Тогда я был серьезным молодым человеком. Другим времяпрепровождением было приготовление еды. После завтрака я гулял по Кремлю. Первая моя прогулка была одиннадцатого сентября. Это был день взятия большевиками Казани, и Кремль весь был украшен флагами и красными знаменами. В первые дни большевистского режима Кремль был крепостью, в которую редко или совсем не допускали посетителей. Даже в дни моих самых дружественных отношений с большевиками я ни разу не переступил его порога. Мои интервью с Левиным,

Троцким, Чичериным и другими комиссарами были всегда вне кремлевских стен. Теперь я мог видеть все перемены, которые произошли там после Октябрьской революции. Гигантский памятник Александру Второму на площади для парадов был стащен с огромного пьедестала, крест на месте убийства великого князя Сергея снят.

Моим конвоиром в этот первый день был поляк. Он шел рядом со мной с заряженной винтовкой и разговаривал довольно дружелюбно. Он сообщил, что часто сопровождал царских экс-министров во время прогулок и что мало кто из кремлевских пленников вышел отсюда живым. Его товарищи держали пари два против одного, что я буду расстрелян.

В общем конвоиры мои были приличные, смышленные люди, не делавшие никаких попыток насмеяться надо мной. Во все время заключения я наткнулся только на одного, который был действительно мерзок: негодяй с недовольным лицом, проклинавший Англию, ругавший меня убийцей и отказавший в разрешении послать записку коменданту. Он был венгр. Лучше всех были латыши. Многие из них относились к русским презрительно, считая их стоящими ниже себя. Один латыш сказал мне, что, если бы Россия могла выставить в окопы миллион нерусских войск, она непременно выиграла бы войну. Каждый раз, когда латыши наступали, говорил он, их подводили русские, которые никогда не могли их поддержать. С другой стороны, он чрезвычайно уважал лидеров большевиков, считая их сверхлюдьми. Не все мои конвоиры были большевиками. Их можно разделить на три группы: во-первых – ярые коммунисты, убеждавшие каждого своей искренностью и преданностью делу. Таких было немного. Во-вторых, стадо: идущие за толпой – сегодня большевики, завтра – меньшевики. И в-третьих, – наиболее многочисленная – скептики, считавшие, что в России все возможно и все

плохо. Все, однако, были уверены, что революция упрочилась. Даже те латыши, которые стремились вернуться в Латвию, смеялись над возможностью успеха контрреволюции. Для них контрреволюция означала возврат земли собственникам.

Эти прогулки были желанным развлечением в монотонности моего существования. Они не давали мне думать о себе, и, хотя вначале я не мог удержаться от косвенных вопросов конвоирам о своей судьбе, получаемые ответы скоро охладили дальнейшие попытки удовлетворить болезненное любопытство. Ежедневно во время прогулки я заходил в маленькую церковь, построенную в стенах Кремля. Там была знаменитая икона Божьей матери «Нечаянная радость» и небольшой сад вокруг церкви. Перед войной, вдохновленный этим очаровательным названием, я написал о ней небольшой рассказ, напечатанный в «Морнинг пост». Теперь этот храм был в течение трех недель местом моих ежедневных молитв.

В конце первой недели, проведенной в Кремле, ко мне зашел Карахан. Он умалчивал о моем деле. Он также намекал, что общественный суд неизбежен. Он сказал мне, что Рене Маршан, член французской миссии, сообщил большевикам все данные о митинге союзников в американском генеральном консульстве. На этом митинге представители союзников обсуждали такие меры, как взрыв железнодорожных мостов, чтобы отрезать Москву и С.-Петербург от источников снабжения. По словам Карахана, он передал полный список всех присутствовавших. Я засмеялся. Большинство моих разговоров с Караханом велось в тоне легкой иронии.

- Это почище выдумок «Таймс», - сказал я, - и хотите верьте мне, хотите нет, но это новая выдумка вашей ЧК.

- Но это правда, - возразил он. - Через день или два мы опубликуем письмо. К счастью для вас, - добавил он с усмешкой, - вы, кажется, не присутствовали.

Рассказ его был более или менее справедлив. Маршан решился примкнуть к большевикам. После войны он вернулся во Францию и вступил во французскую коммунистическую партию. Он отрекся от коммунизма в 1931 году. Карахан передал мне новости о войне и о том, что делается на свете. Нейтральные дипломаты выпустили резкий протест против террора, из чего я заключил, что они работали для нашего освобождения. Силы союзников не имели успеха в России. Большевики отмечали дальнейшие успехи в борьбе с чехами и русскими контрреволюционными силами. С другой стороны, союзники гнали назад немцев на западе. Австрия и Болгария были накануне крушения. Он признавал, что теперь союзники могут выиграть войну.

Конечно, это были хорошие вести. Они были еще усилены разоблачением истинной цели визита Карахана. Он явился, чтобы узнать мое мнение относительно условий, на которых Англия согласится прекратить интервенцию и заключить мир с Россией. Большевики были готовы предложить амнистию всем контрреволюционерам, которые признают режим, и предоставить возможность убраться из России чехам и союзникам. Было очевидно: если большевики готовы обсуждать условия мира с союзниками, они меня не расстреляют. С другой стороны, союзники, казалось, не хотели выслушивать никаких предложений такого рода. В общем, надежды мои ожили после его визита. Карахан сообщил мне, что Ленин уже может сидеть и принимать пищу.

Погода всю неделю с 14 по 21 сентября была дождливая и скверная, и два дня я не мог даже гулять. Я все еще получал ежедневные послания и роскошные

посылки от Муры. Она мне прислала вечное перо, несколько записных книжек, и я занимался писанием скверных стихов и очень осторожного дневника моей тюремной жизни. Так как большевики меня больше не посещали, я не знал новостей, спал плохо и впал в новый период пессимизма.

Я часто видел Спиридонову, заключенную в одном коридоре со мной. Мы никогда не разговаривали, хотя торжественно раскланивались, проходя мимо друга друга во время ежедневных прогулок. Она выглядела больной и нервной, с черными кругами вокруг глаз. Она была неуклюжа и очень небрежно одета, но в молодости, вероятно, была очень хорошенькой.

Другим заключенным, кого я встречал иногда во время прогулок, был генерал Брусилов. У него случилось какое-то несчастье с ногой, и он ходил с трудом, опираясь на палку. В моем дневнике записано, что «он выглядел больным, измученным и очень старым, выражение лица «было у него хитрое». Был еще заключенный Саблин, бывший советский командир, игравший руководящую роль в задуманном левыми социалистами-революционерами *coup d'etat*²⁵ в июле месяце. Красивый, с привлекательной улыбкой и голубыми глазами, он выглядел почти мальчиком.

Высокое положение заключенных, по-видимому, забавляло наших сторожей. Однажды мой конвоир подвел меня к месту, где раньше стояла статуя Александра II, и с гордостью указал на изречение, грубо выцарапанное с одной стороны огромного пьедестала. Слова, вырезанные одним из наших часовых, гласили следующее: «Здесь красноармейцы 9-го стрелкового латышского батальона имели честь гулять с Брусиловым, Локкартцм, Спиридоновой и Саблиным». Слово «честь» была в кавычках. Я мрачно подумал, что

это, вероятно, единственный памятник, кроме могильного, на котором будет фигурировать мое имя.

21 сентября Карахан опять зашел ко мне. Он был возбужден успехами большевиков на Волге. Красная Армия заняла Симбирск и была полна надежд. Он принес мне оттиски «Призыва», большевистской листовки, напечатанной по-английски, которую должны были сбрасывать с аэропланов над английскими войсками на архангельском и мурманском фронтах. Она содержала грозный рассказ о так называемом союзническом заговоре. Мое имя широко там фигурировало, и к моим другим преступлениям было еще добавлено обвинение в замысле состряпать ложный договор между Германией и Россией как средство заставить союзников сражаться против большевиков. Рассказ, как следовало из газеты, читался как «Тысяча и одна ночь». Я указал Карахану на эти слова и поздравил его с талантливой аллегорией. Это был прекрасный пример выдумки, не лишенной воображения. Карахан, знавший все детали моего ареста, мягко улыбнулся. «Ваше правительство, – сказал он, – поддерживает войну против революции. Союзные войска совершили целый ряд беззаконий в нашей стране. Вы стали символом этих беззаконий. При столкновении между двумя мировыми силами отдельные личности всегда страдают».

На следующий день Петерс нанес мне неожиданный визит. Он привез с собой Муру. Был день его рождения (ему было тридцать два года), а так как он предпочитал не получать подарки, а дарить сам, в виде праздничного подарка он привез Муру. Но не только поэтому его визит был одним из самых волнующих моментов моего заключения. Петерс был в настроении, склонном к воспоминаниям. Он сел напротив меня за маленький столик около стены и начал рассказывать о своем революционном прошлом. Он сделался

социалистом в пятнадцать лет, перенес изгнания и всякие преследования. Я слушал урывками. Мура, стоявшая позади Петерса напротив меня, бесцельно перебирала книги на небольшом столе перед зеркалом. Она поймала мой взгляд, вынула записку и сунула ее в книгу.

Меня охватил ужас. Легкий поворот головы - и Петерс все мог увидеть в зеркале. Я как можно незаметнее кивнул головой. Но Мура, казалось, думала, что я не видел, и вновь повторила все сначала. Сердце мое замерло, и на этот раз я закивал, как эпилептик. К счастью, Петерс ничего не заметил, в противном случае судьба Муры была бы решена. О моей судьбе он не сказал ничего нового, кроме сообщения о приготовлениях, сделанных для суда надо мной, но обращался со мной чрезвычайно любезно, несколько раз осведомился, как обращаются со мной часовые, регулярно ли я получаю письма Муры и нет ли у меня каких-либо жалоб. Затем, извинившись за свой короткий визит ввиду срочной работы и пообещав еще раз привезти Муру, он уехал. Мы с Мурой едва перекинулись несколькими словами, но у меня теперь была надежда. Как только они ушли, я бросился к книге - это был Карлейль, «Французская революция» - и вынул записку. В ней было всего шесть слов: «Ничего не говори - все будет хорошо». Всю ночь я не мог заснуть. На следующий день снова приехал Петерс. Его второе посещение объяснило первое. На этот раз его сопровождала не Мура, а Аскер, шведский генеральный консул, обаятельный, большого ума человек, работавший день и ночь для нашего освобождения. Петерс прямо приступил к делу. Нейтральные дипломаты выражали тревогу относительно моей судьбы. Их сильно обеспокоили слухи, что я расстрелян, что меня подвергали китайским пыткам. Поэтому он привез шведского генерального консула, чтобы тот

убедился лично: 1) что я жив, 2) что со мной хорошо обращаются. Мой разговор с Аскером был ограничен. Мы должны были говорить по-русски, а он плохо знал язык. Более того, ему не было разрешено говорить о моей судьбе. Удостоверившись, что я не голодаю и не подвергаюсь пыткам, он ухитрился сказать, что для меня делается все, что только возможно, и затем ушел.

На следующее утро большевистская пресса передала сообщение, что в то время, как буржуазная пресса распространяет по всему свету слухи об ужасных пытках, которым я подвергаюсь, я сам, отрицая это, сообщил шведскому консулу, что со мной обращаются крайне любезно.

Мое интервью с Аскером было все же не вполне удовлетворительно. Тот факт, что ему не разрешили говорить о моем деле, меня приводил в уныние. Я не боялся больше за свою жизнь, но вероятность публичного суда и продолжительного заключения влияли все еще сильнее, чем прежде, на мой рассудок. Мои опасения еще усилились опубликованными на другой день в «Известиях» разоблачениями Маршана, французского агента. Они были в форме открытого письма к Пуанкаре и в резких выражениях разоблачали контрреволюционную деятельность союзных агентов в России. Хотя мое имя не было упомянуто в этом письме и хотя я никогда не принимал участия в деятельности, которая оттолкнула Маршана от родины, большевистская пресса ухватилась за возможность вылить всю грязь на мою голову. Еще раз меня называли зачинщиком всего того, что было и чего не было, и архипреступным дипломатом. Думаю, я мог бы считать себя польщенным. Я был самый молодой из союзных представителей. И все же был выделен для одиночного заключения в Кремле, а мое имя фигурировало в каждой газете как вожака всех союзных представителей. Сомнительно, чтобы

обращение большевиков со мной, столь сильно различное наедине и публично, определялось только политическими причинами. Я знал их более близко, чем любой из союзных представителей. Я почти до самого конца противился интервенции. Необходимо было использовать все средства и дискредитировать заранее все данные, которые я мог привести против них. Американские чиновники, гораздо больше меня замешанные в разоблачениях Маршана, избегли не только ареста, но даже оскорблений. Большевики знали, что президент Вильсон как историк помнил Наполеона и весьма равнодушно относился к русской политике союзников. Большевики решили не делать ничего, что могло бы повлиять на его отношение к этой политике.

Погода в это время была раздражающая. Были дни, когда светило солнце и жара стояла, как в июле месяце. Это были дни надежд. В другие дни дул ветер, дождь безжалостно стучал по кремлевским стенам. В воздухе чувствовалась зима. Холод и сырость еще более усиливали мое угнетенное состояние. В дневнике записано, что мои нервы, которые до сих пор прекрасно выдерживали все напряжение этих месяцев, начали сдавать.

Двадцать шестого сентября ко мне снова явился Карахан. Как и всегда, он был любезен и приветлив. Мы продолжали разговор о положении союзников в России и возможности начала переговоров о мире, он сообщил мне, что вопрос о моем суде в настоящее время решен. Его не будет. Он полагал, что, возможно, я буду освобожден.

Когда он ушел, я сел за стол и перевел белыми стихами монолог Телля из Шиллера: «Он должен пройти эту пустынную долину».

Через два дня приехал Петерс с Мурой. Это было в субботу, в шесть часов вечера. На нем была кожаная

куртка и брюки цвета хаки, огромный маузер висел сбоку. На лице сияла улыбка. Он сообщил мне, что во вторник меня освободят. Он разрешит мне поехать домой дня на два уложиться. Я поблагодарил, он взглянул на меня, как бы стесняясь, сунул руку в карман и вынул оттуда пакет. «Я хочу обратиться к вам с просьбой, – сказал он. – Когда вы приедете в Лондон, не передадите ли это письмо моей жене?» Кроме того, он дал мне свою фотографическую карточку со своей подписью и показал несколько снимков жены. Прежде чем я успел сказать «Конечно, передам», он передумал: «Нет, я не буду вас затруднять. Как только вы отсюда уедете, вы начнете проклинать меня и называть злейшим врагом». Казалось, он был неспособен приписывать буржуазии человеческие чувства по отношению к пролетариату. Я сказал ему, чтобы он не глумился и дал мне свое письмо. Отбросив политику, я ничего против него не имею и всю жизнь буду вспоминать его внимательность к Муре. Я взял письмо и, конечно, впоследствии передал.

Затем он начал разговор сперва о политике, затем о заговоре. Он открыто признался в присутствии Муры, что американцы также были сильно скомпрометированы в нем, как и все другие. (Уже после моего ареста один американский агент был задержан с планами расположения Красной Армии, спрятанными внутри тросточки.) Он признался, что все показания, которые ему удалось собрать против меня, были ничтожны. Я был либо глуп, либо чересчур хитер. «Я вас не понимаю, – сказал он. – Почему вы едете в Англию? Вы поставили себя в ложное положение. Ваша карьера окончена. Ваше правительство вас никогда не простит. Почему вы не останетесь здесь? Вы можете прекрасно здесь устроиться. Мы можем дать вам работу. Капитализм обречен на гибель».

Я отрицательно покачал головой, и он ушел удивленный. Он не мог понять, как я решаюсь оставить Муру. Он оставил нас с ней вдвоем. Реакция была изумительной. Хотя, не считая первых дней, когда еще не было ясно, что Ленин поправится, я не боялся расстрела, все же напряжение было очень сильно, и я не был уверен, что при малейшей перемене все не обернется против меня. Мы смеялись и плакали. Потом принялись говорить. Так много надо было рассказать, восполнить пробел за целый месяц, когда я ничего не знал о внешнем мире, о товарищах и самой Муре.

Это был бессвязный разговор, прерываемый постоянными отступлениями, но мало-помалу я восстановил всю историю. Мура была в женской тюрьме. Мои коллеги и большая часть французов заключены в Бутырках. Уордвелл, американец, вел себя геройски. Он добился от большевиков уступок. Ежедневно он кормил всех союзных заключенных и Муру из своих запасов. Она же узнала от него, что меня могут расстрелять. В течение десяти дней за мою судьбу сильно боялись. Мое одиночное заключение весьма расстроило нейтральных дипломатов. Ужасная сцена произошла между голландским посланником и Чичериным, когда оба потеряли самообладание. Голландский посланник был убежден, что меня расстреляют, и телеграфировал о своем убеждении в Лондон. Британское правительство ответило угрожающей нотой большевикам. Положение казалось безнадежным, пока Ленин не был в состоянии заняться делом. Когда он пришел в себя, говорят, первая его фраза была: «Прекратите террор». Постепенно горячие головы по ту и другую сторону остыли, и из хаоса возник план: обменять нас на Литвинова и других большевиков в Англии.

Было много всяких препятствий, прежде чем было достигнуто соглашение. Английское правительство,

арестовавшее Литвинова, не доверяло большевикам. Оно не хотело выпустить из Англии Литвинова прежде, чем я перееду русскую границу. Несколько дней казалось, что переговоры не выйдут из тупика.

Я предвидел это затруднение, когда в первый раз прочел это предложение в «Известиях». Я знал, что большевики мало заботятся о Литвинове, но очень много о своем престиже. Единственный способ удовлетворительно разрешить такое дело – это поймать их на слове. И они его выполняют в точности. Если относиться к ним, как к бандитам, они будут вести себя, как бандиты. Я полагал, что английское правительство предпочитает бандитское обращение. Так оно и было. К счастью, Рекс Липер, бывший советником м-ра Бальфура при переговорах, понимал психологию большевиков. Он убедил м-ра Бальфура разрешить Литвинову уехать из Лондона в то же время, когда я выеду из Москвы, и м-р Бальфур, несмотря на оппозицию большинства кабинета, принял его совет. Шведы и норвежцы взяли на себя ведение переговоров. Нам разрешили переехать через русскую границу, как только Литвинов с товарищами приедут в Берген. В течение этого месяца, полного волнений, произошел в связи с нашим заключением один эпизод, заставивший смеяться всю Россию. Когда начались массовые аресты союзных представителей, около шести чиновников, включая Хикса и Гренара, французского генерального консула, укрылись в американском генеральном консульстве, которое после разрыва сношений было занято норвежским посланником. Официально это было теперь норвежское посольство.

Большевики скоро выследили пропавших союзных чиновников. Они хотели их арестовать. В то же время, встревоженные последствиями своего налета на английское посольство в С.-Петербурге, они не хотели вызывать новые нарушения международного права. Они

хотели быть корректными. Они не хотели нарушить дипломатическую экстерриториальность. Но они принудят голодом сдаться укрывшихся. Норвежское посольство помещалось в большом доме с маленьким флигелем, окруженным большим садом, где спали осажденные союзники. Он занимал целый квартал между двумя переулками и был вполне виден с обеих сторон. Большевики окружили квартал войсками, не позволяя никому входить в ворота или выходить из них, и закрыли водопровод и электричество. Ежедневно половина Москвы собиралась на улицах полюбоваться зрелищем. Но союзники не сдавались. Они ежедневно прогуливались по саду. Как только начинался дождь, они выбегали набрать воды в свои тэбы. Они не только не выглядели голодными, а, казалось, даже потолстели. Они выдержали до конца.

Тэбы были на самом деле только предлогом. В подвалах флигеля находились склады американского Красного Креста: мясо в консервах, молоко, бисквиты, масло, свежие яйца, табак. Прекратив подачу воды, ЧК позабыла один кран, который был, по-видимому, соединен с другой магистралью. Неограниченные запасы пищи, чистое, хорошо меблированное помещение и игра в покер вечером за окнами с тяжелыми шторами, чтобы не нарушить иллюзии большевиков, более уютно обставили жизнь осажденных, чем их других товарищей по несчастью.

Вечером после ухода Муры я долго сидел, курил и обзревал положение. Когда испарилась первая радость освобождения, ее сменила глубокая депрессия. Мое будущее казалось безнадежным. Нервы сдали. Теперь, когда меня должны были освободить или, вернее, выслать из России, я не хотел уезжать. Я все время возвращался к предложению Петерса остаться в России с Мурой. Я обратил на него больше внимания, чем это может себе представить английский читатель.

Оно было не так безумно невозможным, как казалось. Садуль Паскаль, юный французский офицер, чертами лица похожий на святого, принял подобные предложения. Думал я и о Маршане! Эти люди не были намеренными предателями. Как и на большинство из нас, на них оказал влияние социальный переворот, который, они понимали, потрясет до основания весь мир. Были минуты, когда я спрашивал себя, что я сделаю, если мне придется выбирать между цивилизацией Уолл-стрита и варварством Москвы. Но теперь я не мог поступать свободно. Я стал центром маленькой международной бури – яблоком раздора для двух систем мира. Мне нельзя стать большевиком. Теперь, когда телеграфные провода половины Европы работали, чтобы обеспечить мне освобождение, я не мог отказаться от своих официальных обязательств. Решение принесло с собой равнодушие и беспомощность. Несколько времени тому назад одна американская газета, критикуя американскую дипломатию в России, сделала сравнение не в пользу американского посланника «с холодным, искушенным Локкартом, беспощадно и расчетливо преследующим английские интересы». Какой сатирой на мое поведение казалось это теперь. Как ничтожны личные желания в этом водовороте международного конфликта.

Сама Мура была удивительна. Она была больна. Температура у нее доходила до 39, но она не жаловалась, она отнеслась к разлуке с русским фатализмом. Она знала, что другого выхода не было.

Еще два дня меня продержали в Кремле. Мура оставалась со мной с утра до вечера. Вместе мы упаковали вещи: книги, колоду пасьянсных карт, заметки и письма – некоторые были написаны на бланках ЧК – это она присылала их. Мы говорили главным образом о прошлом, избегая, насколько возможно, всяких разговоров о будущем.

Во вторник первого октября Карахан заехал попрощаться со мной. Он сообщил, что мы должны уехать на следующий день. В три часа дня меня освободили и под конвоем отвезли на квартиру. У дверей поставили часового и сообщили, что я нахожусь под «домашним арестом».

Квартира была в печальном виде. После моего вторичного ареста ее занимал отряд ЧК. Я обнаружил пропажу жемчужных запонок, нового непромокаемого пальто и значительной суммы денег. Солдаты выпили все наше вино и присвоили запасы провизии. При поисках компрометирующих документов они ободрали обивку со стульев и дивана. Они даже протыкали обои. И все же в закрытой пишущей машинке в моем кабинете я нашел листок бумаги, который ускользнул как от их внимания, так и от моего. На нем стояли следующие слова: «Я подтверждаю, что фирма..... кредитоспособна на сумму в...». К счастью, секретарь, писавший это, не продолжил дальше.

Мне не было разрешено выходить, запрещения принимать посетителей не было. Вечером ко мне зашел Аскер. Он был самый деятельный и самый благоразумный из всех нейтральных представителей. Он сообщил, что в один момент мне серьезно угрожала опасность быть расстрелянным. Я благодарил его от всей души. Он был лучшим из шведов, и ему мы больше всего обязаны нашим освобождением. Вторым человеком, кому мы остались неоплатными должниками за его хлопоты, был Уордвелл. Позднее, когда мы вернулись в Англию, английское правительство пожаловало орден св. Михаила и св. Георгия нейтральным посланникам, ведшим переговоры о нашем освобождении. Мне удалось получить для Уордвелла, который как американец не мог получить ордена, серебряное блюдо с надписью, выражающей

благодарность английского правительства за его услуги.

Другим посетителем была Люба Малинина, племянница Челнокова. Она сообщила, что выходит замуж за «Хикки», который все еще отсиживался в норвежском посольстве. Не могу ли я обеспечить ему свободу на один час завтра, чтобы они могли обвенчаться?

Я обещал сделать все, что могу, и когда поздно вечером Петерс заехал попрощаться, я попросил его полусхотливо, полусентиментально, зная, что он это поймет. Он засмеялся: «Никто, кроме сумасшедшего англичанина, не обратился бы с такой просьбой в такое время. Для них нет ничего невозможного. Посмотрю, что можно сделать. Он сделал, и «Хикки» с Любой обвенчались на следующий день.

Среда – день нашего отъезда – прошла в хлопотах. Петерс прислал письмо с извинениями за пропажу вещей, а в качестве компенсации в него были вложены деньги; я их вернул с благодарностью. Были длинные переговоры с Аскером о наблюдении за английскими интересами и о защите английских подданных в Москве.

В шесть часов вечера часового из моей прихожей убрали, а в 9 часов 30 минут приехал на своем автомобиле Аскер, чтобы отвезти меня на вокзал. Там я встретил своих французских и английских коллег; большинство из них были привезены на вокзал из тюрьмы прямо к поезду. Поезд стоял на боковой платформе за станцией.

Когда я шел вдоль линии, я думал, не будут ли ругать меня товарищи за все то, что они перенесли. Все были как-то молчаливы и покорны. Поезд охраняла рота латышских солдат, они должны были сопровождать нас до границы. Их присутствие создало подавленное настроение. Я думаю, все мы чувствовали, что не

сможем вздохнуть спокойно, пока не выедем из России. Было несколько друзей, пришедших нас проводить: Мура, Уордвелл и несколько русских родственников новой миссис Хикс. В нашем прощании не было ничего драматического или натянутого. Наш отъезд затянулся на несколько часов из-за обычных русских препятствий. Холодной звездной ночью мы с Мурой болтали о пустяках. Мы говорили о чем угодно, только не о себе. А затем я отправил ее домой с Уордвеллом. Я смотрел ей вслед, пока она не исчезла в темноте. Тогда я вернулся в тускло освещенный вагон, чтобы остаться одному со своими мыслями. Было почти два часа утра, когда наш поезд после бесконечного пыхания и ложных попыток сдвинуться медленно отошел от станции. Однако до конца было еще не близко.

Обогнув С.-Петербург («Известия» сообщили, что наш поезд передали на другую ветку, чтобы возбужденное население не разорвало нас в клочки), мы достигли Белоострова, пограничной русско-финской станции, в четверг вечером. Наша радость была преждевременна. Не было финского поезда. Командир латышского конвоя получил строжайший приказ не разрешать нам дальнейший путь, пока он не получит определенного подтверждения о прибытии Литвинова в Берген. От Литвинова известий не было. Оставалось только ждать. Эти три дня в Белоострове показались более тяжелыми, чем мое заключение. Теперь, когда все уже было позади, я поддался нервной депрессии. Мы сбились в кучу в грязном, нетопленном поезде. Провизии у нас было только на несколько дней. Хотя я не боялся, что большевики передумают и вернут нас в Москву. Возможность препятствий не была исключена. Дело затягивалось, нервы все напрягались, и настроение духа портилось. Были даже горячие головы, советовавшие прорваться ночью через узкую пограничную полосу. Лично для меня ночи были

невероятным мучением. Теперь я почти совсем не спал. Я разговаривал с Лавернем и Хиксом. Мы все старались оправдаться, повторяя старые аргументы, и утешались мыслью, что, если бы союзники послушались нашего совета, они не попали бы в такую кашу. Я думаю, все мы поняли, что при всяких обстоятельствах интервенция была бы ошибкой. Мы предвидели, что нас будут ругать и что как генералы, так и политики будут прикрываться тем, что они плохо были осведомлены.

Больше всего я гулял по платформе. Я хотел быть один. Я страшился приезда домой и тех расспросов, которые придется перенести. Погода, на счастье, была прекрасная, и под звездным северным небом я мог бы пройти много миль. Надежда угасла в моем сердце. Иллюзий о приеме на родине у меня не было. В течение нескольких дней имя мое будет фигурировать на первых страницах газет. Меня окружают репортеры, фотографы, я буду принят кронпринцессой шведской, королем, м-ром Бальфуrom. Все вздохнут спокойно. Если бы со мной что-нибудь случилось, возникли бы неприятные осложнения и, может быть, некоторое угрызение совести в Уайт-холле? Затем меня забросят на полку. Мое знакомство с запутанным положением, единственное для настоящего времени, покроется ржавчиной. Никого так скоро не забывают, как человека, политические способности которого дискредитированы. А мои политические способности были дискредитированы в глазах как защитников большевиков, так и интервентов. Будущее мое было не из приятных, и я подверг свою совесть суровому допросу.

Несколько месяцев тому назад, когда мы слегка повздорили по принципиальному вопросу, Мура назвала меня «довольно умным, но недостаточно; довольно сильным, но недостаточно; немного слабым, но недостаточно». Сам Петерс охарактеризовал меня как

человека «золотой середины» и презирал меня. Как казалось тогда, так кажется и теперь, это хорошее определение моего характера. А теперь я покинул Муру. Чаша моего несчастья переполнилась.

Каковы бы ни были мои сокровенные мысли, я должен был на людях быть бодрым. Роль надо разыграть до конца. В поезде было около сорока или пятидесяти французов и англичан. Мы должны были поддерживать хорошие отношения с латышом-командиром и стараться убедить его ускорить наш отъезд. Для поддержания духа я организовал ряд матчей в pitch a cross между нами и французами.

Мы играли на платформе, которая служила нам площадкой, окруженные латышскими солдатами и русскими станционными чиновниками. Они были увлечены так же, как и мы. Без сомнения, было забавно видеть французского генерала с серебряной головой, становившегося на одно колено, чтобы измерить носовым платком расстояние между кучками рублей на платформе. Может быть, они считали нас сумасшедшими, но это им нравилось, и недолго пришлось бы убеждать латыша-командира принять участие в игре, правда, он отказался, но в его отказе чувствовалось колебание. Может быть, он боялся, что в Москве сочтут его участие в игре непролетарским. Англия или, скорее, Шотландия выиграла. В дни моей пресвитерианской юности я прилежно играл в эту игру каждое воскресенье, и мы были более опытными игроками. К концу матчей настал конец и нашим волнениям. В то время как мы собирали свои монеты, командир подошел с телеграммой в руках. Все было в порядке. Финский поезд готов, и мы должны ехать немедленно. Он принес нам русские газеты из С.-Петербурга. В них была масса новостей. Болгария была побеждена и подписала перемирие. Австрия просила мира. Линия Гинденбурга на Западе была прорвана. На

моих товарищей новости подействовали как укрепляющее лекарство. Большинство из них смотрели на отъезд как на счастливое освобождение от кошмара, рассеявшегося под утренним солнцем. Они могли с надеждой смотреть на будущее. У меня в душе не было ликования. Мое тело двигалось вперед, но мысли шли назад в Москву, в ту страну, которую я покидал, вероятно, навсегда.

Источник: Локкарт Р.Б. История изнутри// Мемуары британского агента. - М., 1991. - С. 298-313.

Шпионов на экипажи кораблей

Регулярные обмены советских разведчиков, которые были, говоря современным языком, «пойманы с поличным» в других странах, начались еще до окончания Гражданской войны на территории Советской России. Так, резидент «Особого отдела РВС Республики» (Региструп Полевого штаба – военная разведка) Павел Дубнер с октября 1918 по июль 1919 года находился на нелегальной работе на Украине. А с июля 1919 по декабрь 1920 года – в Турции. Был арестован в Константинополе за «пропаганду в союзных войсках» и «весь 1920 год просидел в тюрьмах Константинополя и Чанак-Кале, Дарданеллы», вернулся в РСФСР в результате обмена на английских офицеров²⁶. Правда, из военной разведки ушел.

Другой пример обмена. Стефан Жбиковский с декабря 1918 года по март 1919 года находился на военно-политической работе в Варшаве. Был одним из руководителей военной организации Коммунистической рабочей партии Польши и редактором нелегальной газеты «Солдат – рабочий». Также он организовал Военный отдел партии. Поясним, что основная задача таких структур в то время – организация вооруженного захвата власти или как, их тогда называли, революций. Также нужно помнить и том, что Москва и Варшава находились в тоит момент в состоянии войны. В январе 1920 года был арестован и в марте того же года осужден на 8 лет тюремного заключения. В апреле 1921 года благодаря обмену вернулся в Москву. До ареста в 1937 году успел поработать резидентом советской военной разведки в нескольких европейских странах.

Сотрудник советской военной разведки Фриц Калеман работал в Латвии в 1921–1922 годах. В апреле

1922 года был арестован и приговорен к 8 годам лишения свободы. В 1923 году вернулся в СССР по обмену заключенными (1923).

Карл Поднек в 1919-1920 годах находился на территории Латвии в составе разведгруппы Роберта Штейна, которая передавала в Москву в основном экономическую и политическую информацию. Арестован в сентябре 1920 года, как и многие другие члены группы (всего 11 человек). В мае 1920 года был приговорен к 15 годам каторжных работ. Сидел в Рижской тюрьме. В 1923 году вернулся в СССР в результате обмена заключенными.

Резидента на двух студентов

Руководитель группы (резидентуры) советской военной разведки Вольдемар Розе в апреле 1924 года был арестован германской полицией. Через год состоялся суд, где его приговорили к высшей мере наказания за участие в организации вооруженного восстания или, как тогда говорили, революции. Был помилован в августе 1926-го и в сентябре того же года вернулся СССР в результате обмена.

Существует распространенное мнение, что Вольдемара Розе обменяли на трех студентов Берлинского университета: Карла Киндермана, Теодора Вольшта и Макса фон Дитмара. Первые двое были поданными Германии, а третий - Эстонии. В Москву они приехали в середине октября 1924 года. На самом деле обменяли четырех человек, которые выполняли задания советской военной разведки на 14 граждан Германии, которые по разным причинам приехали в СССР и были арестованы по обвинению в шпионаже. Да и из СССР выехало не трое, а только двое студентов, но об этом ниже.

До сих пор остается загадкой – были ли эти трое студентов случайными жертвами в большой игре ОГПУ или же чекисты намеренно заманили их в ловушку, обратив на группу внимание еще в Германии, на стадии получения виз для въезда в СССР. Дело в том, что сотрудник посольства Якубович посоветовал им для быстрого получения виз вступить в КПГ (компартия Германии). Двое из них последовали этому совету и обзавелись партбилетами. Вот только эти документы сыграли с ними злую шутку.

Сотрудники ОГПУ арестовали их ночью 24 октября 1924 года в Москве. Среди изъятых у них вещей внимание следователей привлекли эти партбилеты. В частности, было установлено, что партийный билет Киндермана выдан в 1924 году, хотя год вступления обозначен как 1920, осенью же 1924 года в билет вклеены марки, якобы подтверждавшие уплату членских взносов за предыдущие годы. Подлинность членства в КПГ фон Дитмара также вызвала у следователей ОГПУ большие сомнения. Тем более, выяснилось, что он, вероятно, чтобы скрыть свою принадлежность к аристократии, выбросил приставку «фон» и добавил привычное для русских фамилий окончание – по партийному билету он числился Дитмариным.

Вначале студентов обвинили в шпионаже, целью которого было якобы выяснение связей между КПГ и Коминтерном. А позднее – в подготовке террористических актов против Иосифа Сталина и Льва Троцкого. Серьезные обвинения.

По инициативе ОГПУ 21 февраля 1925 года в газете «Известия» появляется сообщение о том, что в Москве арестована группа немецких шпионов, прибывших в страну под видом научной экспедиции. ОГПУ утверждало, что студенты, являясь на самом деле членами фашистской организации «Оргеш», подделали

документы КПГ, чтобы под прикрытием партбилетов проникнуть в СССР. Как доказанный факт описывались зловещие планы группы по совершению террористических актов, хотя не было даже окончено следствие, не говоря уже о решении суда.

Однако в ходе судебных заседаний, проходивших с 22 июня по 3 июля 1925 года, убедительных доказательств какой-либо преступной деятельности немецких студентов на территории СССР получить не удалось. Не было установлено, несмотря на якобы уличающие показания Баумана и других подставных свидетелей, абсолютно никаких реальных действий по подготовке террористических актов, которые бы предприняли подсудимые.

В своем последнем слове Киндерман и Вольшт заявили, что не признают себя виновными и назвали все происходящее полным фарсом. Киндерман сказал, что высшей меры наказания достойны не они, а следователи ОГПУ, полностью нарушившие все требования законности. А вот Макс фон Дитмар выступил с последней длинной речью, скорее всего, судя по ее содержанию и лексикону, написанной для него сотрудниками ОГПУ. Он со следствием активно сотрудничал.

В 19 часов 2 июля 1925 года суд удалился на совещание, оглашение приговора состоялось уже после полуночи – в половине первого ночи. Все трое, в том числе «раскаявшийся» и выступивший с «разоблачениями» своих товарищей фон Дитмар, были приговорены к смертной казни. Приговор был окончательным и не мог быть обжалован. У осужденных оставалась лишь возможность в течение 72 часов просить о помиловании.

В полдень 6 июля 1925 года в Верховный суд поступила телефонограмма из Президиума ЦИК СССР, в которой предписывалось немедленно приостановить

исполнение смертного приговора до особого распоряжения.

В октябре Вольдемар Розе и его два немецких товарища были помилованы, смертная казнь им была заменена длительными тюремными сроками. В ответ на их прошение 31 октября 1925 года на заседании Президиума ЦИК СССР было принято решение о помиловании немецких студентов. Расстрел им был заменен десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией и последующим поражением в правах на пять лет.

После подписания советско-германского договора от 24 апреля 1926 года, в котором вновь подчеркивались дружественные отношения между СССР и Германией, начались долгие и тяжелые переговоры о взаимном обмене гражданами, находившимися в заключении на территории другой страны.

В сентябре 1926 года, наконец, состоялся обмен, в результате которого 14 граждан Германии были обменены на Вольдемра Розе Скоблевского и трех других осужденных германских подданных. Таким образом, Киндерман и Вольшт получили наконец свободу, отсидев в тюрьмах негостеприимной для них Советской России без малого два года. В отличие от них фон Дитмару, попытавшемуся спастись за счет своих товарищей и покорностью следователям ОГПУ обеспечить себе «красивую жизнь», не повезло. По официальному заявлению НКВД, он, находясь в тюрьме, «умер от инфаркта» 26 марта 1926 года²⁷.

Греческая история

Еще об одном обмене рассказал историк и ветеран внешней разведки Владимир Антонов:

«В 1923–1924 годах Исидор Мильграм находился на нелегальной работе в Германии. Его деятельность получила высокую оценку Центра. С конца 1924 года разведчик являлся помощником «легального» резидента ОГПУ в Греции. В стране находился под именем Оскара Миллера и под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР. Добился конкретных вербовочных результатов.

Однако 29 декабря 1925 года Мильграм был схвачен сотрудниками Асфалии – греческой службы безопасности – во время встречи с источником, выданным контрразведке провокатором – изменившим членом ЦК Компартии Греции. На квартире «Оскара Миллера» в присутствии жены и малолетнего сына был произведен тщательный обыск.

Вот что писала в то время по этому поводу одна из местных газет («Эстия») 30 декабря 1925 года: «Начальник специальной группы полиции безопасности майор жандармерии г-н Гину начал следствие по делу арестованного коммунистического агента Оскара Миллера...

Арестованный имеет официальный русский паспорт. Однако он не будет освобожден. Поскольку Оскар Миллер не признал себя виновным, его будут судить...

Оскар Миллер по поручению своего Центра руководил деятельностью агентуры в Греции и, в частности, проник в Министерство иностранных дел, откуда получал копии важных международных документов...

Один из руководящих сотрудников Министерства иностранных дел также арестован и подвергается допросу».

Три месяца Мильграм провел в тюрьме, где подвергался интенсивным допросам. Затем состоялся

его обмен на 2-го секретаря греческого посольства, арестованного в Москве»²⁸.

«Провал» карьере не помеха

Сотрудник советской военной разведки Борис Буков с 1921 года находился на нелегальной работе в Польше. В 1923 году его арестовали и после 2,5 лет тюремного заключения обменяли. После возвращения в СССР он снова был отправлен в заграничную командировку – с 1925 по 1926 год был помощником резидента в Берлине. Затем с 1926 по 1928 год – резидентом в Ковно (Литва). В июне 1928 года был представлен начальником Разведупра штаба РККА Яном Берзиным к награждению подарком в связи с 10-й годовщиной РККА в числе других «зарубежников-агентурщиков», которые «имеют многолетний агентурный стаж по работе на Польшу, Балканы и другие страны». В 1933–1938 годах – на нелегальной работе в США. Затем на преподавательской работе. Последнее место службы в органах военной разведки – старший преподаватель кафедры разведки 3-го факультета Высшей специальной школы Генштаба Красной Армии (сентябрь 1940 – июнь 1941 года). С июня 1941 года – начальник кафедры страноведения 2-го Московского государственного педагогического института иностранных языков. Высока вероятность того, что из армии его уволили по состоянию здоровья. Все же началась война, и такой профессионал мог бы принести немало пользы Разведупру.

В 1922 году сотрудник советской военной разведки Освальд Дзенис («Рукитис») выехал в Германию. С июня по сентябрь 1923 года – был членом бюро подпольного ЦК КП(б) Латвии в Риге. Был арестован и приговорен к 5 годам каторги. В январе 1926 года вернулся в СССР по

обмену политзаключенными. Правда, после этого, в феврале 1926 года, был зачислен в резерв РККА. Зато это не помешало карьере в другой сфере. С апреля 1934 по ноябрь 1936 года – профессор УАМЛИН (Украинской ассоциации марксистско-ленинских институтов) и Института красной профессуры (апрель 1934 – ноябрь 1936 года). Правда, в ноябре 1936 года был репрессирован. Высока вероятность того, что он стал жертвой внутривнутрипартийной борьбы, а не работы в сфере военной разведки.

В сентябре 1925 года на территории Китая был арестован сотрудник советской военной разведки Леонид Бурлаков («Аркадий»). Во время следствия к нему применялись пытки. В 1926 году он был приговорен к 9 годам и 2 месяцам каторжной тюрьмы. С сентября 1925 года по апрель 1930 года отбывал срок в китайской тюрьме. Освобожден в обмен на пять китайских офицеров, взятых в плен во время вооруженного конфликта на КВЖД²⁹. В январе 1931 года он был представлен к награде в составе группы «работников Штаба РККА», которые «своей выдающейся инициативой и безграничной преданностью интересам пролетариата в исключительно трудных и опасных условиях только благодаря личным своим качествам сумевших дать необходимые и высокоценные сведения».

С 1931 по 1938 год Бурлаков создавал разведпункты в Китае, Корее и Японии, базы на территории Дальнего Востока на случай войны. Из служебного документа: «Специальную работу любит и является фанатом этого дела. В подборе кадров исключительно грамотен, умеет их не только подбирать, но и воспитывать. Особо ценен своими знаниями в условиях работы на Дальнем Востоке. Предусмотрителен. Умело использует связи для нашей работы».

Участник Великой Отечественной войны. С июля 1941 по август 1944 года по линии НКВД и Генштаба занимался подготовкой зафронтовых разведчиков и партизан, несколько раз сам выполнял задания за линией фронта. С августа 1944 года служил в запасном офицерском полку. С 1945 года – в запасе.

В 1934 году сотрудник внешней разведки Дмитрий Федичкин был назначен помощником резидента в Варшаве. В результате работы с подставой польской контрразведки в 1936 году он был арестован и заключен в тюрьму. В том же году Федичкин был обменян на польского разведчика, задержанного с поличным в СССР. Этот эпизод никак не отразился на его карьере. Через два месяца, в 1936 году, был направлен сначала помощником, а затем резидентом в Италию, где находился до 1940 года. От руководимой им резидентуры поступала интересующая внешнюю разведку информация, в том числе документальная. В 1940–1941 годах работал в контрразведывательном управлении НКВД.

Йозеф Дицка (в СССР: Иосиф Людвигович Дицка; «Курт Денис», «Винклер», «Йозеф Новак» и др.) по линии советской военной разведки был направлен в Австрию с задачей воссоздать (но уже в рядах компартии) разгромленную после февральского восстания 1934 года военизированную социал-демократическую организацию Шуцбунд. Создал «Автономный Шуцбунд» и стал одним из его руководителей (1934–1935 годы). В марте 1935 года был арестован с фальшивым бельгийским паспортом на имя Анри Белленже, земельным судом в Вене приговорен к 5 годам тюремного заключения. В июле 1936 года был амнистирован австрийскими властями и 26 августа 1936 года в результате обмена заключенными прибыл в Чехословакию, откуда направился в СССР.

В сентябре 1936 года Йозеф Дицка отбыл в Испанию. С 1936 по 1938 год воевал в составе республиканской армии (начальник штаба 35-й дивизии, майор). Отличился в битве при Брунете (в 15 милях к западу от Мадрида). Работал сотрудником австрийского сектора Управления кадров Интербригад в Альбасете. С 1939 года - в СССР, куда попал через Францию. С 1939 по 1941 год был в распоряжении Специального отдела «А» РУ Генштаба Красной Армии. 10 августа 1941 года был десантирован в Польшу на парашюте в район Влоцкова вместе с Андреем Кабошом («Келлер») с заданием вести разведку в Чехословакии, документы у него были на имя Йозефа Новака. Кабош должен был обосноваться в Словакии, а Дицка в Праге. Йозеф сломал ногу при посадке и покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен.

Арнольд Икал в июле 1925 года был направлен Латвийской секцией Коминтерна на нелегальную партийную работу в Латвию, в сентябре того же года был арестован и при попытке побега тяжело ранен. Приговорен к 4 годам каторжной тюрьмы в 1926 году по обвинению в сборе разведывательной информации для Советского Союза. Вернулся в Москву в январе 1927 года по обмену политзаключенными. Затем в течение десяти лет находился на нелегальной работе по линии советской военной разведки в Германии и США. В ноябре 1937 года был отозван в Москву и репрессирован.

Викентий Илинич с февраля 1924 по июль 1925 года находился на нелегальной зарубежной работе в Варшавской резидентуре советской военной разведки, которую возглавляла Мария Скоковская. Был арестован польской полицией 4 июля 1925 года. Как писала одна из польских газет: «В субботу эта автомашина [такси, принадлежащее одному из членов группы] приехала на ул. Новогродzkую и остановилась перед домом № 12,

чтобы забрать оттуда самого Илинича с важными документами. В тот момент, когда Илинич поспешно садился в авто, его арестовали». Был приговорен по обвинению «в умышленной передаче сведений, составляющих государственную тайну» к 6 годам каторги. В документах польской разведки и в польской прессе именно он называется главой разведгруппы, а Скоковская лишь его связной. В ночь 3 на 4 января 1928 года вернулся в СССР в результате обмена политзаключенными вместе с Марией Скоковской, разведчиком-нелегалом Воледаром Следзьем и другими.

С 1923 по 1925 год в Польше работал сотрудник советской военной разведки Юрий Мазель. В 1925 году был арестован и осужден на 4,5 года лишения свободы. В том же году вернулся в СССР в результате обмена заключенными.

Георг Мольтке (настоящее имя Георг Лаурсен) в январе 1926 года по линии внешней разведки был отправлен на нелегальную работу в Германию, но уже в феврале был арестован в Лейпциге с чемоданом, набитым секретными немецкими документами. Его приговорили к 2,5 годам заключения в крепости и штрафу в 500 золотых марок, но в конце 1927 года он вернулся в Москву по обмену.

С октября 1934 года прикомандированный к разведотделу штаба Белорусского военного округа Семен Чернухо находился на нелегальной работе в Польше с чехословацким паспортом на имя Давида Вольдемана. В сентябре 1936 года был арестован латвийскими властями, когда возвращался в СССР. 3 ноября 1936 года Нарком обороны Клим Ворошилов доложил Иосифу Сталину: «Тов. Чернухо успешно работал в Польше и хорошо держит себя на следствии. Прошу утвердить обмен тов. Чернухо на латвийского

гражданина В. Перштейна». Обмен состоялся, и разведчик-нелегал вернулся на Родину.

Спасти «Доктора Боша»

Продолжались обмены даже во время кровавых репрессий в 37-м году. Так, в октябре 1937-го произошел обмен Якова Бронина (настоящая фамилия – Лихтенштейн, он же «Доктор Бош») на Цзян Цзинго. Последний был старшим сыном Чан Кайши³⁰.

Сотрудник советской военной разведки Яков Бронин в 1933 году сменил Рихарда Зорге на посту руководителя нелегальной резидентуры. Когда в 1935 году его арестовали, то при нем не было подлинных документов, удостоверяющих личность, зато была пара фальшивых паспортов. Его приговорили к 15 годам заключения и отправили отбывать срок в тюрьму в Ханькоу, которая славилась особо тяжелыми условиями.

О дальнейших событиях в своей книге «Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке» рассказал историк Евгений Горбунов:

«Москва делала все возможное, чтобы вытащить из тюремного застенка своего резидента. Было решено попробовать подкупить начальника тюрьмы в Ханькоу, где содержался Бронин...

Организацией освобождения Вальдена (Бронина) руководил резидент ИНО (внешняя разведка – прим. ред.) Вартэ. Под этим именем выступал один из сотрудников политической разведки Эммануил Куцин, работавший под крышей вице-консула в Шанхае. На совещании в полпредстве, где разрабатывался план операции, присутствовали Муромцев, Косов, Иткин и корреспондент «Правды» Гартман. Под фамилией Косова выступал сотрудник ИНО Владимир Нейман... После неудачной операции по освобождению Бронина и

расконспирации его отозвали в Москву, а через некоторое время отправили в заграничную командировку. В начале 1938 года снова отозвали в Москву, в феврале арестовали и по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР расстреляли в Хабаровске.

Абрам Гартман (Гутнер) работал в Разведупре...

На совещании было решено выкупить резидента, предложив крупную сумму в валюте (несколько десятков тысяч долларов) начальнику тюрьмы. Для переговоров с ним Вартэ использовал своего агента «Наидиса», который находился в Китае на нелегальном положении. Муромцев и Косов как работники Центросоюза перевезли деньги на самолете из Шанхая в Ханькоу и вручили их «Наидису». Но он был выдан китайской полиции начальником тюрьмы и при передаче денег арестован. Это был один из немногих случаев, когда на продажного китайского чиновника крупная сумма в валюте не произвела впечатления. Попытка освобождения резидента сорвалась, и китайские газеты начали очередной скандал. Вартэ, Косов и Гартман были расконспирированы перед сотрудниками посольства и китайским обслуживающим персоналом, и их пришлось отозвать в Москву. Крупная сумма денег пропала, а китайская контрразведка, сопоставив прилет в Ханькоу двух советских работников с передачей денег, сделала соответствующие выводы. Таковы были итоги неудачной операции...

А какова судьба главного героя этой истории? После неудачной попытки освобождения он продолжал сидеть в тюрьме. В июле 1937 года началась японо-китайская война, скромно именуемая в Японии «инцидентом», продолжавшаяся до августа 1945 года. Отношения между двумя странами сразу же улучшились, появилась возможность вытащить из тюрьмы резидента, обменяв

его на сына Чан Кайши, арестованного в Советском Союзе. 11 октября 1937 года был произведен обмен, и Бронин отправился в Алма-Ату по трассе «Зет», по которой перегонялась военная техника из Советского Союза в Китай. Тюремная эпопея закончилась для бригадного комиссара благополучно. Несмотря на разгул репрессий, он не только не был арестован, но его даже не выгнали из армии. Он работал в центральном аппарате Разведупра, а в 1940–1941 годах был старшим преподавателем по агентурной разведке Высшей спецшколы Генштаба. Во время войны был преподавателем Военной академии в Ташкенте и Москве. Беда пришла к нему в 1949-м, когда он был арестован и 14 октября 1950 года осужден Особым совещанием при МГБ на 10 лет лагерей. Просидел он в Омской области до 1955 года и в апреле был освобожден и реабилитирован. Потом работал в ИМЭМО Академии Наук научным сотрудником»³¹.

Из «подвала» Лубянки в кабинет министра внутренних дел Тайваня

С Цзян Цзинго тоже не все так просто. Фактически благодаря этому обмену он смог сделать головокружительную политическую карьеру и в 1978 году стать президентом Тайваня. Кто знает, как бы сложилась его жизнь, если бы руководство СССР не приняло решение обменять его на советского разведчика.

Цзян Цзинго родился в Фэнхуа 27 апреля 1910 года в семье военного и политического деятеля Чан Кайши и Мао Фумэй, с которой его отец развёлся вскоре после рождения сына. В 1922 году был отправлен в Шанхай на учёбу, но уже в октябре 1925 года на фоне всё укреплявшихся отношений между Китаем и Советским

Союзом его отправили учиться в Москву, где он некоторое время жил у старшей сестры Ленина, Анны Елизаровой-Ульяновой, фамилию которой «Елизаров» он и взял.

Окончил Коммунистический университет трудящихся Китая.

С 1931 по 1932 год принимал участие в коллективизации сельского хозяйства в бывших сёлах Зарайского района Московской области Большое Жоково и Большое Коровино.

В 1932 году прибыл в Свердловск, где работал на заводе «Уралмаш» в механическом цехе, в 1934 году стал редактором заводской газеты «За тяжёлое машиностроение».

В 1935 году женился на Фаине Ипатьевне Вахревой (на Тайване более известна под именем Цзян Фанлян).

В начале 1937 года был арестован.

В октябре 1938 года он вернулся с женой на родину. После бегства правительства Чан Кайши на Тайвань возглавил министерство внутренних дел, подавил попытки прокоммунистических мятежей.

Агента на экипаж парохода

Во время Гражданской войны в Испании возникла еще одна форма обмена. Иностранных подданных (в большинстве своем немцев, но были и представители других европейских стран), которых НКВД считало шпионами и диверсантами, Москва пыталась обменять на захваченные мятежниками советские пароходы и находящиеся на них экипажи.

Процитируем телеграмму заместителя наркома иностранных дел Владимира Потемкина полномочному представителю СССР в Великобритании Ивану Майскому, которая датирована 4 мая 1937 года:

«На Вашу телеграмму от 2 мая. За время с 30 октября по 10 апреля с. г. зарегистрировано 84 случая задержки советских судов мятежниками; 74 – в районе Гибралтара, 5 – у северо-западных берегов Испании и 5 – в Средиземном море. Теплоход «Комсомол» был потоплен, а команда интернирована. Пароход «Смидович» заведен в порт [Эль-] Ферроль, груз конфискован, команда интернирована. 21 судно было остановлено в пути, обыскано, но без завода в порты мятежников. 52 судна заведены в Сеуту и другие порты на срок до суток и после обыска отпущены. 9 судов были заведены в порты мятежников, задержаны на несколько суток и отпущены после обыска.

Из указанных судов только «Смидович» направлялся в Испанию с грузом продовольствия. Остальные суда следовали не в Испанию»³².

Так, 8 января 1937 года корабли мятежников в Бискайском заливе захватили и увели в свой порт пароход «Смидович». Пароход шел из Ленинграда с грузом продовольствия, проданного Всесоюзным экспортным объединением «Экспортхлеб» испанским республиканским торговым организациям. На пароходе находилось 1850 тонн ржи, 919 тонн чечевицы, 572 тонны пшеницы. Пароход был захвачен в 8 милях от входа в порт Бильбао эсминцем «Веласко» и уведен в порт Пасажес.

Команда во главе с капитаном Василием Готовым и представителем Внешторга Федором Малаховым находилась более девяти месяцев в концлагере вблизи порта Сантандер. Вот что вспоминал по этому поводу второй помощник капитана парохода «Смидович» Павел Миронов:

«Тюрьма находилась на самом берегу Бискайского залива. Из окон доносился шум прибоя, но мы моря не видели, только постоянно ощущали его. Здание было

многоэтажное, режим строгий, случаев побега из этой тюрьмы не было. Камеры были рассчитаны на двоих, но нас набили как сельдей в бочку – до девяти человек в одну камеру.

Спали на полу, не было даже нар. В ночное время там довольно холодно. Мы делали так: всю одежду, которая у нас была, разделили – часть шла на подстилку, другая служила вместо одеяла. Кормили плохо – суп из заваренной кипятком мамалыги и кофейные ополоски. Хлеб давали, но мало.

В тюрьме Сан-Себастьяна мы просидели четыре месяца, а затем нас отвезли в другую тюрьму. Здание ее было старое. Она находилась возле города Толоса, в горах. Там мы пробыли еще месяц. Охрана состояла из молодых ребят, но все они принадлежали к фалангистской партии, носили специальную форму – серый костюм и пилотку со стрелами.

Особенно злобой и ненавистью к нам отличался один из них. Он будил нас по ночам, пинал ногами, постоянно оскорблял. Из Толосы нас вернули в Сан-Себастьян, но на сей раз разместили в подземных камерах».

Из воспоминаний кочегара захваченного судна Петра Кокшарова:

«Допросы начались в тот же день, когда нас привезли в тюрьму. На допрос вызывали в любое время суток, в два и три часа, когда им вздумается. Допрашивали на русском языке. Первым делом подсовывали анкету испанского подданства, обещали свободу, предлагали квартиру в любом испанском городе и безвозвратную ссуду в размере 10 тыс. песет. Очень им хотелось скомпрометировать хотя бы кого-нибудь из нашего экипажа. Но ни один из нас не клюнул на фашистскую наживку. Тогда они пошли на другую подлость. Франкисты объявили, что так как все мы коммунисты и комсомольцы (а из СССР беспартийных не

выпускают), то нас будут судить ревтрибуналом. Но и эта провокация сорвалась. Команда не поддавалась на угрозы и предложения. Через неделю состоялся военный трибунал. Его заседание проходило на испанском языке, и мы, конечно, ничего не поняли. Официально с решением трибунала нас не ознакомили, но говорили, что мы присуждены к каторге (как выяснилось позже, капитану судна В. В. Глотову дали 30 лет, комсоставу – 17, членам команды – каждому по 14 лет)»³³.

Москва предпринимала различные шаги для освобождения советских граждан. Так, 21 апреля 1937 года нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов направил Иосифу Сталину записку следующего содержания, которая была посвящена находящимся под следствием порядка 20 германских подданных:

«Поскольку нами решено уже процесса не ставить и привлеченных к делу германских граждан выслать, я хотел бы попытаться получить от немцев некоторую компенсацию: во-первых, освобождения некоторых советских граждан, арестованных в Германии, во-вторых, использовать влияние германского правительства на генерала Франко в целях освобождения интернированных команд «Комсомола» и «Смидовича».

Я не думаю предлагать обмен, ибо освобождение команд не зависит целиком от Германии, а лишь получить от германского правительства обещание против освобождаемых нами немцев добиваться освобождения наших команд.

Полагаю, что возражений против этого не будет»³⁴.

С аналогичным предложением 16 марта 1938 года к Иосифу Сталину обратился нарком внутренних дел СССР Николай Ежов. В направленном на имя руководителя страны письме он предложил обменять

подданного Франции, который обвинялся в шпионаже и вредительстве, на задержанный в одном из французских портов пароход «Покровский».

В марте 1938 года «НКВД СССР закончило следствие по делу арестованного» подданного Франции Василия Божича. Родился он в 1885 году, с 1904 по 1908 год состоял в партии большевиков. Правда, в 1908 году эмигрировал во Францию и на родину вернулся только в 1930 году в качестве «иноспециалиста». Трудился он в СССР консультантом «Главникельзолота».

«Следствием установлено, что перед выездом в Советский Союз в 1930 году Божич был привлечен французской разведкой в лице ее агента Дюкастеля – директора французского акционерного общества «Леникель» – к подрывной шпионской работе в цветной промышленности СССР. С этой целью Божич прибыл в СССР.

Дюкастель нам известен как старый французский разведчик, бывавший в Советском Союзе и арестовывавшийся ВЧК в 1919 году за разведывательную деятельность и высланный из Советской России.

За время своей работы в советском Союзе Божич систематически передавал французской разведке сведения о состоянии строительства и пуске никелевых предприятий, о работе действующих никелевых заводов, о выявленных запасах никеля и возможности их использования.

С вредительской целью Божич затянул на год проектирование Уфалейского и Орского никелевых комбинатов и сорвал работу опытных никелевых заводов в Полевском и Орске».

Далее Николай Ежов указал на то, что «французское правительство через своего посла в Москве неоднократно поднимало вопрос перед НКВД (наркомат иностранных дел) о высылке Божич из СССР и что НКВД намерено использовать это обстоятельство при

переговорах о снятие ареста с задержанного во французском порту парохода «Покровский»».

Высока вероятность того, что Божича так и не смог вернуться во Францию. На документе есть резолюцию Иосифа Сталина: «Освободить Божич не следует (он не француз и натворил у нас много зла)»³⁵.

Все же Москве и Берлину удалось договориться при посредничестве Международного Комитета Красного Креста об обмене задержанными. 1 октября 1937 года на французскую территорию были доставлены советские моряки.

По воспоминаниям третьего механика парохода «Смидович» Федора Брилина, перед освобождением «начальник тюрьмы сообщил нам, что этой милостью мы обязаны генералу Франко. На прощание он пригрозил: «Смотрите, больше в Испании не появляйтесь!» На что один из нас ответил: «Куда пошлют, туда и пойдём». Город Ирун: на одном берегу реки Испания, на другом – французская территория, река является государственной границей. Нашу группу из 20 человек солдаты подвели к мосту, и старший сказал: «Идите». Большинство не выдержали, побежали. Были слышны голоса: «Ребята, стойте, идите спокойнее, не бегите», но эти слова слились с топотом ног».

На французской земле моряков встретили представители советского полпредства. 2 октября они прибыли в Париж. Здесь, со слов советского полпреда во Франции Сурица, выяснилось, что советские моряки были обменены на франкистских офицеров. А затем состоялось торжественное возвращение на родину. 17 октября 1937 года в Ленинград прибыла первая группа освобожденных моряков парохода «Смидович». 1 ноября 1937 года на теплоходе «Андрей Жданов» из германского порта Бремергафен выехала в Ленинград

вторая группа моряков теплохода «Комсомол» и «Смидович». 5 ноября 1937 года они прибыли в город на Неве. А 4 августа 1938 года в Ленинград на теплоходе «Феликс Дзержинский» прибыла третья группа из 8 человек. 6 октября 1938 года в Ленинград прибыли еще четверо моряков.

17 октября 1938 года во Францию прибыл вырванный из фашистских застенков капитан парохода «Смидович» Василий Глотов, последний из членов экипажа, 25 октября 1938 года он на теплоходе «Андрей Жданов» вернулся в Ленинград.

После своего возвращения в СССР в октябре 1938 года он рассказал о всем, что произошло в беседе с корреспондентом «Известий»:

«В декабре 1936 года мы вышли в море на пароходе «Смидович». Наш пароход славился как передовой, и молодая команда его не однажды получала благодарность от Наркомвода. Самыми «старыми» на корабле были механик парохода и я, капитан (мне в то время исполнилось 32 года). Представители советской молодежи, моряки парохода «Смидович», были горды порученным заданием и с радостью шли в рейс. Мы везли хлеб, крупу, зерно для матерей, жен и детей героических бойцов республиканской Испании. Сознывая всю ответственность нашего рейса, мы старались возможно скорее доставить драгоценный груз.

Наш корабль уже приближался к берегам Испании, когда на рассвете 8 января 1937 года в 7 милях от Бильбао он был неожиданно окружен военными кораблями фашистских мятежников.

На груженное хлебом торговое судно сразу ополчились эсминец «Веласко», крейсер «Эспанья», минные заградители и тральщики. Трусливые фашистские вояки выступили целым соединением

против совершенно безоружного парохода. На фашистских кораблях поднялись сигналы:

- Ложитесь на норд!

Сразу же после этого обошедший нас эсминец дал выстрел. Окруженные современными морскими пиратами, мы вынуждены были взять курс на север. Нас отгоняли от берега в открытое море. Мы подготовили шлюпки, спасательные пояса, но жизнь на корабле продолжала идти четко, без малейшего смятения. Ни на одну минуту не прерывалась работа. Глядя в лицо опасности, мы твердо делали свое дело под наведенными на нас орудиями крейсера «Эспанья». В 5 часов утра, окруженные фашистской «армадой», мы повернули на порт Пасакес, и вскоре вооруженные гвардейцы Франко ворвались на борт «Смидовича». Они заняли радиорубку и все помещения корабля. Мы оказались захваченными в плен. Весь экипаж корабля был арестован.

В порту Пасакес фашисты принялись за разгрузку «Смидовича». Я протестовал против незаконного задержания корабля и против его разгрузки, требовал вызова консулов европейских государств. Но протесты остались безрезультатными. Груз корабля расхищался мятежниками. Нам все время угрожали зверской расправой, и 25 дней стоянки в порту превратились бы для нас в тягчайшее страдание, если бы мы не встречали на каждом шагу братского сочувствия трудящихся Испании. По вечерам у советского теплохода появлялись шлюпки, из которых нас приветствовали салютами, ободряли сочувствием складские рабочие. Мы видели даже, как рабочие издали фотогафировали наш корабль с продолжавшим развеваться на нем красным флагом.

2 февраля начались мытарства ни в чем не повинных советских моряков торгового флота, в фашистских тюрьмах. Нас бросили сначала в застенки

тюрьмы Сан-Себастьяна, затем в Толосу. В сентябре этого года меня снова возвратили в одну из мрачайших фашистских тюрем – Сан-Себастьян. Это было тяжкое испытание, и все мы полны гордости, что ни один из нас не сдался в ожесточенной борьбе с озверелыми тюремщиками...

Сначала нас почти не выпускали на прогулки и все время держали в тесных, вшивых камерах, без матрацев, без света, в грязи. Зажжешь, бывало, спичку, она тухнет от недостатка кислорода. Советских моряков пытались сломить голодом...

В сентябре прошлого года вас повезли на фашистское судилище. Мы были брошены в подвал. Все продолжавшиеся с марта допросы ничего не дали фашистам. На судилище нам смогли предъявить только обвинение в «контрабанде» и... прорыве военной блокады. За то, что мы везли хлеб голодным семьям испанских республиканских борцов, фашистский прокурор требовал для каждого из моряков «Смидовича» многолетней каторги. Я как капитан бил осужден на 30 лет каторги. Однако никто из моих товарищей так никогда и не услышал «судебного» приговора. Мне официально объявили о нем только в июне этого года. После «суда» нас снова бросили в тюрьму...»³⁶.

Во время Второй мировой войны

После начала Второй мировой войны главной задачей, стоящей перед советской военной разведкой в Китае, стал сбор информации о дальнейших военных планах Японии в отношении возможного нападения на СССР.

В мае 1940 года в Шанхае объявились три посланца Москвы: члены КПГ, ветераны гражданской войны в

Испании Ганс Шуберт и Фридрих Диккель, жена последнего Дорис, урожденная Сарккинен, финка из Канады. Перед своей китайской миссией Ганс и Фридрих прошли специальную подготовку в Москве. Вскоре к ним присоединились опытные уже советские военные разведчики латыш Эрих Краутман, американец Альберт Фейерабенд, а также и Альфред Розенбаум. К ним присоединился немец Вилли Херпольд.

В сентябре 1941 года на Дальний Восток «по делам нашей стратегической разведки» направлен Яков Певзнер.

К середине 1942 года в Шанхае существовало по крайней мере четыре резидентуры военной разведки.

1-я резидентура ГРУ: Федор Григорьевич Кочкин – директор представительства ВО «Интурист» в Шанхае – Н.Г.Владимиров.

2-я резидентура ГРУ: Олег Васильевич Серов – корреспондент ТАСС Василий Тихонович Власов («Линк»).

3-я резидентура ГРУ: Василий Никитич Константинов.

А также резидентура РУ Главного штаба ВМФ: Яков Певзнер, директор отделения «Экспортхлеба» при торгпредстве СССР. Состояла из двух работников и двух агентов.

Кроме того, в них входили Морис Израилевич Сулевич, Борис Носаев, Алексей (Алик) Хаиндрава, Ираклий Васильевич Колотозашвили, китаец Ван Хойна и др. Связи резидентур не ограничивались Шанхаем и вели также в другие города страны. Именно китайские коммунисты являлись главными поставщиками информации.

Радиста Бориса Носаева (русского эмигранта, радиста английской пароходной компании Моллера) запеленговали и арестовали 23 октября 1942 года. Не

вынеся издевательства над своей матерью, он выдал Якова Певзнера и Ираклия Колотозашвили.

Аресты остальных последовали 23-25 октября 1942 года. Арестовали 17 человек: два грузина, два еврея, три немца, два латыша, иранец, китаец и шестеро русских. Советских из них было пятеро в том числе Колотозашвили. В японских тюрьмах они подвергались пыткам, и не все их выдержали. Так, девушка-радистка, латышка по национальности, сошла с ума. немец-радирист стал калекой, но никого не назвал.

Спустя три месяца состоялся суд. Приговор японского военно-полевого суда в декабре 1942 года - смертная казнь - заменена сроками от 2-х до 10-ти лет. Расстрелян был только китаец.

7 марта 1945 года пятерых советских граждан (Ф.Г.Кочкина, И.Г.Колотозашвили, Я.А.Певзнера, В.Т.Ветрова, М.И.Сулевича) обменяли между пограничными станциями Маньчжурия и Отпор на пятерых японцев, арестованных в СССР.

Вскоре, после захвата Шанхая, были освобождены и остальные. Интересно, что один из них, немец-радирист, стал министром внутренних дел ГДР. Часть освобожденных продолжила работу за рубежом. Но не всем так повезло, некоторые попали в советские лагеря.

Обмен летом 1941 года

В августе 1941 года на территории нейтральной Турции встретились два поезда: из Москвы ехали немецкие граждане, из Берлина – граждане СССР. Состоялся обмен, и дипломаты вернулись на Родину.

В Берлине

О том, что происходило в Берлине, можно узнать из мемуаров первого секретаря посольства СССР в Германии в 1940-1941 годах Валентина Бережкова, который исполнял обязанности переводчика на официальных встречах.

Рассказ об интересующих нас событиях начинается с того момента, когда посол СССР в Германии Владимир Деканозов в сопровождение Бережкова (последний исполнял обязанности переводчика) ранним утром 22 июня 1941 года возвращается от министра иностранных дел Третьего Рейха фон Риббентропа. Война уже объявлена...

«Подъехав к посольству, мы заметили, что здание усиленно охраняется. Вместо одного полицейского, обычно стоявшего у ворот, вдоль тротуара выстроилась теперь целая цепочка солдат в эсэсовской форме.

В посольстве нас ждали с нетерпением. Пока там наверняка не знали, зачем нас вызвал Риббентроп, но один признак заставил всех насторожиться: как только мы уехали на Вильгельмштрассе, связь посольства с внешним миром была прервана - ни один телефон не работал...

Поскольку телефонная связь не восстанавливалась и позвонить в Москву не удавалось, было решено отправить телеграфом сообщение о разговоре с Риббентропом. Шифрованную депешу поручили отвезти на главный почтамт вице-консулу Г. И. Фомину в посольской машине с дипломатическим номером. Это был громоздкий «ЗИС-101», который обычно использовался для поездок на официальные приемы. Машина выехала из ворот, но через 15 минут Фомин возвратился пешком один. Ему удалось вернуться лишь

благодаря тому, что при нем была дипломатическая карточка. Их остановил какой-то патруль. Шофер и машина были взяты под арест.

В гараже посольства, помимо «зисов» и «эмок», был желтый малолитражный автомобиль «опель-олимпия». Решили воспользоваться им, чтобы, не привлекая внимания, добраться до почтамта и отправить телеграмму. Эту маленькую операцию разработали заранее...». Высока вероятность того, что возможность блокировки посольства рассматривалась заранее, и поэтому заранее был разработан соответствующий план.

После того как я сел за руль, ворота распахнулись, и юркий «опель» на полном ходу выскочил на улицу. Быстро оглянувшись, я вздохнул с облегчением: у здания посольства не были ни одной машины, а пешие эсэсовцы растерянно глядели мне вслед.

Телеграмму сразу сдать не удалось. На главном берлинском почтамте все служащие стояли у репродуктора, откуда доносились истерические выкрики Геббельса. Он говорил о том, что большевики готовили немцам удар в спину, а фюрер, решив двинуть войска на Советский Союз, тем самым спас германскую нацию.

Я подзвал одного из чиновников и передал ему телеграмму. Посмотрев на адрес, он воскликнул:

- Да вы что, в Москву? Разве вы не слышали, что делается?..

Не вдаваясь в дискуссию, я попросил принять телеграмму и выписать квитанцию. Вернувшись в Москву, мы узнали, что эта телеграмма так и не была доставлена...

Когда, возвращаясь с почтамта, я повернул с Фридрихштрассе на Унтер ден Линден, то видел, что около подъезда посольства стоят четыре машины

защитного цвета. По-видимому, эсэсовцы уже сделали вывод из своей оплошности.

В посольстве на втором этаже несколько человек по-прежнему стояли у приемника. Но московское радио ни словом не упоминало о случившемся. Спустившись вниз, я увидел из окна кабинета, как по тротуару пробегают мальчишки, размахивая экстренными выпусками газет. Я вышел за ворота и, остановив одного из них, купил несколько изданий...

Снова и снова подходим к радиоприемнику. Оттуда по-прежнему доносится народная музыка и марши. Только в 12 часов московского времени по радио выступил Молотов. Он зачитал заявление Советского правительства:

- Сегодня в 4 часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

«...Победа будет за нами... Наше дело правое...» Эти слова доносились с далекой Родины к нам, оказавшимся в самом логове врага...

Сразу же после нашего возвращения с Вильгельмштрассе были приняты меры по уничтожению секретной документации. С этим нельзя было медлить, так как в любой момент эсэсовцы, оцепившие здание, могли ворваться внутрь и захватить архивы посольства. Консульские работники занялись уточнением списков советских граждан, находившихся как в самой Германии, так и на территориях, оккупированных гитлеровцами.

В первой половине дня 22 июня в посольство смогли добраться только те, кто имел дипломатические карточки, то есть, помимо дипломатов, находившихся в штате посольства, также и некоторые работники торгпредства. Заместитель торгпреда Кормилицын по

дороге из дома заехал в помещение торгпредства – оно находилось на Лиценбургерштрассе, но внутрь его не пустили. Здание торгпредства уже захватило гестапо, и он видел, как прямо на улицу полицейские выбрасывали папки с документами. Из верхнего окна здания валил черный дым. Там сотрудники торгпредства, забаррикадировав дверь от ломившихся к ним эсэсовцев, сжигали документы»³⁷.

Что происходило в торгпредстве

Как и в посольстве, находящиеся в торгпредстве дипломаты не растерялись, а действовали строго по инструкции.

«Уже много позднее один из участников этого эпизода рассказывал мне, что происходило в торгпредстве на Лиценбургерштрассе. В ночь на 22 июня там дежурили К. И. Федечкин и А. Д. Бозулаев. Сначала все шло как обычно, но к полуночи внезапно прекратилось поступление входящих телеграмм, чего никогда раньше не наблюдалось. Это был как бы первый сигнал, который насторожил сотрудников. Второй сигнал прозвучал уже не в переносном, а в самом прямом смысле: когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь ставни, которыми были прикрыты окна комнаты, раздался резкий сигнал сирены. Федечкин снял трубку телефона, связывавшего помещение с дежурным у входа в торгпредство.

– Почему дан сигнал тревоги? – спросил он.

– Толпа вооруженных эсэсовцев ломится в двери, – взволнованно сообщил дежурный. – Произошло что-то необычное. Я не открываю им двери. Они стучат и ругаются и могут в любой момент сюда ворваться.

Сотрудники знали, что стеклянные входные двери торгпредства не выдержат серьезного натиска.

Предохранительная металлическая сетка тоже не служила надежным препятствием. Следовательно, гитлеровцы могли ворваться в помещение в любой момент. В считанные минуты они оказались бы у закрытой двери помещения, которая лишь одна была способна задержать эсэсовцев на какое-то время. Нельзя было терять ни минуты. Федечкин вызвал своих коллег Н. П. Логачева и Е. И. Шматова, квартиры которых находились на том же этаже, что и служебное помещение. Все четверо, плотно закрыв дверь, принялись уничтожать секретную документацию.

Печка в комнате была маленькая. В нее вмещалось совсем немного бумаг, и пришлось разжечь огонь прямо на полу, на большом железном листе, на котором стояла печка. Дым заволакивал комнату, но работу нельзя было прекратить ни на минуту – фашисты уже ломались в дверь.

Железный лист накалился докрасна, стало невыносимо жарко и душно, начал гореть паркет, но сотрудники продолжали самоотверженно уничтожать документы – нельзя было допустить, чтобы они попали в руки фашистов. Время от времени кто-либо подбегал к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха, и тут же возвращался к груде обгоревших бумаг, медленно превращавшихся в пепел...

Когда эсэсовцы взломали, наконец, дверь и с ревом ворвались в помещение, все было кончено. Они увидели лишь груду пепла. Вскоре прибыл закрытый черный фургон, в него втолкнули всех четырех сотрудников и повезли в гестапо. Там их бросили в одиночную камеру. По несколько раз в день их вызывали на допрос, били, пытаясь выведать секретную информацию, заставляли подписать какие-то бумаги. Так продолжалось десять дней. Но советские люди держались стойко, и фашисты ничего не добились. Их освободили только в день нашего отъезда из Берлина и доставили прямо на

вокзал. Они еле держались на ногах. Когда я увидел хорошо знакомого мне прежде по работе в торгпредстве Логачева, то еле узнал его – он был весь в кровоподтеках...»³⁸.

Что происходило в посольстве после обеда

«В тот же день, 22 июня, около двух часов дня в канцелярии посольства внезапно зазвонил телефон. Из протокольного отдела министерства иностранных дел сообщали, что впредь до решения вопроса о том, какая страна возьмет на себя защиту интересов Советского Союза в Германии, наше посольство должно выделить лицо для связи с Вильгельмштрассе.

Поддерживать связь с Вильгельмштрассе было поручено мне, и об этом представителю протокольного отдела сообщили через полчаса, когда он снова позвонил в посольство. Записав мое имя, чиновник сказал: всем находящимся в посольстве лицам категорически запрещается выходить за пределы территории посольства. Представитель посольства, уполномоченный для связи с Вильгельмштрассе, может выезжать только для переговоров в министерство иностранных дел, каждый раз договариваясь об этом заранее, причем в сопровождении начальника охраны посольства – старшего лейтенанта войск СС Хейнемана. Через Хейнемана посольство в случае необходимости может связаться с министерством иностранных дел.

Как мы тут же выяснили, телефонная связь была односторонней: когда мы снимали трубку, аппарат по-прежнему молчал.

К вечеру 22 июня двор посольства походил на цыганский табор. С узлами и чемоданами сюда съехались работники посольства с семьями. Вокруг было много детей самого различного возраста – от

грудных до школьников. В жилом корпусе места всем не хватило. Многие разместились в служебных кабинетах. Но это была лишь небольшая часть всей советской колонии, о которой мы должны были позаботиться. По уточненным спискам оказалось, что вместе с членами семей в Германии и на оккупированных территориях находится около тысячи советских граждан»³⁹.

На этот факт следует обратить особое внимание. Дело в том, что германских поданных на территории СССР по состоянию на 22 июня 1941 года было порядка 120 человек. Большинство немцев уехало в Германию в начале лета 1941 года. Несмотря на значительную разницу в количестве лиц, подлежащих обмену, нужно учитывать еще и тот факт, что советские граждане находились и на территории Финляндии и Италии, Москве удалось настоять на обмене по схеме «всех на всех». И это в июне - июле 1941 года, когда Вермахт стремительно наступал! Ниже изложена версия Бережкова, как этого удалось достичь. Впрочем, возможно, были использованы еще какие-то способы давления на Берлин, кроме тех, о которых он рассказал.

На второй день войны

Продолжим цитировать вспоминая Бережкова. «Утром следующего дня мне было предложено явиться на Вильгельмштрассе для предварительных переговоров. Об этом сообщил нам обер-лейтенант Хейнеман, который сопровождал меня в машине до министерства.

Принявший меня чиновник протокольного отдела заявил, что ему поручено обсудить вопрос о советских гражданах в Германии и на оккупированных территориях. Он уже подготовил список, который, как я заметил, в основном совпадал с нашими данными.

Чиновник сообщил, что все советские граждане интернированы. Однако, заявил он, проблема заключается в том, что в настоящее время в Советском Союзе находится только 120 германских граждан. Это главным образом сотрудники посольства и других германских учреждений в Москве.

- Германская сторона, - продолжал чиновник, - предлагает обменять этих лиц на такое же число советских граждан. Конкретные кандидатуры посольство может отобрать по своему усмотрению.

Я сразу же заявил решительный протест против подобного подхода к делу. Ведь именно тот факт, что в Советском Союзе осталось лишь 120 германских граждан, тогда как здесь находилось около тысячи советских людей, наглядно показывает, что не Советский Союз, как это утверждала германская пропаганда, а Германия заранее готовилась к нападению на нашу страну. Решив начать войну против Советского Союза, германские власти позаботились о том, чтобы отправить из Советского Союза в Германию как можно больше своих граждан и членов их семей. Я сказал, что доложу послу о германском предложении по обмену, но уверен, что мы не тронемся с места, пока всем советским гражданам не будет предоставлена возможность вернуться на Родину.

- Дискуссию об этом я вести не могу, - заявил чиновник, - я лишь передал то, что мне поручено. Должен также сказать, что германское правительство конфисковало в качестве военных трофеев все советские суда, оказавшиеся в германских портах.

Я поинтересовался, о каком числе кораблей идет речь.

- Точно не знаю, - сказал он и тут же, злорадно улыбаясь, добавил: - Кажется, в советских портах нет ни одного германского судна...

Впоследствии, уже вернувшись в Москву, мы узнали, что 20 и 21 июня германские суда, стоявшие в советских портах Балтийского и Черного морей, в срочном порядке, даже не закончив погрузки, ушли из советских территориальных вод.

Реакция всех наших дипломатов, когда они узнали о предложении гитлеровцев, была единодушной: мы решили категорически отклонить обмен на равное число лиц. При следующей встрече в министерстве мне было поручено заявить, что мы решительно настаиваем на том, чтобы всем советским гражданам было разрешено покинуть Германию. Лица, интернированные вне германской столицы, должны быть доставлены в Берлин и переданы нашему консулу.

На протяжении нескольких дней оставалось невыясненным, какая страна будет представлять интересы Советского Союза в Берлине. Между тем нельзя было терять времени, так как мы прекрасно понимали, какая трагическая судьба постигнет советских граждан, если им не удастся вернуться на Родину вместе с дипломатическим составом посольства. Надо было найти путь для связи с Москвой.

У некоторых из сотрудников посольства были среди немецких антифашистов хорошие друзья. Через них можно было передать информацию о создавшемся положении советскому посольству в какой-либо нейтральной стране. Связаться с ними было поручено работнику посольства Александру Михайловичу Короткову и мне. Но как это осуществить? Ведь теперь посольство было наглухо отрезано от внешнего мира. Ни одному человеку не разрешалось выйти за ворота. А за мной неотступно следовал обер-лейтенант Хейнеман, да и вообще я мог выезжать из здания только по вызову с Вильгельмштрассе.

Мы долго ломали себе голову над тем, каким образом кто-либо из нас мог бы прорваться сквозь цепь

эсэсовцев, окружавших здание посольства. Разведав обстановку, мы убедились, что попытка выбраться из посольства тайком, под покровом ночи, тоже не сулит успеха. К вечеру охрана усиливалась и фасад здания ярко освещался прожектором. За стеной дома, примыкавшего к зданию посольства, также патрулировали эсэсовцы с овчарками. Но все же надо было найти какой-то выход...»⁴⁰.

Эсэсовский офицер помогает большевикам

И он был найден. Вот как это произошло.

«Обер-лейтенант войск СС Хейнеман был высокий, грузный и уже немолодой человек. Он оказался на редкость разговорчивым. На второй день нашего знакомства я уже знал, что у него больная жена, что брат его служит в охране имперской канцелярии, а сын Эрих заканчивает офицерскую школу, после чего должен отправиться на фронт: оказывается, это не очень-то устраивает Хейнемана, и он просит брата пристроить молодого Хейнемана где-нибудь в тылу.

Такие разговоры эсэсовского офицера, да к тому же еще и начальника охраны, с работником посольства в условиях войны несколько настораживали. Не хотел ли Хейнеман спровоцировать нас на доверительный разговор? А может быть, он в глубине души не относится к нам враждебно и – кто знает, – возможно, даже готов нам помочь? Во всяком случае, стоило к нему повнимательнее присмотреться. Посоветовавшись, мы решили, что нужно попытаться наладить «дружеские» отношения с Хейнеманом, проявляя при этом величайшую осторожность, так как любой неверный шаг мог бы лишь осложнить положение посольства и дать повод гитлеровцам для провокации.

Как-то вечером, когда Хейнеман, обойдя вверенный ему караул, зашел в посольство спросить, не хотим ли мы что-либо передать на Вильгельмштрассе, я пригласил его отдохнуть в гостиной.

- Не согласитесь ли немного перекусить? - обратился я к Хейнеману. - За день вы, верно, устали, да и после обеда прошло много времени.

Хейнеман сперва отказался, ссылаясь, что это не положено при несении службы, но в конце концов согласился поужинать со мной.

В тот вечер у нас завязалась довольно откровенная беседа. После нескольких рюмок Хейнеман стал рассказывать, что, по сведениям его брата, в имперской канцелярии Гитлера весьма озабочены тем неожиданным сопротивлением, на которое германские войска наталкиваются в Советском Союзе. Во многих местах советские солдаты обороняются до последнего патрона, а затем идут врукопашную. Нигде еще за годы этой войны германские войска не встречали такого отпора и не несли таких больших потерь. На Западе, продолжал Хейнеман, все обстояло совсем по-другому - там была не война, а прогулка. В России - не то, и даже в имперской канцелярии кое-кто начинает сомневаться, стоило ли начинать войну против СССР.

Это уже походило на оппозицию, чего никак нельзя было ожидать от эсэсовского офицера. Может быть, подумалось мне, Хейнеман не до конца отравлен нацистским фанатизмом? Не скрывал мой собеседник и того, что в связи с сообщениями с Восточного фронта его особенно беспокоила судьба сына.

- Если его отправят на Восточный фронт, - несколько раз повторил Хейнеман, - мало шансов, что он выберется оттуда живым...

Будучи все еще не уверен в Хейнемане, я молча слушал. Лишь когда он заговорил о своем сыне, я заметил, что этой войны могло бы вообще не быть и что

тогда был бы в безопасности не только его Эрих, но была бы сохранена жизнь многим другим немцам.

- Вы совершенно правы, - ответил Хейнеман, - зачем эта война?

Наш ужин продолжался около двух часов, и у меня с Хейнеманом установился неплохой контакт»⁴¹.

Маловероятно, что начальник охраны вел бы такие разговоры с дипломатами - представителями страны-противника. Оставим это на совести Бережкова.

Третий день войны

«На следующий день я пригласил Хейнемана позавтракать. На этот раз он и не думал отказываться. Мне хотелось выяснить, насколько он может оказаться нам полезен. Нужно было лишь найти подходящий для такого обращения повод, который в случае отрицательной реакции можно было бы обратить в шутку.

Порассуждав по поводу сообщений с фронта, Хейнеман снова коснулся больной для него темы:

- В ближайшие дни, - начал он, - Эрих закончит офицерскую школу, а по существующему в Германии обычаю мне придется за свой счет заказать ему парадную форму и личное оружие. А тут еще болезнь жены, пришлось истратить почти все сбережения...

Заговорив о деньгах, Хейнеман сам сделал первый шаг в нужном направлении. Я решил этим воспользоваться. Конечно, тут был немалый риск. Если Хейнеман понял, что мы хотим получить от него какую-то услугу, то, естественно, должен был возникнуть вопрос о вознаграждении. И он мог заговорить о деньгах, чтобы прощупать нас. Не провокация ли это? Ведь «попытка подкупа» начальника охраны советского посольства оказалась бы для гитлеровской пропаганды

как нельзя кстати. Но решение надо было принимать немедленно. Такой случай мог больше не представиться, а нам необходимо было как можно скорее прорваться сквозь эсэсовский кордон.

- Я был бы рад вам помочь, г-н Хейнеман, - заметил я небрежным тоном, - я довольно долго работаю в Берлине и откладывал деньги, чтобы купить большую радиолу. Но теперь это не имеет смысла, и деньги все равно пропадут. Нам не разрешили ничего вывозить, кроме одного чемодана с личными вещами и небольшой суммы на карманные расходы. Мне неловко вам делать такое предложение, но, если хотите, я могу вам дать тысячу марок.

Хейнеман пристально посмотрел на меня и ничего не сказал. Видимо, он тоже думал над тем, стоит ли делать следующий шаг. Помолчав, Хейнеман сказал:

- Я очень благодарен за это предложение. Но как же я могу так, запросто взять столь крупную сумму?

- Ведь я вам сказал, что деньги эти все равно пропадут. Вывезти их не разрешат. Их конфискует ваше правительство вместе с другими суммами, имеющимися в посольстве. Для «третьего рейха» какая-то тысяча марок не имеет никакого значения, а вам она может пригодиться. Впрочем, решайте сами, мне в конце концов все равно, кому достанутся эти деньги...

Хейнеман закурил и, откинувшись на спинку кресла, несколько раз глубоко затянулся. Чувствовалось, что в нем происходит внутренняя борьба.

- Что ж, пожалуй, я соглашусь, - сказал он, наконец. - Но вы понимаете, что ни одна живая душа не должна об этом знать!

- Это мои личные сбережения, - успокоил я Хейнемана. - Никто не знает, что они у меня есть. Я их вам передам - и дело с концом.

Я вынул бумажник и, отсчитав тысячу марок, положил их на стол. Хейнеман медленно потянулся за

купюрами. Он вынул из заднего кармана брюк большое портмоне и, аккуратно расправив банкноты, спрятал их в одно из отделений. Затем вернул портмоне на свое место, вздохнул.

Итак, первый шаг был сделан.

Хейнеман сказал:

- Еще раз хочу поблагодарить вас за эту услугу. Я был бы рад, если бы имел возможность быть вам чем-либо полезным...

Можно было бы тут же воспользоваться этим предложением, но, подумав, я решил, что на сегодня хватит. Лучше сейчас не делать следующего шага, а просто закрепить завоеванные позиции.

- Мне ничего не нужно, - ответил я. - Вы просто мне симпатичны, и я рад вам помочь. Тем более, что фактически мне это ничего не стоит: все равно эти деньги я использовать не могу.

Мы еще посидели некоторое время, а когда Хейнеман стал прощаться, я пригласил его зайти днем, чтобы вместе пообедать»⁴².

Перед нами классический пример вербовки агента.

«В течение десяти дней нашей жизни в Берлине на положении интернированных посольство снабжал всем необходимым хозяин небольшой бакалейной лавки, у которого мы и раньше покупали продукты. Флегматичный, толстый и ворчливый, он неизменно стоял за прилавком в грязном лоснящемся фартуке. Теперь он каждое утро приезжал к нам на своем автофургоне в коричневой форме СА. Жены сотрудников посольства организовали поварскую бригаду и под руководством повара Лакомова готовили завтраки, обеды и ужины для всех, кто оказался в посольстве. Но на этот раз Лакомов был всецело занят обедом для Хейнемана. К его приходу стол в небольшой гостиной на первом этаже был накрыт. Продукты,

привезенные лавочником-штурмовиком, дополняли русские закуски. И, конечно, – коньяк, вино и пиво. Я готовился не только хорошо угостить Хейнемана, но и собирался сделать ему соответствующее предложение. Об этом мы заранее посоветовались и наметили ход действий. Когда за десертом Хейнеман вернулся к утреннему разговору и вновь высказал пожелание оказать мне какую-либо услугу, я ответил:

– Видите ли, г-н Хейнеман, мне лично ничего не нужно. Но один из работников посольства, мой приятель, просил меня об одной услуге. Это чисто личное дело, и я даже не обещал, что поговорю с вами. Он, конечно, ничего не знает о наших отношениях, – успокоил я Хейнемана.

– А о чем идет речь? – поинтересовался Хейнеман. – Может быть, мы вместе подумаем, можно ли помочь вашему приятелю.

– Он подружился тут с одной немецкой девушкой, а война началась так внезапно, что он даже не успел с ней попрощаться. Ему очень хочется получить возможность хотя бы на часок выбраться из посольства, чтобы увидеть ее в последний раз. Ведь вы сами понимаете, что означает война. Эти молодые люди, возможно, больше никогда не увидятся. Вот он и просил меня помочь. Но ведь всем нам строго запрещено покидать посольство. Видимо, придется его разочаровать...

– Надо подумать, – возразил Хейнеман.

Закурив сигарету, он задумался. Несколько минут он молчал. Затем, как бы рассуждая вслух, сказал:

– Мои ребята, охраняющие посольство, знают, что я выезжаю вместе с вами, когда надо ехать на Вильгельмштрассе. Они уже привыкли к тому, что мы выезжаем вместе. Это для них обычное дело. Вряд ли они обратят внимание, если мы посадим сзади вашего товарища, выедем в город и где-либо высадим его, а

затем через час подберем его и возвратимся в посольство. Пожалуй, такой вариант вполне реален, как вы думаете?

Из соображений предосторожности я сперва принялся уверять Хейнемана, что ему нет смысла идти на риск из-за такого пустячного дела. В конце концов мой товарищ как-нибудь переживет разлуку, не попрощавшись со своей девушкой. Но Хейнеман все более энергично настаивал на своем плане, и в конце концов я дал себя убедить в том, что эту операцию можно осуществить.

- Если все хорошо продумать и заранее подготовить, - убеждал меня Хейнеман, - то операция пройдет благополучно.

Конечно, полной уверенности в том, что эсэсовский лейтенант искренне согласился помочь большевикам, у нас не было. Оказавшись с нами за воротами посольства, он запросто мог арестовать нас, препроводить в гестапо и поднять шум вокруг «подкупа» офицера войск СС. Надо было по-прежнему проявлять осторожность. Прощаясь с Хейнеманом, я сказал, что все еще не уверен, стоит ли осуществлять его предложение. Я пригласил обер-лейтенанта зайти вечером.

Когда Хейнеман ушел, мы стали совещаться, нужно ли идти до конца. Ведь с этим был связан большой риск, чреватый немалым политическим ущербом. В то же время перед нами открывалась возможность связаться с Москвой. После долгой дискуссии и взвешивания всех «за» и «против» было все же решено пойти на эту операцию.

Обер-лейтенант Хейнеман был, как всегда, точен. Мы ожидали его вместе с Коротковым, которого и надо было вывезти в город. Когда Хейнеман вошел, я представил своего друга:

- Знакомьтесь, Саша...

Они поздоровались за руку, и Хейнеман сказал:

- Так это вас обворожила наша девушка? Что же, я рад вам помочь.

Мы сели за стол. Хейнеман находился в отличном расположении духа. Он много шутил, рассказывал о своем сыне, о том, как они до войны ездили на лето в Баварские Альпы, где весело проводили время. Хейнеман то и дело подтрунивал над Сашей, вспоминая о том, как еще после первой мировой войны он, оказавшись в плену во Франции, влюбился в одну француженку, а потом должен был с ней расстаться.

- Хотя я уже и не молод, - сказал Хейнеман, - но я понимаю, что для вас означает возможность еще раз увидеться с этой девушкой.

Условились, что проведем намеченную операцию на следующее утро в 11 часов, когда Хейнеман после обхода караула зайдет в посольство. Предусмотрели мы и такую деталь: воспользоваться автомобилем «опель-олимпия», чтобы не привлекать к себе внимания на улицах Берлина. Хейнеман сказал, что заранее свяжется с министерством иностранных дел, чтобы выяснить, не собираются ли меня вызвать в утренние часы на Вильгельмштрассе. Помимо обсуждения этих деталей, все выглядело так, будто речь идет о каком-то невинном пикнике. Может быть, Хейнеман и в самом деле поверил в нашу версию о девушке, а если нет, то он умело делал вид, что помогает свиданию влюбленных. Но у нас на душе все же скребли кошки. Мы распрощались с Хейнеманом довольно поздно, все еще не будучи полностью уверены в том, как он поведет себя завтра и что вообще принесет нам следующий день»⁴³.

Окно на волю

«В назначенное время Хейнеман не появился. Это нас встревожило. Что будет, если он нас обманул и гестапо уже узнало о нашей с ним договоренности? Легко понять то нервное напряжение, в котором все мы находились, когда около двух часов дня у ворот раздался звонок. То был Хейнеман. Он извинился за опоздание: внезапно ухудшилось состояние здоровья его жены, и он был вынужден задержаться дома. Зато он договорился с министерством иностранных дел о том, чтобы из-за его личных дел сегодня никаких встреч на Вильгельмштрассе не назначали. Таким образом, мы можем спокойно осуществить наш план.

Мы зашли в приемную. Пока Саша угощал Хейнемана водкой, я отправился в гараж и выкатил к подъезду «опель». Хейнеман забрался на переднее сиденье рядом со мной. На заднем сиденье уже находился Саша. Курьер охраны распахнул ворота, Хейнеман козырнул эсэсовцам, и мы оказались на воле. Посмотрев в зеркало, я убедился, что за нами никто не увязался.

Мы заранее условились, что высадим Сашу у большого универсального магазина, где было легко затеряться в толпе. Спустя два часа мы должны были подобрать Сашу в другом месте. Когда машина остановилась, наш пассажир быстро вышел и тут же исчез в толпе. Мы сразу же двинулись дальше и долго кружили по улицам без всякой цели.

По Шарлотенбургскому шоссе мы направились к знаменитому берлинскому «функтурму» – радиомачте. Днем в этом излюбленном месте вечерних прогулок берлинцев было обычно пустынно, и мы решили там скоротать время. Сначала немного погуляли в парке, окружавшем радиомачту. В одном из его отдаленных уголков, около ящиков для отбросов, стояли две скамейки, выкрашенные в ядовито-желтый цвет. На спинках скамеек ярко выделялась черная буква «J» –

первая буква слова «Jude». Как и во всех скверах и парках гитлеровской Германии, скамейки около мусорных ящиков были специально отведены для евреев.

В летнем кафе у подножия радиомачты Хейнеман решил проявить ко мне внимание и заказал две кружки мюнхенского пива. Он почти все время молчал в машине, после того как мы выехали из посольства, – видимо, тоже нервничал. Теперь к нему вернулась болтливость, и он без умолку рассказывал всякие забавные истории. Я слушал его рассеянно, думая о том, все ли сложится благополучно у Саши.

Наконец, настало время отправляться в условленное место. Подъезжая к Ноллендорфплатц, я издали увидел Сашу. Он стоял у витрины и, казалось, всецело был поглощен разложенными там товарами. Но краем глаза он следил за нами. Когда я притормозил, Саша подошел к краю тротуара, непринужденно помахал нам рукой и, сказав несколько приветственных слов, не спеша забрался в машину. Если кто и наблюдал за нами, то должен был подумать, что произошла случайная встреча друзей. Усаживаясь на заднее сиденье, Саша крепко сжал мое плечо. У меня весело екнуло сердце – значит, его миссия увенчалась успехом.

– Ну, как девушка? – спросил Хейнеман.

– Все в порядке, благодарю вас. Она так была рада меня увидеть, – последовал ответ.

Хейнеман стал отпускать какие-то шуточки, но мы слушали его невнимательно. Покружив немного по улицам, я подъехал к зданию посольства и нажал на клаксон. Ворота открылись. Оказавшись во дворе, мы вздохнули с облегчением.

Когда Хейнеман ушел, посвященные в эту операцию обсудили итоги. Она прошла успешно: нашим друзьям было передано короткое сообщение о сложившейся обстановке. Если не произойдет что-либо

непредвиденное, то уже к вечеру наше послание будет в Москве. Но нам важно было знать это наверняка, а также получить из Москвы подтверждение правильности нашей позиции. Поэтому было решено еще раз сделать вылазку, воспользоваться лазейкой на волю, открытой для нас обер-лейтенантом Хейнеманом»
44.

Пятый день войны

«На следующий день я и Саша угощали Хейнемана завтраком. Он сообщил нам последние новости с фронта, циркулировавшие в имперской канцелярии и резко отличавшиеся от победных реляций, публиковавшихся немецкими газетами. В действительности положение на советско-германском фронте складывалось совсем не так, как это изображала гитлеровская пропаганда. Советские части оказывали ожесточенное сопротивление. Многие укрепленные районы, в том числе Брестская крепость, продолжали стойко держаться. Германские войска несли огромные потери. Все это, по словам Хейнемана, вызывает серьезную озабоченность в кругах имперской канцелярии.

Затем разговор зашел о нашей вчерашней вылазке в город. Хейнеман шутя спросил, не хочет ли Саша еще раз повидать свою приятельницу. Это нам и было нужно.

- Конечно, хотел бы, - сказал Саша. - Но мне неловко снова утруждать вас...

Хейнеман заметил, что хотя это и связано с некоторым риском, но еще раз, пожалуй, можно повторить.

- Если уж вы соглашаетесь, - сказал Саша, - то мне бы хотелось на этот раз иметь немного больше

времени, часа три или четыре.

- Вижу, у вас, как говорят французы, аппетит приходит во время еды, - сказал Хейнеман. - Но я вас понимаю. Завтра - воскресенье, министерство иностранных дел закрыто, туда не вызовут, и весь день в нашем распоряжении. Давайте выедем часов в 10 и к обеду вернемся.

На следующее утро к назначенному часу «опель» уже стоял у ворот во внутреннем дворе посольства. Хейнеман пришел на десять минут раньше. Мы вышли во двор и сели в машину в том же порядке, что и в прошлый раз. Выехав за ворота, мы направились к метро на Уланштрассе. Там тоже всегда было людно. Я притормозил. Саша вышел из машины и исчез в подземке. Здесь же мы должны были встретиться без четверти два. Времени было много, и мы решили выехать за кольцевую автостраду. Остановились мы в лесу и, немного погуляв, вернулись в город. Хейнеман предложил куда-нибудь зайти перекусить. Оставив машину у ресторана на углу Курфюрстендам, мы прошли в просторный зал и стали подбирать подходящий столик. Вдруг раздался возглас:

- Эй, Хейнеман! Иди сюда.

За большим столом сидело шестеро офицеров-эсэсовцев. Стол был уставлен пивными кружками. Несомненно, эта компания хорошо знала Хейнемана. Эсэсовцы махали ему, приглашая за их столик. Что же делать? Не очень-то будет приятно, если обнаружится, что вместе с Хейнеманом по Берлину разгуливает интернированный советский гражданин. Но тут я услышал торопливый шепот Хейнемана:

- Я вас представляю как родственника жены из Мюнхена. Вы работаете на военном заводе и потому не распространяетесь о делах. Вас зовут Курт Хюскер. Будьте осторожны. Пойдемте...

Мы подошли к столику, где эсэсовцы – кто поднявшись во весь рост, а кто только едва привстав со стула – приветствовали нас возгласами «Хайль Гитлер!».

После того как Хейнеман представил меня, мы расселись и заказали всем по кружке пива. Разговор шел, конечно, о военных действиях на советско-германском фронте, о ночных налетах на Берлин, которые возобновила английская авиация. Эсэсовцы говорили об ожесточенных боях на советско-германском фронте, о сопротивлении, оказываемом советскими войсками, таком ожесточенном, какого немцы еще ни разу не встречали за всю войну. Я не сомневался, что знание языка, закрепленное за время работы в Германии, меня не подведет, и был благодарен Хейнеману за его выдумку насчет военного завода в Мюнхене. Это давало мне повод больше отмалчиваться. Во всяком случае, никто из эсэсовцев не заподозрил, что я не тот, за кого себя выдаю.

Один из эсэсовцев произнес короткую речь во славу «Великой Германии», фюрера и немецкого оружия, закончив ее словами:

– За нашу победу...

Все встали. Я тоже поднялся и, осушая кружку, думал о нашей победе над гитлеровскими захватчиками, вероломно напавшими на мою Родину. И, ставя кружку на стол, сказал:

– За нашу победу...

Хейнеман посмотрел на часы. Нам было пора ехать. На Уланштрассе Саша уже ждал нас. Сев в машину, он снова пожал мне плечо, и я понял, что его вылазка и на этот раз прошла успешно. Мы без помех вернулись в посольство»⁴⁵.

Долгий путь на Родину

«Последняя встреча с Хейнеманом произошла 2 июля, в тот день, когда мы покидали Берлин. Прощаясь, он довольно откровенно дал понять, что понимает подлинный смысл проведенной с его помощью операции.

- Возможно, - сказал он, - когда-либо случится так, что мне придется сослаться на эту услугу, оказанную мной советскому посольству. Надеюсь, что это не будет забыто... Что потом случилось с Хейнеманом, мне неизвестно.

Вылазка, осуществленная с помощью оберлейтенанта Хейнемана, дала нам возможность еще более решительно настаивать на нашей позиции в переговорах с германским министерством иностранных дел. Нажим, который продолжали на нас оказывать представители Вильгельмштрассе, оставался безрезультатным. Мы требовали эвакуации всей советской колонии, так как знали, что немецких дипломатов не выпустят из Москвы, пока наше требование не будет удовлетворено. Так проходил день за днем, а вопрос об эвакуации оставался открытым.

Когда в очередной раз меня вызвали на Вильгельмштрассе, я заметил, что чиновник протокольного отдела чем-то очень раздражен.

- Ну как, вы отобрали, наконец, тех, кому вы хотите дать возможность эвакуироваться? - спросил он резким тоном. Я ответил отрицательно.

- Напрасно вы с этим тянете. Рейхсминистр фон Риббентроп очень недоволен этим. Мы не можем допустить дальнейших оттяжек. К тому же мы заинтересованы в скорейшем выезде из Москвы персонала немецкого посольства...

Итак, подумал я, посол Шуленбург и его сотрудники никуда не выехали из Москвы. А раздраженный тон риббентроповского чиновника - еще одно подтверждение тому, что в Москве не собираются

приступать к эвакуации германской колонии. Из всего этого можно было сделать только один вывод: надо держаться твердо и настаивать на своем. И я спокойно ответил:

- Никого отбирать не собираемся. Наша позиция неизменная: всем советским гражданам должен быть разрешен выезд на Родину. Ни на какую сделку мы в этом вопросе не пойдем, и если вы будете снова нас уговаривать, то зря потеряете время. Мы не тронемся с места, пока наше требование не будет выполнено.

Мой собеседник вновь стал уверять, что германская сторона на это не согласится, что в Советский Союз должно быть возвращено столько же советских граждан, сколько германских граждан находится в настоящее время в Москве. Их там 120. Следовательно, из Берлина смогут выехать тоже только 120 советских граждан. Их список советское посольство должно без промедления представить в министерство, и тогда можно будет договориться о деталях эвакуации.

Мне ничего не оставалось, как вновь повторить, что посольство придерживается своей точки зрения: все советские граждане должны вернуться на Родину. Все они находились здесь в служебных командировках в соответствии с советско-германскими соглашениями. Мы требуем отправки их на Родину.

Чиновник угрожал, что если посольство не согласится с германским требованием, то германские власти сами составят список из 120 человек, подлежащих эвакуации, и найдут способ заставить нас подчиниться. Тогда я порекомендовал ему не забывать о том, что соответствующие меры могут быть приняты и в отношении германских представителей, находящихся в Москве. Так мы и расстались, ни о чем не договорившись.

Возвращаясь после разговора на Вильгельмштрассе, я думал о том, что дело может принять неприятный

оборот и что нам нелегко будет добиться своего, особенно в условиях отсутствия постоянной связи с Москвой. Но в посольстве меня ждало приятное известие. Товарищи, слушавшие английское радио, узнали, что достигнута договоренность относительно того, что советские интересы в Германии будет представлять Швеция, а германские в Москве – Болгария. Любопытно, что чиновник протокольного отдела, безусловно, уже знавший об этой договоренности, ни словом не обмолвился о ней. Может быть, он и оказывал на меня усиленное давление в вопросе об обмене, так как знал, что, когда посредники приступят к своим обязанностям, нам будет легче настаивать на своей позиции.

Когда в наше посольство явился шведский посредник, мы вручили ему текст телеграммы для передачи в Москву. Там говорилось о предпринятых нами шагах с целью добиться полной эвакуации из Германии советских граждан. К вечеру был получен ответ: нам сообщали, что посольство поступило правильно, настаивая на возвращении всех советских людей, и это должно быть осуществлено в порядке обмена на немецкую колонию, находящуюся в Советском Союзе. Уже на следующий день, как нам сообщил шведский представитель, в нейтральной прессе появились весьма нелестные для Берлина сообщения о попытке немцев задержать часть советской колонии. Теперь уже гитлеровцам стало ясно, что придется уступить. В министерстве иностранных дел согласились, наконец, принять составленные посольством списки советских работников и членов их семей, интернированных в Германии и на оккупированных территориях. Нам сообщили также, что все они, включая и шофера, задержанного в первый день войны, будут в ближайшие день-два доставлены в

Берлин, где к ним будет допущен советский консул в сопровождении шведского представителя.

Действительно, через день это обещание было выполнено. Всех интернированных предъявили нам в лагере на окраине Берлина. Размещенные в бараках, окруженных колючей проволокой, они были голодны и плохо одеты, большей частью только в пижамах, в домашних туфлях, а то и босые.

Теперь мы узнали, что в ночь на 22 июня гестаповцы врывались в квартиры советских граждан, вытаскивали их прямо из постелей. Им не разрешали брать с собой ничего из вещей. Под конвоем они сразу же были отправлены в концентрационный лагерь.

Мы обеспечили интернированных советских граждан питанием, но экипировать их гитлеровцы не разрешили. Так, полуодетые, они и были погружены в общие сидячие вагоны специального состава, который, как нас заверили немцы, должен был следовать за поездом с советскими дипломатами.

Условия в поезде интернированных были очень тяжелые. Люди терпели неудобства, прежде всего, из-за страшной скученности. Один мог прилечь только тогда, когда остальные трое, располагавшиеся на этой же скамейке, стояли. Питание было крайне скудное. Из-за отсутствия теплой одежды многие простудились: временами – особенно при переезде через Альпы – в вагонах было очень холодно.

Выезд советской колонии из Берлина был по соглашению, достигнутому через посредничество шведов, назначен на 2 июля. Дипломаты и сотрудники посольства эвакуировались в нормальных условиях. Им был предоставлен специальный поезд из спальных вагонов с мягкими двухместными купе. Наш маршрут шел через Прагу, Вену, Белград, Софию.

Согласно договоренности, обмен осуществлялся в следующем порядке: советская колония должна была

перейти из Болгарии в Турцию, а немецкая - из Советского Закавказья также на турецкую территорию. Это должно было произойти одновременно и под наблюдением посредников. Но когда мы проехали Югославию и были уже на болгарской территории, представитель протокольного отдела германского МИД барон фон Ботман (он, как и большая группа вооруженных до зубов эсэсовцев, сопровождал нас на всем пути) сообщил нам, что получил из Берлина указание производить обмен не на болгаро-турецкой, а на югославско-болгарской границе.

- Ведь Болгария, - сказал он, - не является оккупированной страной, она находится в союзе с Германией. Поэтому, переезжая в Болгарию, советская колония покидает контролируемую рейхом территорию. Поскольку, однако, поезд с германскими представителями, эвакуирующимися из Москвы, еще не прибыл на советско-турецкую границу, оба состава с советскими гражданами не будут следовать дальше. Их возвращают назад, в югославский город Ниш, где они будут находиться в ожидании дальнейших указаний...

Мы заявили протест, но практически ничего не могли сделать.

Вскоре поезд остановился на каком-то полустанке, паровоз прицепили с противоположной стороны, и состав двинулся в обратном направлении. На подъездных путях всех станций к приходу нашего поезда выстраивались вооруженные эсэсовцы. Они же нас встретили и по прибытии в Ниш. Эсэсовцы, как обычно, стояли лицом к поезду, расставив ноги, в касках и с автоматами на груди. А за их спиной югославские железнодорожники потихоньку приветствовали нас, махая красными флажками.

В Нише наш состав загнали на запасной путь. Выходить из вагонов не разрешали. Вскоре мы узнали, что в Ниш прибыл и второй состав с советскими

гражданами. Его пассажиров из вагонов переправили в концентрационный лагерь, расположенный в помещении старой казармы. Только через несколько дней советскому консулу и еще двум сотрудникам посольства разрешили навестить интернированных в этом лагере. За пять дней пути люди еще больше похудели, одни были простужены, другие страдали от желудочных заболеваний. Никакой медицинской помощи им не оказывали. Только после наших настойчивых требований посольскому врачу разрешили посетить лагерь и осмотреть больных. Нам также удалось добиться некоторого улучшения питания интернированных.

В дни стоянки в Нише нас особенно беспокоило отсутствие связи с Москвой. Поскольку в Нише не было шведских представителей, мы не могли рассчитывать на их посредничество. Мы опасались, как бы по какому-либо недосмотру немецкая колония не была бы выпущена в Турцию. Тогда она оказалась бы на нейтральной территории, в то время как мы при переезде из Югославии в Болгарию фактически по-прежнему оставались бы в руках гитлеровцев. Болгария, будучи союзницей гитлеровской Германии, фактически находилась на положении оккупированной страны, там были размещены крупные контингенты германских войск.

Мне было поручено отправиться в вагон фон Ботмана и вновь заявить ему протест против намерения немцев произвести обмен нашей колонии на югославско-болгарской границе. Мы потребовали также, чтобы к нам из Белграда или Софии был приглашен шведский представитель, через которого мы хотели связаться с Москвой.

Барон фон Ботман – высокий, поджарый пожилой человек с моноклом в правом глазу – был чрезвычайно любезен. Выслушав меня, он сказал, что немедленно

передаст наше заявление в Берлин и запросит новых инструкций. Что же касается шведского представителя, то организовать здесь с ним встречу вряд ли удастся – в Нише его нет. Нельзя ожидать, что он сможет сюда приехать из Белграда или Софии. Ботман заявил, что он лично понимает наше беспокойство, но вынужден действовать в соответствии с полученными из Берлина инструкциями. Попросив меня немного задержаться, он вынул из шкафчика бутылку рейнского и два бокала.

– Я давно искал возможность поговорить с вами, но все как-то не получалось, – сказал он, разливая вино. – Может быть, посидим немного. Все равно делать нечего...

Поскольку было ясно, что Ботман собирался мне что-то сообщить, я согласился задержаться. Стоило узнать, чем вызвана его необычная любезность. Начал он издали. Говорил о трудностях и сложностях нашего путешествия, уверял, что он лично всячески старается облегчить наше положение. Он охотно помог бы и тем интернированным советским гражданам, которые едут во втором составе, но сталкивается с упорством эсэсовского офицера, который командует охраной. Поэтому ему не удалось пока что облегчить участь советских граждан, которые едут не в дипломатическом поезде. Ботман стал говорить о последних сообщениях с фронта и сообщил, что германские войска встречают сильное сопротивление со стороны советских армий. Затем он спросил:

– Могу ли я быть с вами откровенным?

– Конечно, – ответил я.

– Видите ли, – сказал Ботман, – я всегда считал, что и для Германии, и для России лучше жить в мире, чем воевать. Войны между нами всегда приносили выгоду лишь другим, а наши страны от этого только теряли.

Я сказал, что придерживаюсь такого же мнения и что Советское правительство делало все, чтобы

предотвратить конфликт. Агрессию совершила Германия, и на нее ложится вся ответственность.

- Не будем сейчас спорить об ответственности, - возразил Ботман. - Я хотел вам сказать о другом. В Германии есть люди, причем весьма влиятельные, которые не хотят этой войны. Сейчас, когда на фронте идут ожесточенные бои, подобные рассуждения могут показаться странными. Но в конце концов надо смотреть не назад, а вперед и думать о том, что будет дальше. Может настать такой момент, когда для обеих сторон будет лучше прекратить военные действия и полюбовно договориться...

Я повторил, что Советский Союз не несет ответственности за происходящую сейчас войну. Германия вероломно напала на нашу страну, занятую мирным трудом. И нам ничего не остается, как дать отпор захватчику. Мы уверены, что победим в этой войне, а те, кто совершил нападение на Советский Союз, горько об этом пожалеют. Поэтому мне непонятно, о каком мирном урегулировании можно сейчас говорить.

- Видите ли, - продолжал мой собеседник, - я говорю о таком моменте, который еще не наступил, но который может произойти. Вы заявляете, что уверены в победе. А фюрер считает, что быстро справится с Советским Союзом. В то же время в Германии есть влиятельные круги, которые думают по-иному: они полагают, что ни та, ни другая сторона не сможет одержать победу. Тогда наступит момент, и, возможно, это будет не так уж нескоро, когда обе стороны сочтут целесообразным мирно урегулировать конфликт на определенных условиях. Эти германские круги хотели бы, чтобы их точка зрения стала известна в Москве...

В ответ на эти рассуждения я сказал, что, как мне представляется, никакого серьезного разговора на поднятую Ботманом тему быть не может, пока

германские войска не покинут советскую территорию, а на это вряд ли сейчас можно рассчитывать. Так что разговор, который затеял Ботман, мне кажется совершенно беспредметным.

Но я, конечно, доложил руководству о пробных шарах Ботмана, и по возвращении в Москву об этом была составлена докладная записка наркому иностранных дел.

Разговоры с бароном Ботманом на эту тему состоялись еще несколько раз за время нашего пути. Он вновь и вновь уверял, что не одобряет нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, и специально подчеркивал, что это не только его личное мнение, но и точка зрения влиятельных кругов в Берлине. Он повторял, что дальнейшее развитие событий на фронте может привести к такому моменту, когда для обеих сторон станет очевидной необходимость прекращения войны и мирного урегулирования, и тогда те лица, на которых ссылается Ботман, смогут оказать соответствующее влияние.

По-видимому, Ботман действительно выполнял поручение каких-то людей в Германии. Иначе трудно объяснить те рискованные разговоры, которые он вел. Он даже осмеливался рассказывать анекдоты о гитлеровцах. Рассказал, например, такой анекдот, который, впрочем, я и раньше слышал в Берлине: Гитлер инспектирует сумасшедший дом. Выстраивают всех умалишенных, и, когда появляется фюрер, они поднимают руку в фашистском приветствии и выкрикивают: «Хайль Гитлер!» Только стоящий в стороне человек никак не реагирует на появление фюрера. К нему подбегает разъяренный Гитлер и спрашивает, почему он не приветствует его. Тот отвечает: «Простите, но я не сумасшедший, я здешний врач»...

Простояв в Нише несколько дней, мы, наконец, снова двинулись в путь. Гитлеровцам не удалось осуществить свой маневр. Им пришлось вернуться к первоначальному варианту обмена советской колонии на болгаро-турецкой границе.

В турецком городке Эдирне нас ожидали новые железнодорожные составы. Здесь же нас встречали представители советского посольства в Турции и консульства в Стамбуле. Советскую колонию приветствовал также местный губернатор. Вечером он устроил прием в честь советских дипломатов. На следующий день группа советских дипломатов выехала поездом в Анкару, где нас ждал специальный советский самолет. Москва предстала перед нами в суровом военном облике»⁴⁶.

В Москве

О том, что происходило в германском посольстве в Москве в первые дни Великой Отечественной войны, должен был бы рассказать в своих мемуарах «В бурях нашего века: записки разведчика-антифашиста» агент советской военной разведки и сотрудник этой дипмиссии Герхард Кегель. В реальности этого не произошло. Он достаточно подробно рассказал о том, что происходило в советском посольстве в Берлине, но ничего про события в Москве. Хотя был один любопытный эпизод – его встреча с куратором из советской разведки, но он никакого отношения к данной книге не имеет. Зато автор мемуаров опубликовал официальный документ – дневник, который вели немецкие дипломаты с 22 июня 1941 года до своего возвращения в Берлин.

Приложение 1. Официальный дневник посольства Германии в СССР, который был озаглавлен «От начала германо-русской войны до возвращения в Германию»

Авторами большинства записей в нем были посол и военный атташе. Один из экземпляров данного документа был подарен в 1943 году советником Хильгером. Этот документ «был немного растрепан, но каким-то чудом уцелел в моей бывшей квартире в Рансдорфе, пролежав там всю вторую мировую войну вместе с ненужным хламом», – позднее написал Герхард Кегель.

22 июня

3 часа ночи. Поступила шифрованная телеграмма с поручением послу посетить народного комиссара

иностранных дел Молотова и сообщить ему о начале военных действий. Приказано уничтожить последние материалы. Сообщается также, что интересы германского рейха будет представлять болгарский посланник. Посольства Германии в Москве больше не существует. В посольство прибыли посол, посланник (фон Типпельскирх. – Авт.) и генерал. Советник Хильгер позвонил в секретариат Молотова, который передал, что готов немедленно принять посла.

5.25 утра. Граф фон дер Шуленбург вместе с Хильгером отправляется в Кремль, чтобы исполнить последнее поручение... Тем временем советник фон Вальтер разбудил болгарского посланника и попросил его приехать в посольство.

6.10 утра. Возвратился посол. Молотов принял переданное ему сообщение. О начале военных действий ему, конечно, было известно... Тем временем приехал болгарский посланник. Его подробно знакомят с поручением выполнять обязанности представителя интересов Германии. Необходимая информация сообщается послу Италии и посланнику Румынии, которые еще не располагают собственными сведениями. Наконец, проводится инструктаж комендантов жилых домов посольства, им сообщается, что следует делать их жильцам: собрать по два чемодана и ждать дома дальнейших указаний и т. д. Те, кто живет в гостиницах или отдельно в городе, вызываются в посольство... Телефон все еще работает. Выходы из посольства еще не перекрыты, можно беспрепятственно передвигаться по городу.

11 часов утра. Граф фон дер Шуленбург принял посла Японии, затем посла Италии и словацкого посланника. В столице все еще спокойно. Наконец в 12 часов Молотов по радио сообщает населению о начале войны.

13 часов. Вальтер поехал на вокзал, чтобы встретить прибывающих с сибирским экспрессом германских граждан. К сожалению, уже поздно, перрон оцеплен, 30 человек арестовано. Фон Типпельскирху удалось связаться по телефону с болгарским посланником, сообщить ему об этом и попросить его вмешаться, обратившись в Народный комиссариат иностранных дел.

19 часов. Сотрудники органов государственной безопасности уведомили жильцов принадлежавших посольству домов, что им следует собраться в помещении секретариата посольства. Тем временем сюда был доставлен ручной багаж. В итоге в канцелярии посольства собралось не менее 118 человек. Никому не разрешается выходить из посольства.

21 час. После длительных переговоров с представителями Народного комиссариата внутренних дел части сотрудников разрешено переселиться в так называемый польский дом на Спиридоньевской улице. Туда отправляется группа из 34 человек под руководством генерала, их сопровождает многочисленная охрана. Оставшиеся устраиваются на немногих имеющихся диванах, кушетках и прямо на полу.

23 июня

0.30. Неожиданно раздается звонок. Дежурный работник НКВД требует список всех, кто находится в здании посольства...

14 часов. Курица с рисом. В польском доме повар посла блещет своим искусством, сочиняя гороховый суп с сосисками. Снова требуют сосисок... Убивают собак. Ламла без конца пересчитывает деньги.

20 часов. Холодные закуски.

20.45. Секретариат посольства заканчивает работу; все пишут списки, которые наконец передаются властям. Оказываем помощь больным; начинается вторая военная ночь.

24 июня

2.30. Взвыли сирены, слышны выстрелы зенитных пушек, пулеметная стрельба, рокот моторов. Сон людей нарушен. Светает. Некоторые спускаются в подвал, любопытные устраиваются у окон; те, кто очень устал, продолжают спать. В небе видны разрывы зенитных снарядов, знатоки считают, что это – учебная тренировка. Утром это предположение подтверждается сообщением по радио.

8.30. Подали кофе. Ночные события побудили к организации бомбоубежища. Назначены старшие групп, пожарники осмотрели подходящие полуподвальные помещения, окна закладываются мешками с песком. Проводятся и другие работы: готовятся деревянные трамбовки, емкости для воды, противохимическая защита, даже защитные асбестовые щиты, проверяются огнетушители...

12.30. Посланник фон Типпельскирх обращается ко всем собравшимся в доме посольства людям с речью и проводит инструктаж на случай воздушной тревоги.

14.00. Раздают суп с сосисками. В польском доме кормят супом из фасоли со шпигом и, как и накануне, дают компот и мозельское вино из богатого погреба военно-воздушного атташе.

16.00. Осмотр бомбоубежища, часом позже – учебная воздушная тревога.

19.00. Прибыл майор из Народного комиссариата внутренних дел и сообщает послу, что в 20.00 к посольству подойдут автомашины за людьми. Имеется в виду отвезти их в Кострому на Волге и разместить в доме отдыха. К сожалению, он сообщает также и о том,

что 16 немецких граждан должны остаться, - их разместят в другом месте, чтобы затем обменять на советских граждан.

20.00. Начинается погрузка багажа. Каждый берет с собой самые необходимые вещи... В больших легковых автомобилях Народного комиссариата внутренних дел сотрудники посольства под сильной охраной едут через весь город к Ярославскому вокзалу. Последний обход покинутого дома. На душе невесело. Прощание с остающимися земляками и с прислугой. Заканчивается глава нашей жизни, а также и работы.

21 час. На Ярославском вокзале, откуда отправляются поезда на Восток, нас ожидает небольшой специальный состав с неудобными зелеными пассажирскими вагонами. Места уже распределены, каждый занимает свое место в указанном ему вагоне. Для посла и сопровождающих его лиц приготовлен мягкий вагон, однако без белья и иных удобств. Остальные размещаются на голых деревянных лавках. Из окна вагона мы видим на соседнем перроне несколько иностранцев, которые нас явно не замечают. Это - американский посол, несколько дипломатов и журналистов. Среди них есть японец. Они кого-то провожают у скорого поезда, направляющегося на Восток. Один из наших прежних знакомых останавливается, машет нам рукой. Мы можем, наконец, считать, что теперь по крайней мере через американские газеты от нас в Германию дойдет сигнал (корреспонденты, действительно, передали сообщение, что видели спецпоезд посла Германии, который отправлялся на Восток). Очевидно, считают, что нам не нужно не только белье, но и еда и питье. Поезд затемнен, т. е. свет не горит.

25 июня

11.00. Прибыли в Ярославль. Из слов начальника поезда, майора ГПУ, следует, что дальше мы пока не поедем, поскольку должны пропустить несколько эшелонов с важными грузами.

20.00. Мы все еще стоим в открытом поле недалеко от Ярославля. Наконец-то наша охрана соблаговолила накормить нас. Раздают хлеб и колбасу, разносят в ведрах чай...

26 июня

3.00. Неожиданно поезд трогается. Поскольку до пункта нашего назначения – Костромы требуется не более часа езды, многие начинают подниматься. Поезд неторопливо, примерно еще три часа катится по русской равнине.

6.00. Остановка у временной платформы. Станция, судя по всему, находится лишь в стадии строительства. Вдали виднеются два больших деревянных дома и красная кирпичная водонапорная башня. Все это похоже на дом отдыха. У железнодорожного полотна стоят легковые автомобили и автобусы. Легковые автомобили предусмотрены для посла, посланника фон Типпельскирха, советника Хильгера и его жены. Багаж кладут в грузовики... Недолго идем пешком, затем первый, потом второй деревянный забор с колючей проволокой.

6.45. Завтрак на новом месте. Просторная и уютная столовая, в которой, в отличие от прохладных и сырых жилых помещений, тепло. Выпив кофе, хотя никто так и не разобрался, кофе это или какао, все ложатся спать, стремясь наверстать упущенное.

13.00. Обед. Все с любопытством изучают меню. Потом начинается организация быта. Выясняется, чего не хватает. Нет веников, ведер и половых тряпок. В длинном письме коменданту лагеря – майору ГПУ – перечисляется самое необходимое...

27 июня

Несмотря на лето, похолодало еще больше. Удовлетворены лишь некоторые просьбы из тех, что мы передали...

28 июня

Перед завтраком кое-кто выходит на зарядку. Во время завтрака узнаем приятную новость: открывается магазин, в котором можно купить мыло, сигареты, спички и т. д. Организуются занятия спортом, кто-то садится за карты, больным оказывается помощь. Постепенно каждый находит себе подходящее занятие... Каких-либо сообщений об обстановке на фронте мы не получаем. Около полудня появляется комендант лагеря, который требует сдать все имеющиеся в багаже радиоприемники, оружие и ядовитые вещества. Огнестрельное оружие мы сдали уже в Москве, но кое у кого есть ножи, которые можно считать кинжалами. Вечером комендант сообщает, что сегодня после десяти часов вечера должны прибыть сотрудники германского генерального консульства в Ленинграде. Сразу же начинается подготовка к их встрече... Приносят со склада и накрывают для них постели. Выставляются ночные посты.

22.45. Слышен шум моторов, открываются ворота, и из автомашин выходят приехавшие из Ленинграда. Увидев в лагере нас, они удивлены.

29 июня

Посол обращается к коменданту с просьбой сообщить через свое руководство болгарскому посланнику в Москве о прибытии немецких сотрудников из Ленинграда и потребовать ускорения перевода в лагерь сотрудников консульств в Риге и Таллине.

30 июня

10.30. Начал действовать обещанный несколько дней тому назад горячий душ... С приближением вечера неустанные наблюдатели замечают, что на железнодорожных путях появился поезд с зелеными пассажирскими вагонами и международным спальным вагоном. Что это? Прибыл болгарин? Или нас собираются отправить в Среднюю Азию?

1 июля

9.00. Майор объявляет, что в 10 часов мы трогаемся в путь. Как так? Почему? Куда? - об этом нам не говорят. Посол приглашает майора к себе и заявляет, что он отказывается тронуться с места, не зная, куда нас повезут, и не связавшись с представителем государства, представляющего интересы Германии. Майор связывается по телефону со своим руководством. Через 20 минут мы узнаем, что первая цель нашего путешествия - опять Москва, где посла посетит посланник Болгарии. Более подробными сведениями он, майор, не располагает. Раздается команда собирать чемоданы, составлять списки, завтракать, мыть посуду. «Консул» Ламла оплачивает счет. Пребывание в Костроме обходится нам в кругленькую сумму - 16 тыс. рублей.

11.00. Отъезд в автобусах к железной дороге. Однако поезд подают лишь в 14.15.

15.00. Поезд, наконец, трогается в направлении Нерехты. Затем он неожиданно меняет направление движения. Теперь он двигается на юг, к Горькому. Что это значит? Нас обманули?

18.30. Прибыли в Иваново. Раздают хлеб и воду. Мы так проголодались, что с аппетитом едим сухой хлеб.

20.30. По вагонам раздают хлеб, колбасу и масло...

2 июля

Прибыли в Москву, на Курский вокзал.

6.00. Прибыл болгарский посланник Стаменов... Его сопровождает заведующий отделом Наркомата иностранных дел Васюков, который поедет с нами дальше... Болгарин сообщает, что мы едем в Ленинанкан, где 5 июля в 18.00 должен состояться обмен. Этого маршрута, мы, собственно, хотели бы избежать, ибо он – самый неподходящий. Незаметно от Васюкова послу удастся узнать от Стаменова некоторые военные новости.

9.00. Поезд трогается в южном направлении. Мы начинаем понемногу устраиваться, готовясь к долгому путешествию... Холодно и неприятно.

12.00. Майор сообщает, что в Курске мы сможем получить продовольствие. Он говорит, что надеется выполнить наш заказ, переданный ему женой Хильгера.

18.00. Прибыли в Курск. Подвозят хлеб, масло, колбасу, чай, сахар. Обсуждаются проблемы, как следует распределить и хранить продукты. Завтра должно стать уже теплее, а это значит, что нам надо подумать о том, как сохранить продовольствие на 112 человек. Постепенно темнеет. В одной из бесед майор сообщает, что в Москве к поезду прицепили еще два вагона с немцами. Об этом ни Стаменов, ни Васюков не обмолвились ни словом. Переход в эти вагоны строжайше запрещен. По обе стороны наших вагонов стоят вооруженные работники ГПУ; кроме того, еще один работник находится в коридоре. В результате настойчивых требований Вальтер получает разрешение дважды в день пройти в сопровождении одного из работников ГПУ через коридоры вагонов, чтобы раздать пассажирам продукты и лекарства, выслушать их просьбы и т. д. В прицепленных вагонах оказались транзитники и технический персонал посольства, который нам пришлось оставить в Москве. Произошла радостная встреча. Они, как и мы, не знали, к какому

поезду их прицепили, и были рады почувствовать, что находятся в относительной безопасности.

3 июля

3.00. Прибыли в Харьков. Полное затемнение. Во время стоянки у вокзала у всех открытых дверей – часовые с примкнутыми штыками. Под гимнастерками заметны кобуры с револьверами... Поезд в полной темноте отправляется дальше.

6.30. Рассвело... Проходя по вагонам, Вальтер заметил, что к поезду прицеплен вагон-ресторан, в котором находится около 40 сопровождавших нас сотрудников ГПУ.

7.00. Вагон-ресторан начинает действовать – до самой границы нас сопровождает маленькая горбатая женщина. Она предлагает нам бутерброды и консервы. Продавая эти скудные товары, она неплохо заработала.

16.00. Поезд прибыл к Азовскому морю...

10 июля

10.00. Ленинанкан. Васюков сообщает нам, что в советском посольстве в Берлине недосчитывают 99 человек. Васюков чрезвычайно раздражен. Надежды на скорый выезд из Советского Союза убивают. Несмотря на это, послу разрешают связаться по телефону с представителем МИД Турции в Карсе. Однако это оказывается невозможным по техническим причинам. Послу придется ехать на границу.

11.00. К стоящему на соседнем пути поезду подходит группа людей. Среди них есть незнакомые нам иностранцы. Ведение переговоров об обмене поручено турку Шемзадину, который в 1936 году был секретарем посольства Турции в Москве. Посла приглашают в вагон-ресторан на переговоры. Возвратившись, он сообщает, что должен написать декларацию – заявление о своей готовности выехать за

границу – и передать список всех лиц, которые будут его сопровождать.

12.30. Декларация и список готовы. Забрав их, турок уезжает.

13.00. Советский майор предлагает всем, кто имеет дипломатические паспорта, дающие право на выезд без проверки, забрать свои вещи из багажного вагона. Это уже первые серьезные признаки подготовки к отъезду...

12 июля

23.00. Ламле, который предъявляет на таможне последний багаж, сообщают, что досмотр заканчивается, поскольку для этого больше нет времени. Багаж пропускают без контроля. Неужели мы завтра тронемся в путь?

13 июля

1.00. Ламла будит людей и сообщает, что необходимо еще раз предъявить к досмотру несколько ковров. Найдены запрещенные к вывозу серебряные вещи...

9.55. Поезд медленно трогается от вокзала в Ленинанкане. Наконец-то!

10.20. Мы прибыли на границу. Стоим и ждем.

12.30. Посла приглашают в вагон-ресторан, где сидят Васюков и сотрудники НКВД. Васюков и турок подготовили протокол о передаче людей. Посол еще раз проходит по вагонам, чтобы проверить, все ли на месте. Протокол подписывается, затем поезд двигается. Через несколько минут Васюков и сотрудники НКВД сходят с поезда. Они идут вдоль вагонов. Мы медленно едем мимо них...

24 июля

Около 7 часов утра.

Мы проехали Линц. Ровно месяц тому назад мы выехали из Москвы. Наступил последний день нашего путешествия... Около 20 часов длинный специальный поезд прибывает к платформе Ангальтского вокзала Берлина. Встретить нас прибыли руководитель отдела кадров министерства иностранных дел посланник Бергман, заведующий референтурой по России советник Шлип, заместитель заведующего протокольным отделом советник Штрак, по поручению гаулейтера зарубежных организаций НСДАП – статс-секретарь Боле, гаулейтер Аллерман и «наш» посол граф фон дер Шуленбург, прибывший в Берлин самолетом раньше нас. Они встречали нас, выстроившись на платформе впереди людской стены, образованной родными и друзьями возвращавшихся людей. Сотрудники посольства, узнали мы, будут в течение трех дней жить в гостиницах столицы в качестве гостей МИД.

Источник: Кегель Г. В бурях нашего века: Записки разведчика-антифашиста. – М., 1987. – С. 288–304.

В Хельсинки

О том, что происходило в Финляндии в первые дни Великой Отечественной войны, рассказал в своих мемуарах ветеран внешней разведки (послужил в ней 43 года – с 1938 по 1981 год) Елисей Сеницын. С ноября 1939 года он занимал должность резидента внешней разведки в Хельсинки под прикрытием должности советника, а затем поверенного в делах СССР в Финляндии. После начала советско-финской войны 30 ноября 1939 года вместе с советской колонией был эвакуирован в СССР. По окончании войны в марте 1940 года вновь был направлен в Хельсинки под прикрытием должности поверенного в делах, с конца марта – советника дипломатического представительства, а с декабря 1940 года – вновь поверенного в делах. После объявления Финляндией войны Советскому Союзу в составе советской колонии был депортирован из страны и обменян на болгаро-турецкой границе на финских дипломатов, работавших в СССР. В сентябре 1944 года он в третий раз приехал в Финляндию.

Вот как он описал события, которые предшествовали процедуре обмена:

«Подготовку к отъезду начали в тот же день. Выходу и входу в советское представительство препятствий со стороны полиции пока не оказывалось. Воспользовавшись этим, мы с Ш.У. сели в мою автомашину и выехали в город, где, поплутав по улицам и не обнаружив наблюдения, взяли курс на аэродром, чтобы понаблюдать, происходят ли на нем замена гражданских самолетов военными и другие приготовления к боевым действиям.

Свою машину поставили на возвышенной части дороги, проходящей в полукилометре от аэродрома, и в

течение получаса вели наблюдение. Затем мы заметили, что с аэродрома вперемежку двинулись две группы солдат, очевидно, чтобы задержать нас. Мы спокойно сели в машину и поехали вперед к ближайшему поселку.

Когда после двухчасового отсутствия мы подъехали к представительству, то увидели, что подходы к нему были перекрыты цепью финских солдат, а входные двери и ворота во двор заблокированы полицейским нарядом. Нас, конечно, пропустили. Оказалось, что во время нашего отсутствия в представительство прибыл шеф протокола МИДа Хаккарайнен и сообщил о запрете советским гражданам выходить в город без разрешения полиции. Хаккарайнен заверил, что продукты для трехразового питания будут доставляться в представительство солдатами. Свободный выезд в город был разрешен только советнику представительства, то есть мне, в сопровождении полицейской автомашины».

В результате советские дипломаты, а также подданные СССР из числа тех, кто успел добраться до территории посольства, оказались в относительной безопасности. Более того, они могли рассчитывать на благополучное возвращение в Советский Союз. Правда, были и те, кому выезд из Финляндии был блокирован.

«Через день в здание представительства прибыли начальник консульского отдела МИД и советник шведского посольства. Они объявили о том, что сотрудники всех советских учреждений в Финляндии в течение трех дней должны подготовиться к отъезду на пункт обмена дипломатами, находящийся на болгаро-турецкой границе. Через Международный Красный Крест, оказывается, была достигнута договоренность о том, что в Турции будет произведен обмен всеми работниками посольства и консульств и другим соответствующим персоналом СССР в Германии,

Финляндии, Италии и других странах «Оси» на точно такой же персонал. При этом начальник консульского отдела сообщил, что тринадцать советских инженеров, работающих на финских предприятиях, будут задержаны, пока советское правительство не передаст всех финнов, находящихся в тюрьмах СССР за нелегальный переход советско-финской границы. Я, тут же заявив протест против задержания советских инженеров, сказал:

- Пока финская сторона не доставит этих инженеров в представительство для совместной эвакуации, мы не оставим здание представительства.

О сложившейся ситуации рассказал Орлову (полпред (посол) СССР в Финляндии - прим. авт.). Решили послать срочную телеграмму в Наркоминдел Молотову. В присутствии шведского представителя изложили суть случившегося и попросили в качестве ответной меры задержать в Москве такое же количество финнов. Шведский представитель принял телеграмму и обещал послать ее в шведское посольство в Москве для вручения ее Молотову. Мы стали ждать ответа.

Прошло три дня, в представительство явились те же лица, которые были первый раз, но с полицейскими, и потребовали эвакуироваться. Автобусы для посадки уже стояли у дверей. Нам стало ясно - Наркоминдел медлит с ответом.

На предложение финского представителя начать эвакуацию я потребовал немедленного удаления полицейских с территории советского дипломатического представительства на основании права экстерриториальности. Заявил, что до их ухода не намерен обсуждать цель их посещения. Полицейские и представитель МИДа Финляндии растерялись. Первым заговорил швед. Обращаясь к финскому мидовцу, он сказал, что в данном случае финская сторона нарушила

международное право, и если не уйдут полицейские, то он откажется от посреднической роли. Таким образом, полицейские были выдворены.

После этой небольшой психологической сценки представитель МИДа уже более спокойным голосом объявил о продлении срока отъезда из помещения диппредставительства еще на три дня, сказав, что это уже будет последним сроком. Я ответил ему, что если не доставят инженеров, то мы из здания не уйдем».

Дальше Елисей Сеницын рассказывает о бытовых аспектах жизни в столице воюющей страны:

«Эти последние три дня мы прожили в постоянной тревоге. Ежедневно по несколько раз объявляли воздушную тревогу, слышались взрывы наших авиабомб. Мы фактически не выходили из подвала, особенно женщины и дети».

Впрочем, были и такие моменты, о которых в советское время Сеницын, скорее всего, не стал бы писать. Вот, например, такой эпизод:

«В первый же день подвальной жизни ко мне подошел наш работник и рассказал, что товарищ М., моряк в прошлом, и его дружок К. с утра находятся в пьяном состоянии и балагурят. Тут меня осенила мысль: в одном из отсеков подвала должны находиться представительские водка, коньяк и коллекция вин. Мы быстро поднялись на четвертый этаж к Орлову. Он подтвердил, что кладовая подвала целиком заполнена дорогими винами, водками и коньяками советского и французского производства. Если ее откроют, то быть беде. Любители выпивки могут просто спиться. Приняли решение слить все спиртное в канализацию, оставив 5–6 бутылок в дорогу на случай необходимости в медицинских целях. Когда спустились в подвал, то ключ не потребовался, замок оказался сорванным. В кладовой уже побывали пьянчуги. Позвали М. и предложили ему слить все спиртное в канализацию.

Надо было видеть, с какой жалостью и огорчением занимался он этим.

Технология уничтожения была проста. М. отбивал в подвале горлышки бутылок и без разбора сливал содержимое в старое ведро. Пока доносил ведро до канализационного люка, расположенного на дворе, он обнюхивал его, цокал языком и тихо плакал горячими слезами. Но отпивать из ведра он не решался. Когда сливал последнее ведро, М. признался, что в юности до революции служил на флоте, где каждый день перед обедом морякам выдавались 100 г водки. Там он привык к алкоголю, но такого коньяка, какой он сливал теперь, ни разу не пил. Когда ему сказали, что это коньяк марки «Наполеон», он махнул рукой и изрек: «Ну что же, уничтожил «Наполеона», уничтожу и Гитлера!» От такой шутки заулыбались и все окружающие, с интересом наблюдавшие эту процедуру».

А еще говорят, что при Сталине была жесткая дисциплина в загранучреждениях. Если один сотрудник позволил себе совершить то, что в Уголовном кодексе тогда трактовалось как хищение госсобственности и строго наказывалось, а другой сотрудник приказал уничтожить госсобственность, т. к. иначе он бы не смог ее сохранить. Вот такие вот нравы были в посольстве.

Другая история связана с возможной провокацией финских властей. Хотя это могла быть и чья-то шутка. Или как сейчас это бы назвали – «телефонный терроризм».

«В последний день нашего пребывания в здании представительства всем нам пришлось сильно поволноваться и провести бессонную ночь. Примерно в двенадцать часов дня в представительство прибыл начальник полиции Хельсинки и сообщил, что по сведениям, сообщенным в полицию по телефону, в здании советского представительства заложено взрывное устройство большой силы, которое взорвется

сегодня в 24 часа ночи. Может быть, это ложное сообщение, но полиция считает необходимым предупредить об этом.

- Что касается нас, - сказал полицейский, - то мы уже начали проверку всего здания по наружному периметру, вам же рекомендуем проверить внутреннюю часть здания, подвалы, дымоходы, гаражи и автомашины, находящиеся во дворе здания.

Это сообщение нас крайне встревожило. Спешно собрал разведчиков, распределили места проверки и, не разглашая причин осмотра здания, начали поиск мины. В темном подвале и на чердаке осмотрели все закоулки, но мины не обнаружили. Оставалось осмотреть несколько дымоходов - они двухметровыми пиками грозно возвышались над остроконечной крышей здания. Туда и самый ловкий трубочист не сможет добраться без приспособлений. А как же нам залезть туда и посмотреть, не опущена ли в дымоход страшная мина?».

Дымоходы можно было и не проверять. Маловероятно, что кто-то сумел бы незаметно проникнуть на территорию посольства, войти в здание, добраться до крыши, а потом влезть на дымоход. Но порядок есть порядок, поэтому решили осмотреть и это место.

«На мой вопрос к собравшимся, кто может совершить восхождение на такую крутизну, все стояли, молча задрав голову, оценивая свои возможности для подвига, но доброхота не оказалось. В это время к нам подошел М., который вчера плакал, сливая «Наполеон» в канализацию. Узнав, о чем мы размышляем, он просто сказал:

- Сбегаю за резиновыми сапогами, возьму лестницу - и мигом осмотрим дымоходы.

Кто-то высказал сомнение, но М., гордо подняв голову, сказал:

- На корабле я лазил по мачтам не на таких высотах, пройтись же по крыше для меня - это то же самое, что прогуляться по палубе.

За двадцать минут он осмотрел все дымоходы, но и там мины не обнаружил. Стали обсуждать, как действовать дальше. Большинством приняли решение: считать провокацией заявление полиции о подложенной взрывчатке. Учитывая такую возможность, что полиция сама подложила с внешней стороны здания взрывчатку и взорвет ее в 24 часа, посланник Орлов дал указание, чтобы находящиеся в здании сотрудники к 23 часам разошлись по квартирам и разместились в комнатах, окна которых выходят во двор здания. Взрыва, к счастью, не произошло».

В Петсамо

«По-иному проходила эвакуация сотрудников консульства Советского Союза в Петсамо. С первого дня войны северная часть Финляндии управлялась немцами, которые в первый день войны решили скрытно захватить здание консульства, - их интересовала секретная документация. Воспользовавшись сильным туманом, они плотным кольцом окружили консульство и стали ломать входные двери. Двери были дубовые и не поддавались. Тогда трое немцев приставили лестницу к окну второго этажа, где находилась шифровальная комната, и начали выламывать оконную железную решетку. В это время шифровальщик сжигал секретную почту, но печь не работала, и он развел огонь в железной коробке прямо на полу. Бумага горела слабо и сильно дымила. Но как только немец разбил стекло окна, бумага от притока воздуха вспыхнула ярким пламенем, и немец, увидев это, закричал:

- Пожар! Пожар! - и кубарем бросился вниз.

Для шифровальщика хватило пяти минут, чтобы сжечь шифры и другую секретную информацию. Когда была взломана входная дверь в консульство и в шифровальную комнату, вошедшие немцы увидели только пепел да начавший гореть деревянный пол. Огонь был быстро потушен...

В отместку они вывели из дома всех мужчин и поставили их лицом к стене с поднятыми руками, женщин заставили собрать домашние вещи, дав всем не более, чем полчаса, их посадили в военную грузовую машину и отправили в Хельсинки».

В Хельсинки

А борьба за то, чтобы финские власти разрешили выезд всем советским гражданам, продолжалась.

«Когда истек второй трехдневный срок, в здание представительства прибыл начальник полиции г. Хельсинки в сопровождении шведского представителя и потребовал, чтобы советские граждане покинули помещение и начали посадку в автобус. Мы категорически отказались сделать это, пока не будут доставлены советские инженеры. Начальник полиции сказал, что вопрос об инженерах нас не касается, и если мы добровольно не начнем посадку в автобус, то он применит силу. На это требование мы заявили, что только при применении силы мы выйдем из здания и направим телеграмму в Наркоминдел, как обращается с нами финская сторона.

Сразу согласовал текст телеграммы с Орловым и вручил шведскому представителю для отсылки в Москву. Применение силы со стороны полиции свелось к тому, что к каждому из нас подходил полицейский, брал за руку и выводил к автобусу. Фактически это было вежливое принуждение к выходу. Насилия не

отмечалось, как это было со стороны немцев по отношению к сотрудникам советского консульства в Петсамо. В Хельсинки все сотрудники имели возможность забрать свой багаж без ограничения веса и объема и без досмотра. Процедура эвакуации и размещения в автобусах продолжалась около трех часов».

Долгий путь домой

«К вечеру того же дня нас привезли на вокзал и разместили в жестких вагонах с зашторенными белой тканью окнами. Сразу после посадки поезд двинулся на юго-запад в город Турку, куда прибыли поздно вечером. В порту нас пересадили на небольшой пароходик каботажного плавания также с зашторенными окнами, и без задержки мы поплыли мимо шведских берегов в немецкий порт Свинемюнде. Там нас пересадили в вагоны международного класса «Митропа», в каждом вагоне поставили охрану из гестаповцев и повезли через Берлин на австро-германскую границу.

В Берлин мы прибыли поздно ночью. Кроме нашего поезда на путях стояло несколько эшелонов с новобранцами, отправляющимися на Восточный фронт. Тихая ночь оглашалась их радостными криками, воплями, свистом, трещотками. Все это производило впечатление, будто тысяча чертей веселится, что очередной грешник попал к ним в ад. Живые смертники отправлялись покорять нашу Родину.

Вдруг все стихло. Оказалось, что прозвучал сигнал воздушной тревоги. Послышался топот подкованных сапог солдат, убегающих в бомбоубежище. Небо осветилось прожекторами, началась стрельба зениток и разрывы тяжелых авиационных бомб. К счастью, ни одна из них не попала на привокзальную территорию.

Это был налет английской авиации на промышленные районы северо-западной части Берлина.

Вскоре наш поезд в кромешной тьме двинулся на юг. Австрию мы проезжали в ясный, солнечный день; наш поезд с двумя паровозами то медленно поднимался в Альпы, то по глубокому ущелью быстро спускался в долину, минуя нарядные дома, утопающие в цветущих садах. Какая же благодатная природа в этой стране! От такой ликующей красоты еще тяжелее становилось на сердце от мысли, что спокойная мирная жизнь для нашего народа закончилась, впереди тяжелые дни и большие жертвы.

В конце дня мы пересекли австро-югославскую границу, и к вечеру следующего дня наш поезд прибыл в город Ниш, километрах в пятидесяти от югославо-болгарской границы. Здесь наши вагоны поставили в тупике на территории табачной фабрики, обнесенной высоким железобетонным забором. Нам было суждено простоять там 23 дня в вагонах при сорокаградусной жаре без права выхода из вагонов даже детей. По этому поводу мы пригласили к себе шведского представителя и начальника охраны гестаповца Вольфа. Заявили им резкий протест против установления фактически тюремного режима. Подчеркнули, что Германия нарушает международные правила. Мы потребовали ежедневных прогулок для женщин и детей три раза в день по одному часу, мужчинам – два раза.

Гестаповец, вначале беседы хорошо говоривший по-русски, высокомерно и нахально отметил, что их армия уже заняла Смоленск и без сопротивления движется на Москву. Поэтому скоро нам будет некуда ехать и лучше перейти на немецкую сторону, о чем и объявить на весь мир. Посланник Орлов очень плохо себя чувствовал и в начале беседы ушел к себе в купе. На наглое предложение немца пришлось отвечать мне. Кстати сказать, еще в Свинемонде, когда мы размещались в

вагонах, заметил, что поведение Вольфа скорее напоминает работу представителя немецкой разведки, чем охранной службы. Его предложение об измене родине всему составу диппредставительства в Финляндии подтвердило мое мнение. Требовался квалифицированный ответ разведчику. Находившиеся со мной Ж.Т. и Ш.У. тоже ждали моего ответа. Я сказал:

- Как нам известно, ваша армия подошла к Смоленску, но не взяла его. А чтобы взять Москву, надо выиграть еще много сражений. Молниеносной войны у вас не получилось. Вспомните, какие надежды возлагал Наполеон на захват Москвы. До этого он имел большое сражение за Смоленск, а следующим было Бородинское сражение, про которое он сам сказал: «Еще одно такое сражение, и я потеряю всю свою армию». Что касается вашей армии, то ей, повторяющей дорогу Наполеона на Москву, придется выдержать еще не одно сражение и контрудары наших войск. Вы выдохнетесь скорее, чем Наполеон, и Москву не возьмете. Кстати, русские закончили тогда войну в Париже...

Сказав это, я взглянул на лицо Вольфа и был поражен, как сильно подействовали на него сказанные мною слова. Я даже не ожидал такой реакции. Его краснощекое лицо стало бледнеть, губы посинели, а глаза стали неподвижны. Он молчал. Шведский представитель и мои товарищи настороженно и удивленно поглядели на Вольфа.

Первая мысль, мелькнувшая у меня, была: наверное, я перегнул палку в рассказе о поражении французов. Сейчас он может проявить враждебность и злобность. Но Вольф стал постепенно приходить в себя, и лицо его приняло прежние краски. Он посмотрел на шведа, на нас и, как бы размышляя вслух, вымолвил два слова:

- Ну что же... - и, уже полностью придя в себя, сказал, что дети и женщины могут выходить на прогулку около вагонов. Что касается мужчин, то он

сообщит об этом позднее. Сказав это, он поднялся и быстро вышел из вагона. Вслед за ним вышел и швед. В купе вагона мы остались одни и стали обсуждать, что же произошло с Вольфом, когда он выслушал мнение советского дипломата о поражении Германии в этой войне. Мы пришли к выводу, что, по всей видимости, Вольфу ни разу не приходило в голову, что фашистская Германия может быть разгромлена. После этой встречи он не заходил к нам в вагон. Через несколько дней им было дано распоряжение о прогулках мужчин два раза в день.

Не могу особо не отметить сердечное отношение к нам югославских рабочих и интеллигенции. Рабочие и работницы табачной фабрики, на территории которой мы находились, организовали передачу нам ежедневных военных сводок со всех фронтов. Первое время эти сводки заделывали в мундштуки папирос, которые незаметно от охранников вручали нашему человеку, встречавшемуся во время прогулок. На четвертый день к нам пришел шведский представитель. Он передал телеграмму, подписанную Вышинским (Андрей Вышинский - первый заместитель наркома иностранных дел СССР - прим. авт.), в которой одобрялись наши требования к финским властям в отношении освобождения советских инженеров и сообщалось, что наше правительство продолжает переговоры на этот счет с Финляндией. В этой связи нам придется на несколько дней задержаться в городе Ниш, пока сюда не будут доставлены эти инженеры для одновременного возвращения на родину всех советских граждан.

Не обошлось и без происшествий. На одной из прогулок ко мне подошел наш работник резидентуры из хозяйственной группы представительства Николай Прокопюк. И сообщил мне о своем намерении в ближайшую ночь бежать к югославским партизанам для

совместной борьбы против немцев, оккупировавших Югославию.

Один из рабочих табачной фабрики, связанный с партизанами, согласился провести его в отряд, который находится километрах в пятнадцати от Ниша в горах. Мне пришлось дать ему разъяснение об опасности такого шага для всех нас, находящихся в поезде. Даже если это и не провокация немцев и ему удастся бежать к партизанам, то, узнав об исчезновении одного человека из вагона поезда, они могут предпринять репрессивные меры против нашего коллектива. Если же его поймут, то арестуют и втихомолку расстреляют. Свое желание бороться против немцев в партизанах он может быстро осуществить, приехав в Москву, где я окажу ему всяческое содействие в этом.

На девятнадцатый день к нам из Финляндии прибыли 13 советских инженеров. Утром следующего дня мы в полном составе выехали на болгаро-турецкую границу. Когда прибыли туда, оказалось, что финны приедут только через день. Складывалась сложная ситуация: где разместить советских людей. Помог шведский представитель. Он договорился с болгарскими и турецкими представителями об отправке женщин и детей в Стамбул, в советское консульство, которое имело возможность поселить их на нашем корабле «Сванетия», стоящем в стамбульском порту. Так и сделали. Мужчин же оставили на месте до размена с финнами. На следующий день на границу прибыли финны во главе с посланником Паасикиви.

Вскоре мы разместились в турецких автобусах, пересекли болгаро-турецкую границу и через несколько томительных часов пути прибыли в стамбульский порт на советский пароход «Сванетия». Там нас разместили в люксах и номерах высшего класса этого первоклассного корабля, предназначенного для обслуживания туристов.

Капитан «Сванетии», узнав, что мы на следующий день собираемся следовать к нашей границе поездом со многими пересадками на двухтысячекилометровом пути, предложил остаться на корабле, который через два дня выйдет в Батуми и быстро доставит нас на родину. Однако, зная судьбу турбоэлектрохода «Сталин»⁴⁷, мы отказались от любезного предложения капитана «Сванетии», а через два дня сухопутным путем прибыли в Ленинкан. Оттуда через Тбилиси приехали в Москву. Так закончился наш длинный путь возвращения на родину⁴⁸.»

Неизвестные герои «холодной войны»

О большинстве агентов и кадровых сотрудников советской разведки, кто вернулся в СССР благодаря обмену, знают лишь немногочисленные историки. А еще ветераны органов госбезопасности, из числа тех, кто участвовал в организации обменов или был сослуживцем. Часть историй продолжает оставаться засекреченной даже спустя десятилетия после окончания «холодной войны».

Несостоявшийся обмен в 1949 году

Выше мы подробно рассказали о том, что в двадцатые-тридцатые годы прошлого века процедура обмена была, образно говоря, отработана до автоматизма. Более того, решения на уровне руководства страны принимались достаточно оперативно. И большинство кадровых советских разведчиков в зарубежных тюрьмах находились относительно непродолжительное время.

Как только закончилась Вторая мировая война и бывшие союзники по антигитлеровской коалиции вновь, как это произошло после окончания Первой мировой войны, стали врагами, начался процесс обмена шпионов. Разумеется, разведки союзников и в годы Второй мировой войны активно работали на территории друг друга, только тогда пойманных с поличным кадровых сотрудников и подданных дружественных государств старались без громких скандалов депортировать из страны. Ну, а с завербованными ими агентами поступали по-разному. В Советском Союзе могли и расстрелять или отправить на много лет в ГУЛАГ, а США их просто старались не замечать. Все изменилось после начала «холодной войны». Теперь на Западе главным противником стали не германские и японские шпионы, а «агенты СССР и других социалистических стран Восточной Европы».

14 февраля 1949 года на заседании Политбюро было принято решение об обмене «английского подданного Келли Франка, осужденного в СССР за шпионаж, на находящегося в Англии изменника Родины Токаева Г.А.». Было решено поручить МИДу «начать переговоры с английским посольством по этому вопросу»⁴⁹.

Если о британском гражданине почти ничего не известно, кроме того, что он был осужден за шпионаж, то о втором человеке известно достаточно много.

Процитируем донесение начальника политотдела штаба Советской Военной Администрации (СВА) в Германии полковника К. Овчинникова начальнику политуправления СВА в Германии генерал-майору Андрееву. Документ датирован 10 ноября 1947 года и посвящен результатам исчезновения вместе с семьей «подполковника инженерных войск Токаева Григория Александровича, старшего офицера Управления». Поясним, что прибыл он в Германию в июне 1945 года.

Григорий Токаев родился 13 октября 1909 года в Северной Осетии, в Новом Урухе. В 1941 году защитил в Академии Жуковского докторскую диссертацию по аэродинамике, там же проработал всю войну. «В боях не участвовал, ранений и контузий не имеет. Имеет награды: нагрудный знак «Отличник РККА», орден «Красная Звезда», медали «За боевые Заслуги», «За победу над Германией», - написал Овчинников в своем рапорте.

Далее он сообщил о том, чем занимался исчезнувший подполковник в Германии и чем было спровоцировано его решение уйти на Запад.

«Токаев долгое время использовался на специальной работе, связанной с именем немецкого ученого-конструктора Танка⁵⁰ и с людьми, его окружающими. Имел широкую связь с немецкими специалистами. Эта связь и работа проходили без контроля со стороны руководства Военного Управления.

Работая с Танком, Токаев все время добивался, чтобы Танк был отправлен для работы в Москву.

В сентябре месяце в беседе с полковником тов. Белых Токаев заявил, что он получил от одного из наших руководителей партии и правительства указание

об отправке Танка в Москву, и если он, Токаев, этого Танка не доставит в СССР, то с него, Токаева, снимут голову.

Токаев настаивал на насильственной отправке Танка в МОСКВУ, при этом заявляя, что он боится превосходства авиации союзников над нашей, если они используют Танка в своих интересах.

Токаев с подозрительной настойчивостью и поспешностью добивался отправки Танка в Москву. Когда его предложения не были приняты и осуществлены, Токаев был крайне обижен и боялся, что этим самым он сильно подорвал свой авторитет перед Маршалом Советского Союза тов. Соколовским⁵¹ и генерал-лейтенантом тов. Дратвиным⁵², ибо тт. Соколовский и Дратвин к этому времени перестали непосредственно вызывать к себе для доклада Токаева по вопросам, связанным с Танком.

Это произошло потому, что Токаев в своих докладах тт. Соколовскому и Дратвину и в письмах в Москву допустил нечестность, передергивание фактов, необъективность при освещении вопросов, в погоне за сенсацией давал неверные материалы и будучи на приеме в правительстве доложил правительству неточные и не проверенные данные о Танке.

Работая в специальной государственной комиссии, подписал ее акт, не заявив своих возражений ей, но тут же написал письмо, которое и передал через генерала Куцевалова⁵³, в котором опорочил работу комиссии, возглавляемой генерал-полковником тов. Серовым⁵⁴.

По окончании работы этой комиссии продолжал долгое время выдавать себя за ее члена, не сдав своего мандата.

Нечистоплотность, нечестное отношение к работе, обман членов правительства при докладе им о Танке, болтливость, слишком большая самостоятельность при

работе с немецкими специалистами и Танком, желание во что бы то ни стало создать «карьеру» на деле Танка в ущерб существу самого дела со стороны Токаева заставили командование СВАГ и Военного Управления отказаться от дальнейшего использования Токаева на этой работе, и с июля 1947 года Токаеву была запрещена активная деятельность в этой области.

Работая в Управлении, Токаев систематически выражал недовольство своей служебной работой и тем, что он получает малый оклад».

Затем Овчинников реконструирует события, которые предшествовали побегу:

«а) 12 сентября 1947 года генерал-лейтенант тов. Дратвин передал генералу Баринову⁵⁵ желание Маршала Советского Союза тов. Соколовского и свое указание об откомандировании Токаева для работы на Родине.

б) Приблизительно в эти же дни генерал-лейтенант тов. Лукьянченко⁵⁶ передал генералам тт. Баринову и Александрову⁵⁷ приказание об откомандировании Токаева в СССР.

в) Токаеву от кого-то стало известно об его откомандировании, и тогда он решил опередить события, написав 10 октября рапорт о том, чтобы его откомандировали на Родину.

11 октября рапорт Токаева с ходатайством Начальника Военного Управления генерал-майора тов. Соколова был передан Начальнику Штаба.

Начальник Штаба дал указание об оформлении документов на откомандирование.

г) 16.10.47 приказом по СВАГ Токаев был освобожден от занимаемой должности и откомандирован в распоряжение Отдела Кадров ВВС МВС СССР.

д) Отдел Кадров Штаба СВАГ только 21.10.47 спустил этот приказ в Управление. Этого же числа Токаев с приказом был ознакомлен.

е) С 21.10.47. и по день побега Токаев готовился к отъезду в СССР.

ж) [?].10.47. генерал-лейтенант тов. Лукьянченко, узнав о том, что Токаев еще не откомандирован и не выехал в СССР, приказал генералу тов. Александрову под его личную ответственность срочно откомандировать Токаева и проследить за его выездом. [?] октября с. г. генерал тов. Александров о полученном им приказании доложил начальнику Военного Управления генералу тов. Баринову, последний на это реагировал как на обычное откомандирование, не предприняв никаких дополнительных мер во исполнение приказа Начальника Штаба. 31-го октября полковником тов. Клычевым [?] через адъютанта генерала тов. Александрова в Военное Управление были пересланы все документы на Токаева. В командировочном предписании указывалось, что Токаев должен отбыть 5.11.47. и прибыть в Москву 9.11.47.

з) Последний раз Токаева видел полковник тов. Белых - 3.11. около 11.00 часов утра.

и) [?] октября [правильно: ноября] 1947 года сотрудник Министерства Авиапромышленности тов. Сорокин, проживающий в одном доме с Токаевым, заметил, что домработница-немка выносит разные вещи из квартиры Токаева. Сорокин заинтересовался этим. Узнав, что Токаева нет, а вещи его расхищаются, Сорокин об этом сообщил в Военное Управление.

В разговоре с немкой было установлено, что днем 3.11. Токаев вместе с женой и дочерью на собственной машине выехал в неизвестном направлении, заявив немке, что к вечеру он вернется. Шоферу-немцу ТокаевОКАЕВ приказал 4.11.47. выехать на работу обычным порядком с утра.

к) Токаев до последнего времени жил в доме в непосредственной близости с немецким населением. Квартира его свободно посещалась немцами. Дом, в котором жил Токаев, находится вне черты территории Карлсхорста».

Спустя два дня Овчинников подготовил новый рапорт, в котором среди прочего сообщил новые подробности побега Токаева.

«1. Дополнительные данные к характеристике Токаева

С августа 1945 по январь 1946 года Токаев работал в Советской секции Союзного Секретариата, причем в сентябре 1945 года он был избран секретарем партбюро парторганизации Советской секции Союзного Секретариата. Со слов тт. Кудрявцева, Лысенко и Никольченко, Токаев к работе относился весьма поверхностно.

В разговорах с товарищами под «строжайшим секретом» заявлял, что он занимается изучением того, как немцами было организовано строительство и усовершенствование авиамоторов реактивного типа.

Хвастался тем, что во время работы Потсдамской конференции он выполнял специальное задание по охране Потсдама.

Настойчиво добивался командировки в английскую зону оккупации Германии, якобы для посещения «разведанного» им немецкого института по производству реактивных авиамоторов. Маршал тов. Соколовский в командировке ему отказал. Токаев свой вопрос с выездом в английскую зону обещал уладить личным общением и переговорами с английским майором Нарезом, начальником бюро пропусков английской зоны.

Работая в здании Союзной Контрольной власти, несколько раз имел встречи с немцами, которые представляли какое-то общество. Об этих встречах он

никому не рассказывал. С товарищами не общителен. До приезда семьи имел широкие связи с женщинами, особенно с женщинами, работавшими в госпитале СВАГ.

Тт. Столяров, Шептунов, Кокорев, Кудрявцев, Лысенко и Никольченко, знавшие его по работе в Советской секции Союзного Секретариата, в Военно-Воздушном отделе и в Военном Управлении, характеризуют Токаева как нытика, карьериста, болтуна, человека, который жаловался на то, что его работа с Танком не оценена, как человека, который на работу являлся, когда хотел, и с работы уходил, когда хотел и на сколько хотел.

Токаев работал, как правило, бесконтрольно. В кругу военнослужащих он заявлял, что работает над реактивными снарядами, что в этом вопросе он получил личные указания от одного из руководителей нашей партии и правительства. Этим он часто козырял в личных беседах и в своих выступлениях на партийных собраниях.

Возвратившись из поездки в Москву, куда он ездил вместе с генералом Куцеваловым, Токаев, стараясь порисоваться, среди офицеров вел разговор о том, что он включен в состав правительственной комиссии по отбору немецких специалистов и что якобы на него в этом вопросе возложена основная ответственность.

Числа 20-21.10.47. в кабинете генерала Баринова генералу Соколову в связи с последним письмом Танка Токаев выразил неудовольствие тем, что его имя используется в переписке с Танком. Токаев заявил, что не хочет, чтобы его именем спекулировали и чтобы его имя попало в английскую разведку.

Токаев имел возможность свободно и бесконтрольно осуществлять свои связи с немецкими специалистами. Его квартира часто посещалась всевозможными немцами, ибо она была расположена вне черты колонии Карлсхорста.

2. Некоторые дополнительные данные об обстоятельствах, при которых Токаев с семьей исчез:

а) Согласно показаниям Клыкова Михаила Ефимовича (муж сестры Токаева, до получения назначения проживал на квартире Токаева) 24 октября 1947. Токаева на квартире посетил немец по фамилии Хиль, который, побыв у Токаева минут 15, ушел.

Командование Военного Управления об этом посещении Хиля Токаевым не было поставлено в известность. Хиль – это связной с Танком.

Командование Военного Управления знало только о встрече немца Хиля с Токаевым, которая происходила 18 октября. по 20 октября с. г. Хиль, по информации Военного Управления, отбыл с письмом к Танку.

Чем было вызвано появление Хиля 24.10.47. на квартире Токаева и свидание с ним и почему об этом свидании Токаев никому не донес – остается не ясным.

б) Со слов тов. Сорокина Токаев в день отъезда был в штатском костюме.

в) Клыков заявил, что Токаев к нему за это время ни один, ни с семьей не приезжал (то есть с 21 октября по день его допроса). Токаев собирался лететь в Москву на самолете и называл дату 3–4 ноября и.г.

г) 2 ноября с. г. в гостях у Токаева был полковник тов. Столяров. Он заявил, что, когда пришел к Токаеву, вещи уже были собраны. В беседе Токаев сказал, что его здесь не оценили, и стал жаловаться на то, что его ущемляют лимитной карточкой и не дают ордеров. В Москву собирался отправиться 3.11.47.

Когда Столяров обратил его внимание на то, что он собирается выехать в Москву 3.11.47 (разговор же шел вечером 2.11.47.), а еще вещи не отправил, с финчастью не рассчитался, с партучета не снялся, в консульском бюро не отметился, тов. Токаев ответил, что он это все успеет сделать, а в крайнем случае задержится на один-два дня.

1.11.47 майор тов. Шептунов, учитывая, что ТокаевыОКАЕВЫ готовятся к отъезду, решил пригласить их к себе на обед. Токаев, поблагодарив, отказался от обеда, заявив, что ему надо собираться к отъезду и что он торопится в МОСКВУ, ибо он уже на октябрьские праздники пригласил в МОСКВЕ гостей и что якобы он уже с декабря должен читать курс лекций в академии имени Жуковского.

Жена же Токаева приняла приглашение тов. Шептунова. Будучи в гостях у Шептуновых жена Токарева все время проявляла беспокойство по случаю отъезда, повторяя неоднократно «скорее, только бы скорее ехать».

д) На Силезском вокзале, на складе товарного двора, обнаружено 10 мест упакованной мебели, принадлежащие Токаеву и адресованные в Москву.

Все эти 10 мест к отправке не были оформлены, ибо Токаев не предъявил нужных для этого документов, и поэтому вещи были приняты только на хранение. ТОКАЕВ обещал прийти дня через 2-3 и оформить сдачу упакованных мест, но он больше на Силезском вокзале не появлялся.

В камере хранения личных вещей ТОКАЕВА не обнаружено.

е) Капитан тов. ПОЛЕЩУК (переводчик Военного Управления) подтвердил, что Токаев на его вопрос, мол, вы теперь едете в Москву в ЦАГИ – серьезно ответил, что это не так: «Я еду в Англию». И тут же сразу добавил, как бы его (Токаева) не подвела погода, ибо он хочет лететь в Москву самолетом.

ж) Генералом тов. Александровым дело по оформлению всех документов и отправке ТОКАЕВА было поручено подполковнику тов. Кокореву. Причем Кокореву не были даны конкретные и четкие указания,

его ответственность за исполнение этого указания не была подчеркнута»⁵⁸.

Токаев вместе с семьей все же добрался до Великобритании, где и остался жить. Там он публиковал книги антисоветского содержания и труды по аэро- и гидродинамике, преподавал, возглавлял факультет аэронавтики и космической техники Нортхэмптонского колледжа перспективной технологии и Городского университета в Лондоне. В 1975 году вышел в отставку и работал в Иордании, Иране, Турции и Нигерии.

Умер в г. Чим в графстве Суррей 23 ноября 2003 года.

А обмен так и не состоялся. И наверное, Келли Франк отбыл полностью свой срок в ГУЛАГе. И возможно, когда вначале шестидесятых годов прошлого века процесс обмена был поставлен «на промышленную основу», то о нем просто забыли как на Западе, так и в Советском Союзе. У Москвы появились «свежие» кандидаты на обмен. Так, 27 июля 1961 года «в момент фотографирования военного объекта органами государственной безопасности был задержан гражданин США Марвин Вильям Макинэн, прибывший в Советский Союз из Западного Берлина и совершавший туристическую поездку на автомашине по маршруту Ужгород – Львов – Киев. При задержании у Макинэна был изъят нательный пояс, в котором он хранил множество фотопленок, записную книжку и тетрадь с записями разведывательного характера.» – это цитата из заявления МИДа СССР посольству США в Москве, которое опубликовали советские газеты 5 сентября 1961 года. Спустя какое-то время советские СМИ сообщили, что Военный трибунал Киевского военного округа приговорил шпиона-любителя «к 7 годам лишения свободы». Поясним, что осужденный учился на 4-м курсе физико-математического факультета

Свободного университета в Западном Берлине и в обмен на оплату туристической поездке в Советский Союз согласился выполнить задание американской разведки⁵⁹. Его вместе с со священником-иезуитом обменяли в 1963 году на двух советских разведчиков.

В октябре 1961 года тем же Военным трибуналом «за ведение разведывательно-подрывной деятельности по заданию разведки агрессивного блока НАТО» были осуждены граждане Голландии Рейдон Эверт Бертольд и де Яхтер Лоу. В отличие от студента они имели солидный опыт агентов-маршрутников. Оба были моряками и во время захода кораблей, где они служили, в советские территориальные воды фиксировали все интересующее западную разведку на фотопленку. Впрочем, попались они, когда в качестве автотуристов путешествовали по Украине. 20 августа 1961 года на Ужгородском контрольно-пропускном пункте в ходе таможенного досмотра «у них были обнаружены технические средства ведения визуальной разведки и фотографирования военных объектов, а также записная книжка и множество фотопленок, в которых содержались данные разведывательного характера». Оба шпиона были осуждены на 13 лет лишения свободы⁶⁰.

Другим пойманным с личным вражеским шпионом повезло больше. «Осенью 1958 года в Москву на 4-ый Международный конгресс славистов вместе с американскими учеными приехал профессор Шоу. По окончании конгресса он попросил у «Интуриста» путевку. Его туристское ознакомление с нашей страной началось с попытки фотографировать некоторые московские оборонные предприятия. Вследствие этого он был выслан из СССР»⁶¹.

Другой пример. Находившийся в июле-августе 1960 года американский турист Роберт Кристнер «занимался

сбором шпионских данных о промышленных и военных объектах Советского Союза, фотографировал некоторые из них... Помимо фотографирования, Кристнер занимался составлением схем отдельных участков местности с обозначением железных дорог, мостов, радиоантенн, линий высоковольтных передач и т. п.». Также он занимался «распространением антисоветской литературы». В августе 1960 года был выдворен из СССР⁶².

А вот американец Марк Каминский имел все шансы провести несколько лет в советской тюрьме. Его вместе с напарником по автопутешествию по маршруту Минск – Москва – Харьков – Киев – Львов– Ужгород Харвеем Беннеттом задержали 25 августа 1960 года. Причем только первый «занимался сбором сведений об оборонных объектах... при досмотре (на таможне – прим. ред.) умышленно скрыл имеющийся у него блокнот с разведывательными записями, а в момент задержания пытался засветить фотопленку, на которой были засняты оборонные объекты». К тому его спутник Беннетт активно сотрудничал со следствием и на суде выступил в качестве свидетеля обвинения. В результате Каминского приговорили к 7 годам лишения свободы. Правда, затем «Президиум Верховного Совета СССР, учитывая чистосердечное признание и раскаяние Каминского в совершенных им преступлениях, принял решение заменить Каминскому отбытие наказания принудительным выдворением из Советского Союза»⁶³.

Офицера ГРУ на супругов Вернеров

В 1962 году в газете «Правда» появилась небольшая заметка о том, что сотрудника Станкоимпорта Внешторга, арестованного властями ФРГ, обменяли на гражданина Федеративной Республики Германии, проштрафившегося и арестованного в Москве. При этом никаких подробностей не сообщалось. Что же произошло с сотрудником советской внешнеторговой организации, что его сначала арестовали, а потом и обменяли?

25 июля 1961 года в Кельне (город в ФРГ) во время изъятия «закладки» из тайника был арестован офицер ГРУ Валентин Припольцев, который работал под «прикрытием» должности торгового представителя «Станкоимпорта».

Прочитируем небольшую заметку, которая была опубликована в еженедельнике «Посев»⁶⁴ 3 сентября 1961 года:

«На днях в ГФР (Германская Федеративная Республика – прим. авт.) арестован по подозрению в шпионаже в пользу СССР один из работников торгового представительства СССР в Кельне Валентин Припольцев.

43-летний инженер Припольцев находится в ГФР с апреля 1959 года и занимался сбором материалов, касающихся военных объектов, вооружения немецкой армии, дислокации военных частей и т. д. Припольцев пользовался для сбора материалов тайниками и был арестован как раз в тот момент, когда он под видом прогулки подошел к одному из тайников и взял положенные туда шпионские материалы. Тайник находился в кладбищенской стене пригорода Кельна. Припольцев в момент ареста пытался проглотить какой-

то небольшой комочек, который оказался туго свернутой бумагой, содержащей шпионские материалы.

Советское посольство в Бонне, узнав об аресте Припольцева, потребовало свидания с ним. Судья, которому передано дело Припольцева и который ведет следствие, разрешил свидание представителям посольства с Припольцевым, но при одном условии: чтобы при свидании разговор велся на немецком языке (как полагается при свиданиях со всеми подследственными в ГФР) и в присутствии переводчиков из министерства иностранных дел ГФР. Представители посольства отказались на таких условиях от свидания и заявили протест в министерстве иностранных дел ГФР против ареста Припольцева.

Припольцев не пользовался дипломатическим иммунитетом. Позже представитель советского посольства согласился на условия свидания с Припольцевым. Свидание состоялось»⁶⁵.

А вот какой материал появился в этом же журнале спустя две недели:

«Как сообщалось в «Посеве» от 3 сентября, недавно в ГФР был арестован один из работников торгового представительства СССР в Кельне Валентин Припольцев, уличенный в шпионаже в пользу СССР. Припольцев был пойман с поличным у тайника на кладбище в пригороде Кельна - Мелатен. Застигнутый полицией, он проглотил комочек бумаги.

По последним сообщениям печати ГФР, проглоченный комочек по извержению экскрементов органам судебной медицины удалось заполучить. Развернутая бумажка оказалась исписанной кириллицей (вероятно, на русском языке). Правда, вследствие действия желудочных соков текст оказался сильно испорченным. Несмотря на это, в нем можно

было различить четыре пункта сообщения Припольцева, которое он собирался передать дальше по назначению.

В первом пункте сообщения обозначено время монтажа самолета типа «Ф - 104-Г», строящегося в ГФР, и указаны группы «Север» и «Юг». Вероятно, также было обозначено количество продукции в месяц, так как ясно различимо слово «месячно».

Второй пункт плохо сохранился. В нем указаны группы «Мессершмитт», «Везер-самолетостроение», «Крупп-Везер-самолетостроекие».

Третий пункт сохранил слова «рабочие данные научных... конструкции, организации... измерения... работы».

В четвертом пункте Припольцев пишет «о качестве привода» и секретной атомной реакции, а также о «жаропротивляемости и отстройке»...»⁶⁶.

10 февраля 1962 года он был приговорен к четырем годам заключения.

Кратко расскажем биографию этого человека. Родился он 10 июля 1918 года на станции Хреновая Юго-Восточной железной дороги в Воронежской области. В 1941 году окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, затем Курсы при Военно-транспортной академии Красной армии. Служил в органах военных сообщений на Южном, Северо-Кавказском и 3-м Украинском фронтах. «Растущий, волевой, энергичный и дисциплинированный командир» (1943 год). После окончания войны был переведен в органы военной разведки. С 1947 по 1951 год учился в Военно-дипломатической академии Советской армии. Затем, с 1951 по 1959 год – был сотрудником Государственного научно-технического комитета при СМ СССР. В 1959 году был направлен в командировку в ФРГ.

3 марта 1962 года его обменяли на двух граждан ФРГ Адольфа и Хермину Вернер.

Его дальнейшая карьера сложилась удачно. В 1963 году выехал в командировку во Вьетнам, затем работал в «Станкоимпорте» и Всесоюзной академии внешней торговли. Ушел в отставку в звании полковника⁶⁷.

Супруги Вернер

А вот на кого обменяли кадрового сотрудника советской военной разведки. Прочитируем фрагмент книги Николая Чистякова «По закону и совести», который продолжительное время возглавлял Следственный отдел КГБ СССР:

«Среди приезжающих в СССР встречались шпионы иного сорта, такие, как немцы Адольф Вернер – член национал-социалистской партии фашистской Германии – и его супруга Хермина – жители города Карлсруэ в Западной Германии.

Во время фашистского нашествия Вернер был унтер-офицером, длительное время воевал против Советской Армии, командуя взводом первой пехотной дивизии СС, действовавшей на Украине, в Белоруссии и под Орлом. Он отличался особой жестокостью по отношению к пленным и местному населению, за что от имени фюрера награжден Железными крестами I и II степени.

После окончания войны Вернер работал на частных предприятиях обувной промышленности, а с 1957 года – заведовал обувным отделением универмага в Карлсруэ. Начиная с 1952 года, он регулярно совершал туристские поездки в Австрию, Францию, Италию, Португалию, Турцию. По возвращении домой писал об этих поездках статьи, выступал с лекциями. В начале 1961 года Вернер получил письмо из Штуттгарта от некоего Аль

Джонсона, который предлагал ему встретиться. Во время встречи Джонсон назвал себя представителем американской газетной фирмы, которого якобы заинтересовало творчество новоявленного автора путевых заметок. Он предложил Вернеру совершить туристскую поездку в Советский Союз и выполнить там некоторые поручения фирмы. За это «фирма» обязалась оплатить расходы, связанные с поездкой.

Вернер, которому так хотелось еще раз побывать в Советском Союзе, в частности, на Украине, где он зверствовал во время войны, без всяких колебаний принял предложение американца, который проникся доверием к бывшему эсэсовцу и назвал себя настоящим именем – Бауэр. После этого они стали встречаться на конспиративных квартирах. В этих встречах принимал участие еще и другой разведчик, назвавшийся Дааном.

- Бауэр мне заявил, - показал на следствии Вернер, - что его интересуют сведения военного характера: аэродромы, радиостанции, радарные установки, расположение воинских частей, передвижение военнослужащих, боевая техника, наличие мостов и других сооружений...

Маршрут поездки по территории СССР был разработан, конечно, Бауэром и Дааном. Их интересовали определенные места, и прежде всего, Одесса, Севастополь, Симферополь.

- Американцы советовали мне, - заявил Вернер, - ехать медленно, быть наблюдательным и запоминать все объекты военного значения, большие мосты и места их расположения. Во время пребывания в Севастополе и Симферополе я должен был с какой-либо высоты сделать панорамные снимки этих городов. В Севастополе я должен был осмотреть и запомнить, независимо от назначения, различные мачты или вышки.

Во время последней встречи с представителями американской разведки Вернер получил заверение в абсолютной безопасности «туристической» поездки по СССР и... две тысячи марок. (Такса, оказывается, установлена для всех одинаковая!) При этом ему, как и другим задержанным нашими органами шпионам, было сказано, что окончательный размер вознаграждения будет зависеть от важности и количества собранных сведений.

Этого вознаграждения супруги Вернер не смогли получить. 2 сентября они были задержаны в районе расположения воинской части под Киевом благодаря бдительности молодых солдат Валентина Колупаева и Константина Котлова. При обыске у Вернеров были обнаружены технические средства ведения визуальной разведки и фотографирования военных и промышленных объектов, большое количество фотопленок со снимками разведывательного характера, дневник с зашифрованными шпионскими записями, а также средства тайнописи.

Так закончилась бесславная карьера недобитого эсэсовца Адольфа Вернера и его супруги. Оба они получили по заслугам»⁶⁸.

Разведчики из секретариата ООН

11 октября 1963 года арестованный в 1941 году по обвинению в шпионаже и приговоренный к 15 годам исправительных работ американский католический священник, член ордена иезуитов Вальтер Чишек был обменян на сотрудников секретариата ООН Ивана Егорова и его жену Александру. Отметим, что Иван Егоров был офицером ГРУ.

О чем не любят вспоминать правозащитники

Военный разведчик, генерал-лейтенант в отставке Леонид Гульев рассказал журналисту Владимиру Галайко подробности из жизни супругов Егоровых:

«Они были не дипломатами, а сотрудниками, чиновниками, клерками в подразделении ООН... В американских газетах публиковались снимки – на них Егоровы были запечатлены «на тайниках». Полиция приехала и арестовала их дома. Об этом сообщили прессе. Ивана и Александру выводили под вспышки фоторепортеров, под телевизионными камерами. Их разделили. Ивана бросили в камеру к уголовникам, которые, надо отдать им должное, проявили «классовую солидарность» и отнеслись к «русскому шпиону» вполне терпимо. Александру же поместили в камеру к проституткам. Так выглядела месть фэбээровцев. Ей, конечно, пришлось нелегко.

Но демократия есть демократия. В Америке существует масса различных движений за равноправие женщин. Как только они узнали о судьбе Егоровой, сразу организовали пикетирование тюрьмы (да, русская виновата, но держать ее с проститутками никто не имеет права!) и потребовали перевести в другую

камеру. И администрация сразу же выполнила их требование. Понадобились огромные усилия нашего правительства, чтобы выволить Егоровых. Их в конце концов отпустили в Союз...»⁶⁹.

Пьер Хасс и Джордж Капоши в своей книге «КГБ в ООН» сообщили другие подробности этой шпионской истории. Например, они утверждают, что Егоров «руководил отделом личного состава кадров нескольких административных подразделений и комиссий ООН, получая 10 тысяч долларов в год... Та работа, которой он занимался, была рутинной, неинтересной и, если не считать обрывков закрытой информации, которые случайно могли дойти до отдела, эта работа никак не касалась внутренней жизни дипломатического корпуса ООН...». Также ФБР якобы настораживала «привычка Егорова общаться с дипломатами только советского блока и иногда – с представителями афро-азиатских стран»⁷⁰.

Шпион-священник

Со священником тоже не так просто. К моменту обмена он уже отбыл свой срок и проживал в ссылке в Абакане (Хакасия). Так что вопреки «традиции» обменов холодной войны его депортировали не из тюрьмы, а, можно сказать, со свободы. Кратко расскажем об этом человеке.

Вальтер Чишек родился в 1904 году в США. В 1928 году поступил в иезуитскую семинарию в Орчард-Лэйке (Мичиган) и одновременно вступил в новициат (период послушничества в Католической церкви). В 1934 году переехал в Рим, где поступил в коллегию Руссикум, готовившую католических священников для будущего служения в СССР. В 1937 году окончил коллегию и был рукоположен в священники византийского обряда.

В сентябре 1939 года служил в восточной Польше, когда она оказалась занятой советскими войсками. Чишек решил перейти на нелегальное положение и под вымышленным именем Владимир Липинский переехал на Урал, где нанялся на лесозаготовочные работы. В 1941 году был арестован, а 26 июля 1942 года приговорён к 15 годам заключения «за шпионаж». До 1946 года содержался на Лубянке и в Бутырской тюрьме, затем был этапирован в Сибирь.

Отбывал заключение в лагерях Дудинки, Норильска и Кайеркана. 22 апреля 1955 года был освобождён, проживал в Норильске и Красноярске, где полуофициально окормлял местных католиков. Недовольные данным обстоятельством власти предложили ему покинуть сначала Норильск, а затем Красноярск. Чишек переехал в Абакан, где работал на заводе. В октябре 1963 года получил разрешение покинуть СССР. Жил в Нью-Йорке, преподавал в центре исследования восточного христианства. Умер в 1984 году.

Предателя на агентов

В 1969 году арестованный в ЮАР советский разведчик-нелегал Юрий Логинов был выдан СССР в обмен на нескольких агентов западногерманской разведки. Интересно, что он не хотел возвращаться в СССР, так как с 1961 года неоднократно пытался предлагать известные ему секреты ЦРУ. Но американцы сочли его действия провокацией КГБ и выдали его властям ЮАР как советского агента. О том, что «двойной игры» не было, в ЦРУ узнали только после обмена⁷¹.

Биография предателя

Юрий Логинов родился в 1933 году в Курске. Его отец в год рождения сына уволился из армии в звании полковника, перешел на партийную работу, очень скоро был избран первым секретарем Курского обкома ВКП(б), а затем переведен на работу в Тамбов. После начала Великой Отечественной войны Николай Логинов был вызван в Москву, где его назначили на ответственный пост в одном из союзных министерств. Когда отгремел салют Победы, Логинов-старший получил возможность заняться сыном, у которого проявились блестящие способности к иностранным языкам.

Сын окончил в 1954 году одну из элитных московских школ и поступил в Институт иностранных языков. Хорошо образованный, учтивый, обладающий «западной» внешностью молодой лингвист обратил на себя внимание кадровиков КГБ. Весной 1957 года ему предложили службу в органах внешней разведки и Юрий Логинов согласился. Учитывая его лингвистические способности, европейскую внешность

и прекрасные анкетные данные, ему предложили стать разведчиком-нелегалом.

Летом 1957 года Юрия Логинова зачислили в штат ПГУ (Первое главное управление - внешняя разведка) КГБ и присвоили ему звание лейтенанта, но из-за бюрократических накладок он не был приведен к воинской присяге, что в дальнейшем сыграло немаловажную роль в его судьбе. После четырехлетней спецподготовки он был готов к первой поездке за границу.

28 апреля 1961 года Юрий Логинов вылетел в Прагу, имея два фальшивых американских паспорта на имя Роджера Хайленда и Рональда Уильяма Дина. Перед ним была поставлена задача: проверить свои возможности действовать на Западе по разработанной в центре «легенде», не привлекая к себе внимания со стороны местных жителей и полиции. С этой целью он должен был, выдавая себя за американского туриста, провести по два дня в Риме, Флоренции, Болонье и Милане, а затем 9 дней - в Стокгольме, после чего вернуться в СССР. Кроме того, в ходе поездки ему предстояло отработать навыки поддержания связи с сотрудниками легальных резидентур.

29 апреля 1961 года Юрий Логинов прибыл в Рим, где зарегистрировался в гостинице «Юниверс» как американский турист Рональд Дин. Благополучно проведя в столице Италии два дня и не вызвав никаких подозрений у служащих отеля, он, согласно плану, 1 мая 1961 года выехал поездом во Флоренцию, где также остановился в гостинице, оставив, как положено при регистрации, свой фальшивый паспорт у портье. Утром следующего дня он собрался в город, но, проходя мимо стойки портье, увидел двух полицейских, изучавших чьи-то документы. Решив, что это его фальшивый паспорт, Логинов запаниковал и до вечера бесцельно болтался по городу, не решаясь

показываться в отеле. Он был твердо уверен, что его карьера разведчика-нелегала закончилась, не начавшись, и что теперь его рано или поздно арестуют. Но в конце концов он сумел взять себя в руки, вернулся в гостиницу, забрал вещи и документы, выехал поездом в Милан, откуда первым авиарейсом вылетел в Хельсинки. Здесь он пришел в посольство США и попросил предоставить ему политическое убежище. Узнав об этом, резидент ЦРУ в Финляндии Фрэнк Фрайберг немедленно послал телеграмму в Лэнгли, и оттуда прибыл сотрудник советского отдела ЦРУ опытный вербовщик Ричард Кович. Последний встретился с Логиновым на квартире сотрудника хельсинкской резидентуры ЦРУ Роберта Фултона и внимательно выслушал его рассказ о стажировке в Италии, происшествии во Флоренции и желании немедленно выехать в США. Затем, следуя правилу ЦРУ, Кович сумел завербовать Логинова и убедить его вернуться в Москву, с тем чтобы передавать информацию о КГБ.

После разговора с Ковичем Логинов установил контакт с сотрудниками легальной резидентуры КГБ в Хельсинки и, встретившись у кинотеатра «Астра» со своим куратором из центра Николаем Фроловым и заместителем резидента в Финляндии Анатолием Голицыным, подробно изложил им трудности, с которыми столкнулся в Италии. Получив от Голицына фальшивую визу, дающую право оставаться в Финляндии 17 суток, Логинов поспешил к Ковичу и подробно рассказал о состоявшемся разговоре. Через несколько дней Логинов вновь встретился с Фроловым и Голицыным, которые объявили ему, что в Москве удовлетворены его объяснениями, и вручили визу для возвращения в СССР. Перед отъездом Логинов еще раз встретился с Ковичем и договорился, что установит с ним контакт во время следующей зарубежной

командировки. После этого Кович сообщил об успешной вербовке Логинова в Лэнгли, где тому присвоили псевдоним «Густо».

Прибыв в Москву, Логинов написал подробный отчет о своей поездке. Его действия были признаны руководством оправданными, и он продолжил подготовку к предстоящей работе за рубежом в качестве разведчика-нелегала.

В ноябре 1962 года он выехал во Францию, откуда послал открытку Ковичу по заранее оговоренному адресу в Нью-Йорке. Кович немедленно вылетел в Париж, где встретился с Логиновым на конспиративной квартире ЦРУ. Он сообщил «Густо», что отныне с ним будет работать другой оперативник ЦРУ – Эдвард Юхневич...

Последний, много лет спустя вспоминая о работе с Логиновым, рассказывал: «Он очень изысканно одевался. Говорил, что ему в конечном счете предстоит работать в США и он должен закреплять свою легенду. Любил путешествовать и в этих поездках действительно стал практически западным человеком. Откровенно говоря, он походил на обычного американского парня. Деньги, которые мы ему выплачивали, регулярно перечислялись на его счет, и он мечтал о том дне, когда сможет «раствориться» на Манхэттене».

Между тем в ЦРУ его начали подозревать в двойной игре. Эти подозрения основывались среди прочего на результатах проверки «Густо» сотрудником Джозефом Эвансом и заместителем начальника советского отдела ЦРУ Питом Бэгли. Оба пришли к заключению: «Логинов – подстава КГБ». Свое утверждение они аргументировали тремя фактами.

Во-первых, все поездки Логинова представлялись Бэгли и Эвансу бесконечным процессом. «Создавалось впечатление, что он никого не вел. В данном случае мы

имели дело с нелегалом, который все время тратит на то, чтобы задокументировать себя. Большинство нелегалов ведет агентов, как, например, Лондсдейл», – много лет спустя рассказал Бэгли. При этом Логинову, по его словам, постоянно обещали, что он получит важное задание, но этого до сих пор так и не произошло. Во-вторых, Логинов не дал ЦРУ ничего, что представляло бы ценность для контрразведки. Он не смог идентифицировать вспомогательных агентов-нелегалов и не смог назвать никаких агентов. Фальшивые документы, которые он показал оперативникам ЦРУ, также не привели ни к какому-либо аппарату поддержки нелегалов, ни к адресам советских агентов, находящихся на связи у нелегалов. И хотя Логинов передал сотрудникам ЦРУ свои коды для связи с Москвой, это, по мнению Эванса, ни о чем не говорило, так как у него мог быть второй канал связи и второй шифр. Во-вторых, еще одной причиной для подозрений было то, что Логинов ни разу не объяснил мотивов своей добровольной работы на ЦРУ. Он говорил, что никогда не чувствовал ненависти к КГБ и что ему просто нравится работать на американцев.

В канун нового 1966 года Логинов, ставший к этому времени майором, на теплоходе «Каменск» отплыл из Ленинграда в Антверпен, а затем уже как Эдмунд Тринки 27 января 1967 года вылетел в Йоханнесбург. Там он получил сообщение из ЦРУ, в котором ему предлагалось выехать в Кению для встречи с новым куратором Питером Капустой. Но Логинов не знал, что перед Капустой была поставлена задача найти доказательства того, что он является засланным агентом КГБ. Встреча Логинова и Капусты состоялась в мае 1967 года в Найроби. В течение нескольких недель они ежедневно беседовали с 9 часов утра до 8 вечера. Результатом этих бесед стала уверенность Капусты в двойной игре Логинова. «Я был уверен в его

нечестности и неискренности, - позднее вспоминал Капуста. - Он находился не на нашей стороне и всегда сохранял лояльность КГБ. Буквально все, что он рассказывал, вызывало у меня сомнения».

В июне 1966 года Логинов вернулся в Йоханнесбург, а Капуста - в Вашингтон, где доложил о своих подозрениях начальнику советского отдела Дэвиду Мэрфи и директору ЦРУ Энглтоу. И после этого руководство ЦРУ приняло из ряда вон выходящее решение. Энглтон, Мэрфи и начальник оперативного управления ЦРУ Фитцджеральд, уверенные, что Логинов - подстава КГБ, решили «заложить» его контрразведке ЮАР.

В июле 1967 года сотрудники БОСС (полиция безопасности ЮАР) ворвались в квартиру Логинова на Смит-стрит и арестовали его. Он был отправлен в тюрьму, где его подвергали интенсивным допросам. А 9 сентября 1967 года объявили, что Логинов признался в шпионаже против ЮАР и еще 23 стран. Шеф полиции БОСС генерал-майор Хендрик Дж. Ван дер Берг огласил длинный список советских дипломатов в других странах, которых Логинов якобы опознал как сотрудников КГБ. Фактически же имена офицеров КГБ передали БОСС американцы. Они были выбраны из досье ЦРУ и поступили совсем не от Логинова. Выдача имен, по словам одного из сотрудников ЦРУ, преследовала одну цель - как можно больше очернить Логинова в глазах КГБ. В тюрьме ЮАР Логинова допросил также и Эванс, выступавший под видом представителя БОСС. Однако, несмотря на все старания, ему не удалось добиться от Логинова признания в том, что он агент-двойник. А поскольку все доказательства были предоставлены ЦРУ и не могли быть использованы в суде, то перед Энглтоном возникла проблема - что делать с Логиновым дальше.

И тогда ЦРУ предложили обменять его на кого-нибудь из арестованных в СССР. Власти ЮАР согласились.

В июле 1969 года Логинова доставили во Франкфурт-на-Майне и передали представителям БНД. Позднее один из сотрудников ЦРУ вспоминал: «Когда Логинов прибыл в Германию и понял весь ужас своего положения, он испугался до смерти и всеми силами сопротивлялся отправке назад. На границе произошла довольно печальная история. Его буквально вытолкнули прямо в руки КГБ, который увез его». После выдачи Логинова в ЦРУ тешили себя надеждой, что не совершили роковой ошибки, выдав КГБ настоящего агента. Но уже вскоре от одного из перебежчиков в Лэнгли поступила информация, что Логинов был расстрелян. В 1977 году, через три года после отставки Энглтона, в ЦРУ провели расследование, в результате которого было установлено, что Логинов был настоящим перебежчиком. Шок от этого был таким, что об этом деле долгое время старались не вспоминать.

Однако на самом деле «Густо» не расстреляли, хотя большинство руководителей ПГУ выступали за то, чтобы предать его суду за нарушение воинской присяги и выдачу секретных сведений. Но когда военная прокуратура изучила дело Логинова, неожиданно выяснилось, что он присяги не принимал. В результате прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела, после чего Логинов был уволен из КГБ и отправлен в Горький, где стал работать в одной из школ учителем английского языка⁷².

Обмен одного разведчика на 21 агента

В 1969 году одного советского агента обменяли на 21 агента американской и западногерманской разведок. В истории «холодной войны» это был самый «дорогой» обмен. Хотя ничего удивительного в этом не было. Хайнц Фельфе работал в разведывательном ведомстве ФРГ и, в соответствии с докладом ЦРУ, передал советской разведке более чем 15 тыс. документов и выдал 100 агентов ЦРУ. Через него проходили предназначенные для канцлера доклады БНД по перевооружению, внешней политике и вопросам НАТО. В 1955 году во время визита канцлера ФРГ Конрада Аденауэра советская сторона получила от Фельфе цель визита и тактику переговоров дипломатов Германии. Единственным условием разведчика к советской стороне было то, что ни один агент, о котором КГБ узнает с помощью Фельфе, не должен быть арестован. Благодаря Хайнцу Фельфе советская разведка не имела ни единого провала в ФРГ.

Биография героя «тайной войны»

Хайнц Фельфе родился 18 марта 1918 года в Дрездене в семье сотрудника германской полиции.

Был призван в армию, принял участие в боевых действиях на территории Польши, но в середине сентября 1939 года попал в госпиталь с воспалением легких. После тяжелой болезни был демобилизован по состоянию здоровья.

Получив среднее образование в 1941 году и успешно выдержав отборочный экзамен, был зачислен в штат охранной полиции в системе Главного управления

имперской безопасности (РСХА). Затем его откомандировали на учебу на юридический факультет Берлинского университета. Кроме лекций на факультете, он посещал еще курсы по подготовке комиссаров уголовной полиции. После их завершения, не окончив университетского курса, был направлен на работу в уголовную полицию родного Дрездена, а затем - пограничного городка Гляйвице.

В августе 1943 года Фельфе был переведен в VI управление Главного управления имперской безопасности (внешняя разведка). Спустя некоторое время он стал руководителем отдела по Швейцарии.

В конце войны его в звании гауптштурмфюрера СС направили в Нидерланды для организации заброски диверсионных групп в тыл американо-английских войск. Правда, выполнить данное задание Фельфе не успел, поскольку в мае 1945 года попал в плен к англичанам. Из плена был освобожден в октябре 1946 года.

Затем он недолгое время работал служащим на британскую секретную службу МИ-6 в Мюнстере (сообщил о коммунистической деятельности Кёльнского университета), однако вскоре сотрудничество было прекращено, так как его подозревали в том что он работает как двойной агент.

После работы в МИ-6 Фельфе поступил в Боннский университет и продолжил обучаться на факультете государства и права. Затем Фельфе работал журналистом, объездил всю Германию, часто посещая советскую зону оккупации, где проживала его мать.

Тогда же он стал периодически встречаться с бывшим сослуживцем по VI управлению РСХА гауптштурмфюрером Гансом Клеменсом, еще не зная, что последнего еще в 1949 году завербовал сотрудник дрезденского оперативного сектора аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии Иван Сумин. От «Хане» (оперативный псевдоним Клеменса) были

получены сведения о деятельности германских спецслужб в годы войны, а также установочные данные на их сотрудников. Среди прочих Клеменс упомянул и Фельфе, которого охарактеризовал как способного, порядочного и весьма честолюбивого человека.

Тогда же «Хане» получил задание внедриться, вступить в «Организацию Гелена». Данная структура начала формироваться еще в 1946 году под неусыпным контролем США. А ее активная деятельность против советских оккупационных войск в Германии и Австрии, а также подрывная работа против ГДР заставляла советскую разведку предпринимать серьезные контрмеры. В 1950 году «Хане» был зачислен в штат «Организации Гелена».

Тем временем сотрудники разведотдела аппарата уполномоченного МГБ в Германии, проанализировав данные о бывших сотрудниках СД, полученные от Клеменса, пришли к выводу, что Фельфе является перспективным кандидатом на вербовку.

Выйти на Фельфе было решено через Клеменса, который на правах старого знакомого мог говорить с ним достаточно откровенно.

В конце лета 1950 года они встретились за ужином в ресторане. В ходе беседы Клеменсу удалось убедить Фельфе в том, что русские не только лучше относятся к немцам, нежели американцы и англичане, но, в отличие от них, до образования в 1949 году ФРГ неоднократно выступали за объединение Германии. Аргументы Клеменса показались Фельфе убедительными, и он согласился встретиться с представителем советской разведки. Эта встреча состоялась через месяц, но согласие работать на Москву Фельфе дал только 11 августа 1951 года.

Учитывая прошлое Фельфе, Сумин рекомендовал ему поступить на службу в «Организацию Гелена». Однако первые две попытки попасть на работу в ОГ не

увенчались успехом. И только осенью 1951 года с помощью Клеменса и своего знакомого Вилли Кирхбаума, служившего в годы войны в тайной полевой полиции (ГФП), он получил предложение перейти на службу в Пуллах.

Его зачислили в генеральное представительство «L» «Организации Гелена» в Карлсруэ. Оно действовало под вывеской торговой фирмы, шефом которой был бывший сотрудник абвера Бенцингер. Работа началась с изучения архивных дел и поиска кандидатур для вербовки. Здесь Фельфе столкнулся с тем, что геленовская разведка работала не только против Востока. Как он сообщал в Центр, в 1951 и 1952 годах генеральное представительство интенсивно работало над приобретением агентуры в ключевых экономических и политических сферах ФРГ и Западного Берлина. Заводились досье на ведущих политиков не только правящих партий, но и оппозиционных.

Работа Фельфе в «Организации Гелена» и одновременное сотрудничество с советской разведкой требовали предельной осторожности и безоговорочного выполнения всех требований конспирации. На каждую встречу с советским разведчиком Фельфе или Клеменс, который тоже стал работать в организации Гелена, привозили по 10-12 отснятых фотопленок и пару магнитофонных катушек. Спустя год с разрешения Москвы Фельфе начал использовать в качестве связника еще одного своего коллегу Эрвина Тибеля. Таким образом, постепенно сложилась агентурная группа, где лидером являлся Хайнц Фельфе – интеллеktуал и отличный организатор.

Вскоре Москва поставила очередную задачу перед Фельфе – перевестись в центральный аппарат «Организации Гелена», расположенный в небольшом городке Пуллах, под Мюнхеном. В июле 1955 года канцлер Аденауэр принял решение о реорганизации

разведывательной службы государства. Он хотел создать самостоятельную разведывательную службу, вне контроля ЦРУ.

В 1958 году, два года спустя после переименования «Организации Гелена» в Федеральную разведывательную службу (БНД), Фельфе возглавил реферат «Советский Союз» в отделе 111-Ф (контршпионаж) и одновременно стал правительственным советником. Коллеги из реферата «ГДР» завидовали Фельфе, так как его дела шли лучше, чем у них. Вскоре он купил дом в Баварии, и многие сослуживцы стали задаваться вопросом, откуда такие средства. За Фельфе уже было установлено наблюдение.

В соответствии с докладом ЦРУ, Фельфе передал советской разведке более чем 15 тысяч документов и выдал 100 агентов ЦРУ. Через него проходили предназначенные для канцлера доклады БНД по перевооружению, внешней политике и вопросам НАТО. В 1955 году во время визита канцлера Конрада Аденауэра советская сторона получила от Фельфе цель визита и тактику переговоров дипломатов Германии. Единственным условием разведчика к советской стороне было то, что ни один агент, о котором КГБ узнает с помощью Фельфе, не должен быть арестован.

С 1956 года с ним регулярно встречался сотрудник советской резидентуры в Германии Виталий Коротков. Много лет спустя он рассказал:

«Тогда я работал в берлинском представительстве КГБ. Мне поручили принять на связь ценного источника «Курта». Первая встреча с Фельфе состоялась на конспиративной квартире. В комнату вошел высокий худощавый человек. Держался он скромно, но с достоинством. Не тратя времени на пустые разговоры, перешел к делу. Хайнц говорил, взвешивая каждое слово, стараясь довести до собеседника самое важное.

Мне приходилось тщательно готовиться к каждой встрече, подыскивать подходящие места. По роду своей службы он приезжал в Западный Берлин для консультаций с американцами, а после бесед с ними тайно виделся со мной. Случались и казусы. Так, однажды наша встреча была замаскирована под безобидный пикник на природе. Хайнц, как обычно, передал мне ценные сведения. Вдруг мы заметили, что к нам приближается человек в форме. Обоих обожгла мысль: «Неужели это провал? Что делать?». Пришлось напрячь всю волю, чтобы подавить волнение и не выдать себя. А человек в форме оказался обычным лесником».

Благодаря Хайнцу Фельфе советская разведка не имела ни единого провала в ФРГ. Рейнхарда Гелена эти провалы контрразведки навели на мысль, что утечка исходит из его службы. Позже он в своей книге напишет:

«Под моим личным руководством небольшая группа надёжных и избранных сотрудников продолжила перепроверку, пока через несколько месяцев кропотливой работы, похожей на складывание мозаики, подозрительные моменты не превратились в общую картину».

В октябре 1961 года Фельфе попросил у руководства БНД отпуск. Он надеялся, что, отдохнув от двойных нагрузок, поработав в саду своего загородного домика, он сможет обрести душевный покой и бодрость духа. Но уже через несколько дней после отъезда в свой дом, находившийся на границе с Тиролем, Хайнц Фельфе получил приказ срочно выехать в Пуллах. Ему надо было явиться к уполномоченному Гелена генералу Лангкау для доклада по одной операции.

6 ноября 1961 года Фельфе прибыл для доклада. После окончания беседы с Лангкау в кабинет вошли чиновники криминальной полиции, которые объявили

Фельфе, что он арестован. Одновременно были взяты под стражу и другие члены его разведывательной группы.

В период с 1951 по 1961 год Фельфе и его соратники-агенты передали советской разведке около 300 микроплёнок, содержащих свыше 15 тыс. фотокопий секретных документов, 20 магнитофонных записей, в том числе - секретные отчеты БНД, ежемесячные отчеты контрразведки и сообщения Федерального ведомства по охране конституции об операциях против агентов восточноевропейских стран, ключи к кодам, данные о тайниках и маршрутах курьеров БНД. Фельфе выдал советской разведке имена 94 западногерманских агентов. Гонорар его составили 150 тыс. марок ФРГ.

Фельфе отказался сотрудничать со следствием, и в 1963 году был приговорен к 14 годам лишения свободы. 8 из них он провел в тюрьме в Баварии. Ему предлагали написать книгу о том, как он работал на русских, сулили миллион долларов в качестве гонорара. Но Фельфе не согласился.

17 февраля 1969 года Фельфе удалось обменять на 18 агентов западногерманской и 3 агентов американской разведок. Сама процедура обмена, как вспоминает Виталий Коротков, прошла буднично: «Обмен состоялся на пограничном переходе Херлесхаузен между ГДР и ФРГ. С восточной стороны к КПП подъехал автобус с западными шпионами. С западной - легковушка с одним-единственным человеком, которому не было цены».

До 1978 года Фельфе жил в Москве, а затем переехал в Берлин, где занял пост профессора криминалистики в Университете им. Гумбольдта в Берлине.

Умер он 8 мая 2008 года в Берлине⁷³.

Приложение 1. Воспоминания Фельфе о нахождение в тюрьме

Меня отправили в тюрьму в Штраубинге в Нижней Баварии, где мне предстояло провести без малого шесть лет. Там меня сразу же доставили в так называемую «комнату для рапорта», где начальник тюрьмы Вагнер, который, очевидно, уже получил указания, как обращаться со мной, без всяких разговоров заорал, что он со мной расправится, он мне шею свернет, положит на лед, пока я не почернею, и т. п. В ответ на мои жалобы по поводу его обращения врач и тюремный священник сказали, что не следует воспринимать это так трагически, потому что Вагнер неизлечимо болен – у него рак желудка. Однако меня мало утешил тот факт, что он и по отношению к своим чиновникам был груб и злобен, так как его подчиненные придерживались манер своего шефа и затрудняли мою жизнь всюду, где только могли. Когда Вагнер умер, я поначалу вздохнул свободно. Однако моя жизнь стала не намного легче, так как федеральная прокуратура и БНД, очевидно, неослабно «заботились» обо мне. Мне стало известно, что уполномоченные БНД неоднократно посещали руководство тюрьмы, и я не мог избавиться от подозрения, что предпринимались попытки найти и подставить мне провокатора из числа заключенных.

Направленный против меня террор был по характеру психологическим, но от этого он не становился менее болезненным. Например, меня лишали возможности переписываться с членами моей семьи, задерживали письма от матери, отказывали в допустимых облегчениях режима, которые предоставлялись другим заключенным, зачастую злостным уголовникам. Впрочем, некоторые служители тюрьмы мне помогали или снабжали меня

информацией, когда уполномоченные БНД посещали руководство тюрьмы или когда обо мне шла речь на совещаниях тюремных чиновников.

Медицинское обслуживание в рамках возможного было достаточно хорошим. Врачи, особенно невропатолог д-р Шильдмайер, и медсестры не давали мне никаких оснований для жалоб – даже наоборот. В отличие от других служащих тюрьмы, повышавших от себя еще на одну ступень строгость полученного свыше указания, они не создавали трудностей для политического заключенного.

Готовность помочь мне всегда проявлял и тюремный священник, советник по делам церкви Меркт. Он потерял ногу под Сталинградом и хорошо помнил ужасы войны, так что пища для разговоров у нас было достаточно.

Несколько лет тому назад он был духовным наставником бывшего полковника Петерсхагена⁷⁴, известного под прозвищем Спаситель Грейфсвальда, так как он в свое время сдал этот город без боя. Петерсхаген был также заключенным тюрьмы в Штраубинге. Во время одной из поездок в Мюнхен он попал в сети баварской юстиции, когда намеревался организовать в мюнхенских политических кругах акцию в защиту мира.

В своей книге Петерсхаген назвал священника Меркта сторонником мира, и в этой связи Меркт, как он мне признался, имел трудности по службе. Сейчас мои записки ему уже не повредят, он скончался 17 ноября 1974 года, окруженный всеобщим уважением и любовью за свою человечность, которую он сохранил в бесчеловечных условиях. Эти условия жизни в тюрьме, названные мною бесчеловечными, я хочу показать на некоторых примерах.

Трудно описать жизнь в тюрьме до приговора, когда давят мысли о предстоящем процессе, а также о моральных и материальных последствиях для членов семьи. В это время человек с психологической точки зрения живет в экстремальных условиях. Однако и период после приговора также едва ли поддается описанию, поскольку трудно передать всю монотонность жизни, психологический террор против политического заключенного и вообще все детали его положения.

В этом плане мне пришлось испытать почти все. Впрочем, существуют различия в статусе подсудственного и осужденного заключенного. На эту тему в последние годы активно дискутировала и писала западногерманская общественность. При этом я часто думал, почему позволяют говорить только тем, кто находится с передней стороны решетки, почему слушают в основном только их. Тех, кого это непосредственно касается, почти или совсем не допускают к участию в подобных дискуссиях.

Подсудственный заключенный находится в лучших условиях в отношении письменной связи с внешним миром, чем осужденный, который имеет возможность вести переписку только с утвержденными тюремным начальством лицами и получать только одно маленькое письмецо в две недели. Подсудственному заключенному разрешается, если у него есть деньги, питаться за свой счет «светской» пищей, как это делал, например, издатель журнала «Шпигель» Аугштайн⁷⁵, когда он в связи с аферой вокруг этого журнала сидел в небольшой тюрьме в Карлсруэ через несколько камер от моей. Охранники не испытывали восторга от того, что им приходилось утром, в полдень и вечером приносить ему еду из близлежащего ресторана и сервировать ее на подносе.

Когда тебя вдруг запирают в помещении размером 2х4 метра и ты оказываешься в полной изоляции от внешнего мира, лишенным свободы передвижения, которое заменяют 30 минут прогулки по кругу в тюремном дворе, то чувствуешь себя ошеломленным от не поддающейся пониманию нереальности этих условий.

Мне теперь ясно, что при проведении в будущем реформ просто нельзя согласиться с тем, чтобы заключенные, вопреки зафиксированным на бумаге правам, оказывались практически бесправными и беспомощными перед произволом неквалифицированных людей. Попытался ли кто-нибудь когда-нибудь выяснить, сколько было подано заключенными жалоб и сколько из них было отклонено судами или органами надзора? Я думаю, что скандалы в гамбургской и маннгеймской тюрьмах, где нашли свою смерть многие заключенные, дают ответ на этот вопрос. Но это только верхушка айсберга. Недаром представителями юстиции предпринимались такие усилия, по крайней мере на первом этапе, чтобы замять это дело.

Еще один пример. Мне не разрешили подписаться на иллюстрированный географический журнал. Когда я подал в верховный земельный суд жалобу, сославшись на мое право свободно получать информацию, гарантированное каждому немцу в статье 5 конституции, она была отклонена, хотя в то время не было никакого закона, который лишал бы заключенных этой одной из основных свобод. Вот так обстояли дела.

За мою жалобу на отказ в выписке газеты на мой счет были отнесены расходы по ее рассмотрению. Я не протестовал против этого. Но произвол тюремных властей выразился в том, что я должен был покрывать эти расходы не за счет своих личных средств, а за счет так называемых «домашних денег». Следует пояснить,

что работавшие заключенные получали ежедневно 50 пфеннигов, то есть примерно 12-13 марок в месяц. За перевыполнение норм и тому подобное выплачивалась премия в размере одной марки. Половина этого «заработка» откладывалась для выплаты после освобождения, другую половину составляли «домашние деньги». Только за счет этих денег можно было оплачивать канцелярские и почтовые расходы и делать различные покупки (на сумму не больше 10 марок в месяц). Тот, у кого было мало «домашних денег», не мог себе многого и позволить, например, купить табаку или продовольствия. Тот, кто часто писал заявления или жалобы, имел меньше денег для таких покупок. Тот же, кто, как и я, должен был выплачивать судебные издержки за счет «домашних денег», был лишен возможности вообще что-либо покупать.

Кому сегодня известно, что заключенные, как рабы, использовались юстицией, вернее, ее служителями в качестве дешевой рабочей силы. В тюремных типографиях, переплетных, столярных и слесарных мастерских, прачечных, ткацких цехах, на сельскохозяйственных и цветоводческих предприятиях по низким тарифам выполнялись частные заказы сотрудников органов юстиции. Это, конечно, не содействовало укреплению у заключенных уважения к законам. Было известно, что для оценки стоимости работы, выполняемой заключенными, существовали три тарифа: по высшему тарифу платили учреждения, которые заказывали, например, мебель, ковры или отдавали в переплет книги; по среднему тарифу платили сами заключенные, если они хотели, например, переплести собственную книгу; по самому низкому тарифу платили служители тюрьмы, которые могли заказывать обстановку для квартиры, ковры, корзиночные изделия, сдавать в переплет книги и т. д. Так, один учитель, работавший в тюрьме, заказал себе

стенной ковер размером примерно 100X30 см, рисунок которого был взят с почтовой открытки. Заключение, старательный работник, должен был скопировать по этой открытке рисунок для ковра, что было сложной и продолжительной работой. Затем он ткал ковер в течение более чем четверти года, по пять дней в неделю, по восемь часов в день.

Когда же писарь мастерской составил расчеты затрат рабочего времени и материалов - ведь больше ничто не учитывалось, - он был вынужден трижды переделывать свои счета по указанию начальника мастерской, так как нельзя же было показывать истинную цену. Когда все же получилась сумма в 125 марок, писарю сказали: «Более 95 марок эта вещь не должна стоить. Сами подумайте, как это можно сделать, ведь вы же сидите за мошенничество. Вам виднее, как этого добиться». Вот уж действительно хороший вклад в усилия, направленные на возвращение заключенных к нормальной жизни. За минувшее время кое-что в этой системе изменилось. Но самое хорошее служебное распоряжение никуда не годится, если его выполняют плохие люди.

В субботу, 18 января 1969 года, мне в тюрьме был нанесен визит. Я находился в переплетной мастерской, где в свободное время занимался на курсах переплетного дела. Около девяти часов туда позвонили и сообщили, что ко мне явился посетитель. Сразу же после этого за мной пришел чиновник... На мой вопрос, кто ко мне прибыл, он ничего не мог ответить и только сказал, что должен отвести меня в административное здание. В коридоре первого этажа административного здания нас ждал дежурный чиновник администрации, который тоже не мог сказать, кто желает меня видеть. Когда я вошел в «комнату для рапорта», чиновники остались за дверью, так что я оказался наедине с посетителем. Он встал со стула, сделал несколько

шагов мне навстречу и приветствовал меня следующими словами: «Добрый день, господин Фельфе, я принес известие, которое может изменить вашу судьбу. Пожалуйста, садитесь».

Сначала мне подумалось, что посетителем является, возможно, какой-нибудь адвокат. Однако эта мысль исчезла сразу же после того, как он заявил, что передо мной открывается возможность вернуть честь, уважение, материальную независимость и обеспечить себе старость. Он сообщил, что явился по поручению «сильной и влиятельной группы», чтобы сделать мне предложение, которое позволит выполнить все мои желания и чаяния и вернет мне независимость и самостоятельность. Он уполномочен предложить мне написать мемуары обо всем периоде, то есть о 25 годах моей разведывательной деятельности, если я соглашусь после освобождения не оставаться в Федеративной республике и не уезжать в одну из стран «восточного блока», а переселиться в какую-нибудь нейтральную страну. Единственное условие состоит в том, что я должен жить в нейтральной стране, где меня в любое время могли бы посещать члены моей семьи. Я могу также посещать их в ФРГ, но только не оставаться там на жительство. Кроме того, я не должен ездить в любую страну «восточного блока».

По-видимому, продолжал он, при этом невозможно избежать того, что представители Советского Союза установят со мной контакт, но главное, чтобы я никогда не ездил в страны «восточного блока». Мне предлагают гонорар в размере полумиллиона марок, которые будут положены на мой счет в любом банке по моему выбору в какой-либо нейтральной стране и которыми я смогу свободно располагать, как только представлю рукопись мемуаров. Я сам могу определить, сколько времени мне на это потребуется. До получения этих денег в мое распоряжение я могу с пользой вложить их в дело,

например в ценные бумаги или недвижимость. Лишь мое право собственности на указанную сумму будет отложено до сдачи рукописи, но проценты с этой суммы я могу получать ежегодно.

Когда я прервал посетителя и спросил, кто он такой и по чьему поручению прибыл, он заявил, что я могу быть уверенным в наличии согласия компетентных властей на этот разговор, в противном случае он не смог бы со мной встретиться с глазу на глаз. Тех, кто поручил ему это дело, он пока еще назвать не может. Их имена я узнаю позже, когда он - при условии согласия и готовности с моей стороны - вновь посетит меня на следующей неделе, чтобы подписать со мной договор. Мне следует учесть, что предлагаемый мне гонорар достаточен для того, чтобы при обычных 6 процентах годовых на вложенный капитал обеспечить мою старость на более высоком уровне, чем чиновничья пенсия, которую я смог бы заработать обычным путем.

Затем он перешел на полемический тон и заявил примерно следующее: «Что вам делать на Востоке? Вы туда не вписываетесь, жизнь на Востоке не годится для вас. Вы, может быть, столкнетесь со многими трудностями, мы ведь знаем, что вы не будете скрывать свои мысли, а станете говорить то, что думаете. Вы ведь и Гелену, и другим своим начальникам всегда высказывали свою точку зрения, даже в тех случаях, когда ваши начальники придерживались иного мнения. В Советском Союзе вам этого не удалось бы сделать, а теперь, когда вы будете полностью зависеть от них, тем более».

Я ответил, что никогда не боялся открыто высказывать собственное мнение, и нет оснований полагать, что я стал другим, так как применявшийся против меня в заключении террор отнюдь не способствовал тому, чтобы я изменился, напротив, в таком случае меня должны были бы окончательно

сломить или убить. А вообще я считаю, сказал я, что в Советском Союзе больше ценят людей, которые свободно высказывают свое мнение, а не подхалимничают, не становятся лизоблюдами с готовым «да» на все случаи. Это соответствует моему собственному опыту, и бывший посол ФРГ в СССР Кролль подтверждает мое убеждение, его мемуары стоят того, чтобы их прочесть. Тогда посетитель изменил тон и тему беседы. Он спросил, как я представляю себе свою профессиональную деятельность, если я уеду в ГДР или Советский Союз.

Я не без иронии ответил: «Будет не так уж трудно найти занятие для меня, так как по единодушному приговору суда и оценке БНД я принадлежу к высшей категории интеллигенции».

Я нисколько не сомневался, что мне удастся найти работу в каком-нибудь издательстве, в крупной научной библиотеке или в архиве. Я вполне мог бы работать и в народном хозяйстве. Ясно, что о работе в области разведки не может быть и речи. В лучшем случае меня могут использовать в качестве советника по тем или иным проблемам, касающимся ФРГ. Большого в этом плане едва ли можно ожидать, так как семилетний перерыв слишком велик. Кроме того, в Советском Союзе также признается неписанный закон разведки, согласно которому раскрытый разведчик не может более заниматься этой деятельностью. Особенно в том случае, если он побывал в руках противника, а семилетний срок – это самый большой срок заключения, выпавший на долю кого-либо из агентов, осужденных в Федеративной республике со дня ее основания. Я ведь являюсь самым «старым по выслуге лет» среди политических заключенных. Таким образом, мое использование в разведке полностью исключено, хотя я и сам ни при каких обстоятельствах не соглашусь на это. Я уже достиг того возраста, в котором человек

нуждается в покое и гарантированном существовании, к тому же семь с половиной лет заключения не прошли для меня бесследно. Посетитель ответил на это: «Да, да, более семи лет – это вполне достаточная благодарность со стороны ваших друзей, и большего вы не получите, если поедете туда».

На мой вопрос о том, каким образом мыслится осуществить сделанное мне предложение, ведь я лишен каких-либо документов или записей, мне было сказано, что мне, конечно, помогут получить доступ ко всем необходимым документам и архивам, в том числе к материалам процесса, а также к моим показаниям во время пребывания в плену, ко всем собраниям документов современной истории, включая американский «Центр документации», газетным архивам и т. д.

Я заявил посетителю, который все еще оставался для меня загадкой, что я нахожу его предложение очень интересным, особенно условие о моем проживании в нейтральной стране, так как всегда мечтал купить старый крестьянский дом где-нибудь в Австрии и сделать его оплотом своего существования. Но чего ожидают от моих мемуаров? Может быть, того, что я с шумом захлопну за собой дверь и позволю своим заказчикам дать броский заголовок в газеты: «Советский шпион высшего класса порывает с Москвой», или, может быть, мое освобождение ставят в зависимость от моего согласия на это предложение, или имеется намерение использовать мое прежнее ремесло? В таком случае я вынужден его разочаровать. Я никогда не допущу, чтобы меня использовали для организации скандальной сенсации, и не имею ни малейшего намерения в какой-либо форме и где-либо заниматься разведывательной деятельностью. Если я когда-нибудь, возможно, и напишу обо всем пережитом с целью опубликования, неважно, для тех, кто его

прислал, или для других, то все равно я не намерен допустить, чтобы кто-то злоупотреблял моим именем. Лучше я откажусь от немедленного освобождения, так как я уже преодолел «мертвую точку», и потом, когда-нибудь меня все же должны будут выпустить? Самое позднее, через два года я отбуду две трети своего срока, и будет трудно отказать мне в условном освобождении в соответствии с параграфом 26 уголовного кодекса. Кроме того, для принятия такого решения уже не будет надобности обращаться в политическую инстанцию, решать будет только суд, который не подчиняется никаким указаниям и принимает решения исключительно на основе закона. И тогда нельзя будет утверждать, что я все еще представляю собой опасность или могу стать рецидивистом, а только это и может быть причиной отказа в условном освобождении. Следовательно, меня уже ничто не может испугать. Возможно, дело обернулось бы иначе, если бы ко мне пришли с подобным предложением вскоре после вынесения приговора. В то время положение моего посетителя было бы более благоприятным. Теперь же меня нельзя напугать.

Нет, нет, возразил мой посетитель, на меня ни в коем случае не хотят оказывать давление и совсем не хотят, чтобы я хлопнул дверью, мне желают добра. Действительно, более глупых аргументов он просто не мог найти. Наконец он великодушно заявил, что мне могут помочь изменить фамилию.

Я, не задумываясь, ответил, что это самое лучшее предложение в ходе всей беседы, так как если бы меня звали Мюллер или Леман, то тогда мне все стало бы безразлично. Но я заинтересован в том, чтобы и с моей редкой фамилией я мог спокойно жить после освобождения.

После его нескольких пустых фраз (вроде того, что он рад моей откровенности, тем самым я облегчил его задачу и т. п.) я ему заявил, что пока он еще не получил от меня никаких обещаний, за исключением моей готовности выслушать подробности его предложения. Ведь сегодня он сделал предложение только лишь в общей форме. Он ответил, что приедет на следующей неделе, то есть через несколько дней, чтобы обсудить со мной проект договора, который я должен буду подписать. Тогда я и узнаю, какое издательство обращается ко мне с этим предложением, а сегодня он больше не может ничего сказать.

От ответа на мой повторный вопрос, как я должен его называть, он уклонился. Я сразу же сказал, что в разведке фамилии – пустой звук, ведь всем ясно, что названные фамилии не имеют никакого значения, но что приятнее обращаться к человеку, называя его по имени, даже если это имя фальшивое. На это посетитель ответил: «Называйте меня Байер». В пылу беседы он, несомненно, в тот момент не заметил, что тем самым признал свою принадлежность к разведке.

К концу беседы Байер заявил, что по его распоряжению меня изолируют до подписания договора, то есть до окончания бесед с ним, чтобы я ни с кем не разговаривал. Само собой разумеется, я должен хранить по поводу его предложения полное молчание. В противном случае оно будет взято назад, и на этом все кончится.

Я решительно запротестовал против грозившего мне вновь одиночного заключения, заявив, что оно скорее привлечет внимание ко мне. Впрочем, я готов на несколько дней лечь в лазарет, там я тоже буду один, и это никому не бросится в глаза. Байер сказал, что он не желает ничего менять, но это только на несколько дней, а потом он привезет мне что-нибудь для чтения, газеты и т. п.

Сразу же после беседы с Байером меня поместили в одиночную камеру, что означало полную изоляцию, даже прогулки в одиночку. На следующий день, в воскресенье, 19 января 1969 года, меня доставили в середине дня к директору тюрьмы Штэрку. Он лишь сообщил мне, что после беседы с господином д-ром Байером распорядился перевести меня в одиночное заключение по желанию федеральной прокуратуры. Если я хочу присутствовать на концерте, который состоится сегодня, в воскресенье, в церкви, то меня должны посадить отдельно от всех и особо строго охранять. Конечно, я отказался от концерта. Штэрк еще заметил, что д-р Байер в среду или в четверг, наверное, приедет снова.

Я предложил директору, чтобы меня не оставляли в крыле здания, предназначенном для одиночного заключения, а поместили лучше в госпиталь. Амбулаторное лечение моей болезни (ишиаса) можно было бы продолжать в стационаре, так как мое одиночное заключение вызывает ненужное внимание. Штэрк сразу же согласился с моим предложением и сказал, что он распорядится, чтобы на следующий день меня перевели в лазарет.

Когда я из административного здания вернулся в здание тюрьмы, меня вызвали на центральный пост, где дежурный чиновник передал мне сообщение директора о том, что он уже связался по телефону с главным врачом и на следующий день я должен в обычном порядке записаться к врачу. После этого меня поместили в госпиталь. Там я и ждал посещения д-ра Байера. В четверг, 23 января, Штэрк передал мне: «Господин, который вас недавно навещал, приедет завтра, в пятницу».

Но на следующий день ничего не произошло. Более того, в субботу, 25 января, то есть ровно через неделю после беседы с д-ром Байером, заместитель директора

тюрьмы позвонил дежурному санитару и сообщил, что распоряжение о моей изоляции немедленно отменяется.

В понедельник, 27 января, меня перевели назад в тюремное здание, и я пошел на работу. Во второй половине дня директор тюрьмы Штэрк во время своего обычного обхода мастерских зашел и в переплетную мастерскую, где находилось мое рабочее место. Он спросил, как я перенес изоляцию. Я ответил, что вообще ничего не понимаю, так как одиночное заключение было совершенно излишним. Штэрк довольно убедительно пояснил, что и он ничего не знает ни о моей беседе с д-ром Байером, ни о том, почему он не приехал во второй раз. Ему лишь по телефону дали соответствующее указание, кто, он не сказал, но это могла быть только федеральная прокуратура, которая распорядилась и насчет моей изоляции. Он не может мне что-либо объяснить, так как сам ничего не знает. Если ему что-нибудь станет известно, то он мне сообщит.

В одиночном заключении у меня было достаточно времени, чтобы подумать о д-ре Байере. Ясно, что его визит разрешен федеральной прокуратурой, в ведении которой я находился. От нее же исходило согласие на разговор с глазу на глаз и на полную изоляцию после него. Ясно было также, что здесь не обошлось без участия БНД. Но кто же стоял за д-ром Байером? Еще в декабре 1968 года я понял из намеков моего адвоката, что в феврале 1969 года мог рассчитывать на помилование и освобождение из тюрьмы. Очевидно, было решено до этого предпринять еще одну попытку добиться от меня разрыва с Советским Союзом, чтобы потом использовать это на всю катушку в пропагандистском плане.

Итак, д-р Байер получил доступ ко мне через БНД. Но я не мог себе представить, чтобы эта служба

выложила полмиллиона за несколько броских заголовков в газетах и даже за мой обет молчания, так как, без всяких сомнений, предложенным мне путем мои мемуары никогда не увидели бы свет. Взвесив все, я пришел к выводу, что за д-ром Байером стояли мои бывшие коллеги из ЦРУ. Очевидно, они хотели продолжить разговор, состоявшийся после допросов во время следствия. Этот вывод подтвердили попытки американцев получить информацию обо мне и установить со мной контакт после моего освобождения.

Только в четверг, 13 февраля, я снова увидел Штэрка, когда он зашел в переплетную мастерскую. Он спросил меня, как я себя чувствую. На мой вопрос, что слышно о д-ре Байере, ответил, слегка улыбаясь: «Я отказываюсь от показаний по этому вопросу», – и ушел.

Вечером в тот же день, сразу после окончания работы, меня отвели к Штэрку. Все это было настолько необычным, что у меня возникла уверенность в предстоящих решающих событиях.

Когда я вошел в его кабинет, он приветствовал меня, протянув руку, и сказал: «Сердечно поздравляю вас, и, пожалуйста, садитесь». Он сообщил, что мне нужно немедленно переодеться для отъезда. На следующее утро меня доставят к границе. По поручению ответственного сотрудника федерального министерства юстиции он должен передать мне, что вечером следующего дня я буду свободен, если, добавил он, «ваши друзья сдержат свое слово». Впрочем, он еще утром, когда я с ним разговаривал, знал о моем предстоящем освобождении. О д-ре Байере мы во время нашего разговора больше не вспоминали. Штэрк, несомненно, не знал о нем ничего существенного.

В пятницу, 14 февраля 1969 года, два чиновника охранной группы федерального уголовного ведомства вывезли меня из тюрьмы и доставили к границе. Оба

чиновника были мне незнакомы и не называли своих имен. Держались они очень вежливо. Мне передали привет и наилучшие пожелания от сотрудника ведомства Вебера, который допрашивал меня.

Ровно в 18 часов 50 минут мы прибыли на пограничный контрольный пункт Херлесхаузен. После некоторого ожидания в соседнем помещении появился господин, который объявил мне решение о помиловании: «В соответствии с решением федерального президента о помиловании вы с настоящего момента освобождаетесь из заключения с условным сроком пять лет. Вы знаете, что в течение этого срока вы не должны совершать уголовно наказуемых преступлений, так как в противном случае вам придется отбывать остаток срока, на который вы были осуждены. Вам как гражданину ФРГ предоставляется право свободно выбирать место своего пребывания и место жительства. В случае вашего выезда за границу ничто не мешает вам опять приехать в ФРГ или поселиться здесь. До свидания».

После краткого приветствия со стороны моего адвоката Фогеля и адвоката Штанге, представлявшего федеральное правительство, я, уже свободным, пересек государственную границу.

Незадолго до этого границу в обратном направлении пересек автобус, в котором находился 21 человек, все агенты западных секретных служб. 18 из них были арестованы и осуждены в ГДР, трое студентов из ФРГ были накануне доставлены специальным самолетом из Москвы, где они были осуждены за шпионаж в пользу американской разведки. Мои друзья сдержали свое слово, что они меня никогда не оставят в беде.

Источник: Фельфе Х. Мемуары разведчика. – М., 1988. – С. 280–304.

Американца на израильтянина

В июне 1957 года советская разведка завербовала сотрудника бюро специальных расследований ВВС США техника 1 класса Роберта Томсона, который проходил службу в Западном Берлине. Он поступил на службу в ВВС в 1952 году и служил механиком на различных авиабазах. После того как он получил травму спины, был переведен на кабинетную работу. Агент передал Москве сотни секретных технических документов и снимков новейшей техники, к которым имел доступ. В 1958 году он вернулся в Штаты и демобилизовался; однако к этому времени «Штази» передала его КГБ. Он взял отпуск и нелегально посетил СССР, где прошел спецподготовку.

Американская контрразведка вычислила и арестовали предателя. В июле 1963 года он получил 30-летний срок тюремного заключения, которое отбывал в Льюисбурге (Пенсильвания).

В 1978 году между СССР и США был осуществлён обмен захваченными шпионами. В обмен на Томпсона Советский Союз выдал израильского лётчика Мирона Маркуса, приговоренного в Мозамбике к пожизненному тюремному заключению, и Алана Ван Нормана, двадцатитрёхлетнего студента из Виндена, штат Миннесота, который был приговорен к двум с половиной годам лишения свободы за попытку нелегального вывоза людей из Восточной Германии.

3 мая 1978 года министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке разослал секретное письмо во все управления МГБ, в котором возвестил о прибытии Томпсона в ГДР: «В результате решительных политических операций мы достигли успеха в борьбе за освобождение бывшего нелегального сотрудника МГБ и КГБ, Роберта Гленна

Томпсона, гражданина США, который был приговорен к 30 годам тюрьмы, – писал Мильке. – На основании добытых им материалов в 1957–1958 годах МГБ ГДР смогло разоблачить и арестовать большое количество шпионов и агентов американских спецслужб». Далее Мильке объяснял, как происходил обмен, и добавил следующее: «Освобождение Томпсона еще раз подтверждает, что все наши нелегальные сотрудники, даже те, кто попал в сложную ситуацию, был арестован врагом и заключен в тюрьму, всегда могут рассчитывать на активную поддержку и помощь МГБ и органов госбезопасности братских стран». Мильке сказал, что обмен Томпсона следует приводить как пример в работе с агентами Штази, чтобы заручиться их доверием»⁷⁶.

На кого обменяли

Израильтянин Мирон Маркус, занимавшийся бизнесом в Африке, вздумал куда-то полететь на частном самолете в сентябре 1976 года. Отвратительные погодные условия и неполадки в моторе вынудили его совершить аварийную посадку на территории Мозамбика. Это была плохой идеей. Маркус угодил прямо в руки активистов просоветского движения Мозамбика и был арестован по обвинению в шпионаже. А надо сказать, что тюрьмы в этой стране далеко не рай. И для европейца, не привычного к суровым условиям заключения, часто могут обернуться последним пристанищем на земле. Переполненные камеры, нехватка питьевой воды приводят к вспышкам эпидемий, во время которых умирает добрая половина заключенных. Маркус получил пожизненный срок, и можно было надеяться лишь на то, что срок этот не окажется долгим.

Разведчиков на диссидентов

7 апреля 1979 года два сотрудника Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР, работавшие в ООН, – Рудольф Черняев и Вальдик Энгер, – были обменяны на диссидентов Александра Гинзбурга, Эдуарда Кузнецова, Марка Дымщица, Валентина Мороза и Георгия Винса.

Пойманы «с поличным»

20 мая 1978 года в американском штате Нью-Джерси у тайника с секретными материалами был задержан разведчик – атташе советского представительства при ООН Владимир Зинякин. Правда, в момент задержания у него в руках не было извлеченного из тайника «контейнера». Более того, ФБР так и не смогло зафиксировать сам момент «обработки» тайника. К тому же дипломат обладал дипломатическим иммунитетом, и через несколько часов его пришлось отпустить.

А вот двум его коллегам – сотрудникам секретариата ООН Вальдику Энгеру и Рудольфу Черняеву – повезло значительно меньше. Они «страховали» Зинякина и поэтому находились в районе проведения операции. В отличие от атташе, у них не было дипломатического иммунитета.

Как рассказал репортерам специальный агент ФБР Джон Шварц, все трое задержанных советских граждан – сотрудники КГБ. В сделанном по этому поводу директором ФБР Уильямом Уэбстером заявлении говорилось, что начатое разбирательство проводится в координации с отделом расследований ВМС США, которому помогают некие американские граждане. Чуть

позднее было сообщено: информатором по делу выступает офицер ФМС Артур И. Линдберг. Он сразу заявил советской разведке, что «хочет заработать перед пенсией», продавая уникальные сведения об американской технике поиска вражеских подлодок. Руководители Линдберга потом говорили, что снабжали его действительно секретными документами «с болью в сердце», но очень хотели, чтобы КГБ поверил их агенту.

В своей книге «Нужная работа» Юрий Дроздов (в тот период он руководил легальной резидентурой в Нью-Йорке) написал:

«С самого начала мы допускали, что здесь может быть встречная игра противника – «подстава». Поэтому мы ставили перед собой задачу заставить источник передать нам как можно больше информации, которая представляла для нас интерес, а не той, которую предлагал нам источник.

Думаю, нам удалось достичь этого, если судить по объему того, о чем агент ФБР и пресса умолчали и о чем сообщили общественности. С успехом решалась через Линдберга задача перепроверки документальной информации других источников. Подозрение, что он может быть подставным агентом, заставило нас с самого начала избрать безличный способ установления контакта с Линдбергом и такой же постоянно меняющийся и подвижный способ передачи информации. ФБР дало нам знать, что Линдбергу не следует доверять (на одном из кадров пленки были новые пальцы). Мы увеличили скорость движения при выемке контейнеров из тайников, меняя сомнительные места бросков.

ФБР, чтобы уследить за нами, привлекло спортивную авиацию, действия которой мы, к сожалению, не отнесли к средствам наружного наблюдения. На заключительном этапе противник бросил против нас, если верить американской прессе,

более 100 сотрудников с неподвижными постами наблюдения, автотранспортом и малой авиацией...

Хотя федеральное бюро расследований и утверждало, что с самого начала контролировало Линдберга, службе наружного наблюдения ФБР пришлось все-таки немало потрудиться, чтобы координировать и камуфлировать свои действия.

Сотрудники ФБР, с которыми наши товарищи контактировали, решая вопрос об освобождении задержанных, обращали на это внимание. Один американский контрразведчик, в кабинете которого рядом с портретом Э. Гувера висел портрет Ю. В. Андропова как руководителя «сильнейшей разведки в мире», прямо подчеркивал оперативное мастерство «блестящей тройки»⁷⁷.

Энгер и Черняев провели в тюрьме месяц, после чего их отпустили под залог и поручительство советского посла, взяв подписку о невыезде. Находясь под домашним арестом, они обязаны были каждый день регистрироваться у американского чиновника – «маршалла». 23 октября окружной суд Нью-Йорка вынес беспрецедентно суровый приговор: пятьдесят лет лишения свободы каждому. Оба разведчика, естественно, тут же подали апелляции, продолжая находиться на территории жилого комплекса советского представительства при ООН⁷⁸.

Как обменивали

По словам старшей дочери Винса Натальи, ее отцу в пересыльной тюрьме вдруг сказали, что будут этапировать его в Москву. «Какая причина?», – осведомился он. Ответа не последовало. В сопровождении двух охранников Винса привезли в столицу. На следующее утро, 27 апреля 1979 года, ему

неожиданно выдали костюм, белую рубашку, галстук – совершенно необычную одежду для человека, привыкшего ходить в робе. «К чему это?» – спросил Винс. – «Заклученные вопросов не задают!». Потом его провели в кабинет начальника тюрьмы и только там сообщили о принятом решении.

Подобную процедуру прошли остальные четверо диссидентов. «Кузнецов и Гинзбург считали, – рассказывала в эфире радиостанции «Свобода» вдова Гинзбурга Арина, – что их везут на новое следствие, и будет еще один срок, потому что перехватили два их лагерных письма, которые они пытались переправить на волю. Их никто ни о чем не спрашивал, согласны ли они на обмен. Их никто ни о чем не предупреждал. Взяли просто с нар, как говорится, посадили в вагон – привезли в «Лефортово». И на следующее утро их вызвали в 5 утра по одному в кабинет (они не знали, сколько их человек), где был представитель прокуратуры, который зачитал им указ Верховного Совета о том, что они лишаются гражданства и высылаются за пределы Советского Союза. Куда, как и что – никто ничего не сказал. После чего их покормили, снарядили, уже были мерки их одежды, обрядили в какие-то костюмчики болгарского и чешского производства – у нас до сих пор сохранился это костюм – и повезли с огромным эскортом, была целая процессия. Потому что было пять политзаклученных, и двадцать человек их сопровождало. Как теперь мы выясняем, это была Группа «Альфа». Вот так их привезли в «Шереметьево» и на рейсовом самолете «Аэрофлота» отправили в Нью-Йорк»⁷⁹.

Процедура прохождения таможенного и паспортного контроля в аэропорту «Шереметьево» ничем не отличалась от той, что проходили обычные граждане. Правда, проводили ее не в терминале, а

около трапа самолета Ил-82. Да и на борт лайнера каждый из пятерых поднялся в сопровождении двух сотрудников спецгруппы «Альфа». Последним предстояло сопровождать их до момента обмена.

После размещения необычных пассажиров на борт Ил-62 поднялась группа американских дипломатов. Им разрешили пройти в салон, чтобы они смогли установить соответствие личностей высылаемых: «Вы действительно являетесь таким-то? Как вы себя чувствуете? Нет ли жалоб на неправомерные действия администрации и сопровождающих лиц?» В ходе блиц-опроса диссиденты никаких жалоб или претензий не высказали. Американцы заверили их: «Не беспокойтесь, ваши семьи последуют за вами». Завершив опрос, дипломаты ушли, а самолет начал готовиться к взлету.

Когда самолет приземлился в аэропорту Нью-Йорка, сначала высалили обычных пассажиров. Затем лайнер отогнали от пассажирского терминала к ангару. Вскоре на борт поднялась группа американцев. Возглавлял ее руководитель Эмиграционной службы США Бартоломью. Он провел опрос всех пятерых диссидентов, убедившись, кто есть кто, затем рассказал им об условиях размещения и дальнейших перспективах на американской земле.

А затем началась игра. Американцы заявили, что в наличии у них имеется только один трап, подходящий к Ил-62. Поэтому, сначала по нему сойдут диссиденты и только потом поднимутся разведчики с женами. Естественно, такой вариант советскую сторону категорически не устраивал.

«Должно быть обязательно два трапа, – заявили советские представители. – Один нужно подогнать к эконом-классу, а второй – к первому. Схема движения такова: по первому трапу спускается один диссидент, тут же по второму поднимается кто-то из советских граждан».

Переговоры шли достаточно долго, минут сорок. Американская сторона убеждала, что выдвинутое условие невыполнимо, ибо такого трапа в аэропорту просто нет. Очевидно, в какой-то момент им надоела эта канитель, и подходящий трап «неожиданно» нашелся. Начался обмен. Из эконом-класса, молча по одному спустились пятеро диссидентов и проследовали к ожидавшим их машинам. Таким же образом в отсек первого класса поднялись Энгер и Черняев, а затем их жены⁸⁰.

Расскажем теперь кратко о том, на кого обменяли советских разведчиков.

Литератор

Александр Гинзбург - журналист, издатель, участник правозащитного движения в СССР, член Московской Хельсинкской группы⁸¹, составитель одного из первых сборников самиздата «Синтаксис»⁸². Имел, выражаясь протокольным языком три судимости. Одну из них - за подделку документов, остальные две - за антисоветскую деятельность.

В 1960 году впервые был осужден на 2 года. Фактически за издание «Синтаксиса», а формально - за подделку документов. Однажды сдал за товарища, будущего актёра Александра Юдина, экзамен по сочинению на аттестат зрелости в вечерней школе.

Второй раз был осужден в 1966 году в качестве наказания «за антисоветскую агитацию и пропаганду» на 5 лет. Центральным пунктом обвинения против него было составление и публикация за границей сборника под названием «Белая книга»⁸³ по делу писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Поясним, что последних осудили за написание и передачу для напечатания за границей произведений, «порочащих

советский государственный и общественный строй». Даниэль был обвинен в написании повестей «Говорит Москва» и «Искупление» и рассказов «Руки» и «Человек из МИНАПа». Синявский был обвинен в написании повестей «Суд идет» и «Любимов», статьи «Что такое социалистический реализм».

Третий раз Гинзбург был осужден в июле 1978 года на 8 лет за активное участие в деятельности Московской Хельсинкской группы.

Освобождён 27 апреля 1979 года и депортирован из СССР.

Умер 12 июля 2002 года в Париже⁸⁴.

Религиозный деятель

Георгий Винс тоже был диссидентом, но не в политической, а в религиозной сфере. Он родился 4 августа 1928 года в Благовещенске, в семье американского миссионера и пастора Петра Винса. За активную церковную деятельность его отец был арестован и расстрелян в 1937 году. В шестнадцатилетнем возрасте Георгий посвятил свою жизнь следованию христианским путём и принял крещение в Омской церкви евангельских христиан-баптистов.

В 1960 году он принял активное участие в создании Инициативной группы по созыву чрезвычайного Всесоюзного Съезда церквей ЕХБ (ВСЕХБ), выступившей против ряда документов, которые были приняты руководством ВСЕХБ (Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов⁸⁵) под давлением государственных органов. Если упрощать ситуацию, то в середине шестидесятых годов прошлого века в СССР существовало две организации христиан-баптистов. Одна, признаваемая государством, - ВСЕХБ. Другая -

Совет церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ) – объединяла тех, кто считал, что ВСЕХБ пренебрегал своей обязанностью по защите права евангельских христиан-баптистов на свободу вероисповедания, проявляя чрезмерный конформизм в отношениях с государством. В последующий период баптисты продолжали подвергаться репрессиям, причём наиболее жёсткие меры применялись к сторонникам СЦ ЕХБ. Многие лидеры и церковные активисты были приговорены к наказаниям в виде лишения свободы.

В 1965 году Георгий Винс был избран секретарём СЦ ЕХБ.

В ноябре 1966 года он был приговорен к трем годам лагерей.

В марте 1974 года его снова осудили на 10 лет ИТЛ.

В 1979 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Георгий Винс был лишен советского гражданства и выслан из страны⁸⁶.

Два «воздушных пирата»

Эдуарда Кузнецова и Марка Дымщица тоже можно назвать противниками советской власти. Вот только в конфликт с ней они вступили на национальной почве. Дело в том, что в шестидесятые-восьмидесятые годы существовала проблема эмиграции из СССР. Во-первых, власти разрешали не всем, кто хотел уехать на ПМЖ (постоянное место жительства) в США, ФРГ или Израиль, реализовывать свою мечту. Во-вторых, процесс оформления документов занимал месяцы. Поэтому среди тех, кто хотел эмигрировать, были радикально настроенные люди. Яркий пример тому – участники так называемого «Ленинградского самолетного дела».

15 июня 1970 года КГБ была пресечена попытка угона в Ленинграде группой из 16 человек самолёта «Ан-2» в Швецию. Группа евреев-«отказников» (тех, кому запретили выезд из СССР – прим. авт.) из Ленинграда и Риги во главе с Эдуардом Кузнецовым намеревалась незаконно покинуть территорию нашей страны на захваченном самолёте. От «классического» варианта – захват лайнера с пассажирами – инициаторы побега отказались.

Угонщики планировали в качестве пассажиров занять все места в самолёте, который совершал рейс № 179 «Ленинград – Приозерск (город в Ленинградской области)». Когда «борт» приземлится в Приозерске, связать двух пилотов, выкинуть их на взлетно-посадочную полосу, а затем на небольшой высоте пересечь госграницу с Финляндией, затем долететь до Швеции и там приземлиться на аэродроме в городе Буден. По прилёте предполагалось устроить пресс-конференцию о положении евреев в СССР. Мировое общественное мнение должно было побудить свои правительства оказать давление на СССР с целью добиться разрешения на выезд евреев в Израиль.

Всего в акции принимало участие 16 человек: Марк Дымшиц, Эдуард Кузнецов, Сильва Залмансон, Алексей Мурженко, Юрий Федоров, Анатолий Альтман, Мендель Бодня, Вульф Залмансон, Израиль Залмансон (два брата Сильвы Залмансон), Иосиф Менделевич, Борис Пэнсон, Лейб (Арье) Ханох, Мэри Менделевич (Ханох) (жена Л. Ханоха, сестра И. Менделевича), Алевтина Ивановна (мать дочерей Марка Дымшица), Елизавета Дымшиц и Юлия Дымшиц (две дочери Марка Дымшица).

Четверо – Сильва Залмансон, Борис Пэнсон, Арье и Мэри Ханох – должны были вечером 14 июня выехать из Ленинграда и прибыть на промежуточный аэродром в Приозерск. Остальные двенадцать должны были в

качестве пассажиров сесть на рейс № 179 на аэродроме «Смольное».

При подготовке акции исполнители не соблюдали элементарных требований конспирации, поэтому финал закономерен – образцово-показательный захват группы Евгения Кузнецова при посадке в «Ан-2». Затем был суд⁸⁷.

«24 декабря 1970 года коллегия по уголовным делам городского суда в открытом судебном заседании с участием представителей защиты закончила рассмотрения уголовного дела в отношении Дымшица М. Ю., Кузнецова Ю.С.

В результате тщательного исследования материалов уголовного дела, вещественных доказательств, допросов подсудимых и свидетелей, рассмотрения заключения экспертов судом установлено, что организаторы преступления Дымшиц и Кузнецов с конца 1969 года активно занимались созданием преступной группы, подготовкой к разбойному захвату самолета и перелета в нем с целью измены Родине за границу, а 15 июня сего года покушались на осуществление этого враждебного акта способом, опасным для жизни пилотов.

В судебном заседании было также установлено, что подготовка к данному преступлению велась не без ведома сионистских кругов государства Израиль...

Коллегия по уголовным делам, признав доказанной вину подсудимых по делу, приговорила организаторов особо опасного преступления Дымшица и Кузнецова к смертной казни...»⁸⁸. Аналогичный приговор прозвучал в отношении Марка Дымшица. И только личное вмешательство американского президента Ричарда Никсона (он позвонил Леониду Брежневу) заставило советский суд пересмотреть приговор. «Вышку» заменили на пятнадцать лет, остальным членам группы

сроки тоже снизили, но не намного⁸⁹. Так, И. Менделевич и Ю. Фёдоров получили по 15 лет заключения, А. Мурженко – 14, Хнох – 13, А. Альтман – 12, В. Залмансон – 12 (как лейтенанта Советской Армии его судил военный трибунал), С. Залмансон – 10, И. Залмансон – 8, Б. Пэнсон – 10, М. Бодня – 4 [18]. В то же время «лиц, которые хотя бы в той или иной степени содействовали преступлению, знали о его подготовке – дочерей Дымшица, их мать, а также жену Хноха – исходя из соображений гуманности, решено было не привлекать к уголовной ответственности».

По утверждению ветерана госбезопасности Василия Бережкова, Эдуард Кузнецов начал участвовать в диссидентском движении в 1961 году, когда как один из идеологов и лидеров в составе группы оппозиционно настроенной молодежи выступил на площади Маяковского с протестом против политики Никиты Хрущева. Юноши читали стихи и раздавали прохожим нелегально изданные журналы «Синтаксис» и «Феникс».

Возможно, дело ограничилось бы профилактической беседой на Лубянке и исключением задержанных из высших учебных заведений, но в ходе следствия выяснилось, что задержанные готовили... покушение на Никиту Хрущева.

Чекисты выяснили, что стрелять в руководителя СССР должен был некий Валерий Романков. Он имел снайперскую винтовку и тщательно изучил маршруты жертвы. «Снайпер» оказался психически невменяемым и избежал уголовной ответственности, а остальных приговорили к различным срокам лишения свободы.

Эдуард Кузнецов провел в заключении семь лет. А когда вышел на свободу, начал готовить операцию по захвату самолета⁹⁰.

Другая малоизвестная подробность этого «самолетного дела». В ходе следствия было установлено, что воздушные пираты заблаговременно предупредили о готовящейся акции израильские спецслужбы. Также террористов обвинили в антисоветской пропаганде и связях с зарубежными сионистскими организациями⁹¹. Дело в том, что еще в ноябре 1969 года изучавший иврит бывший пилот Марк Дымщиц предложил руководителю ленинградской подпольной сионистской группы Гилелю Бутману не дожидаться больше официального разрешения на выезд в Израиль, а захватить самолёт и вырваться за рубеж. Бутман увидел в этом вариант не только решение личных проблем с выездом, но и возможность привлечь международное внимание к проблеме свободной эмиграции евреев из СССР.

Затем начался процесс обсуждения различных вариантов реализации данной идеи. В течение января – марта 1970 года Бутман подбирал «пассажиров». Самым надёжным он в общих чертах сообщал о плане захвата самолёта. Остальным говорил, что может возникнуть рискованная возможность нелегально бежать в Израиль, но шанс на благополучный исход высок. После тщательной проработки плана была назначена дата акции – 2 мая 1970 года. Впрочем, в апреле 1970 года Бутман отказался от участия в этой операции. Причина – отрицательное отношение к ней со стороны властей Израиля. А вот Марк Дымщиц и Эдуард Кузнецов не входили в состав этой сионистской группы, поэтому смогли проигнорировать фактический запрет Тель-Авива на проведение операции.

Украинский националист

У Валентина Мороза был свой конфликт с советской властью. Он был одним из наиболее радикальных деятелей украинского национального движения.

Впервые был арестован в сентябре 1965 года, осуждён по статье 62 Уголовного Кодекса УССР (антисоветская агитация и пропаганда) на 4 года лагерей. Наказание отбывал в исправительной колонии ЖХ-385-17-А в Мордовии, тогда в самиздате вышел его «Репортаж из заповедника имени Берия».

1 июня 1970 года он был снова арестован, в ходе закрытого судебного процесса был приговорён к 9 годам лишения свободы и 5 годам ссылки по статье 62 УК УССР, часть 2, что вызвало острую негативную реакцию не только на Украине, но и за её пределами.

Шпионский интернационал

11 июня 1985 года в районе Глинского моста, что соединял Потсдам с Западным Берлином, было необычно многолюдно. И дело даже не в том, что должен был произойти очередной обмен шпионами – за годы «холодной войны» процедура стала рутинной – а в количестве участников этого процесса.

На стороне Потсдама стоял автобус с 25 пассажирами, проведенными дни накануне в тюрьме МГБ ГДР в округе Карл-Маркс-Штадт. Помимо граждан ГДР, здесь было шесть поляков и один австриец. В ГДР и Польше они получили многолетние, а кто-то и пожизненные сроки заключения за шпионаж на ЦРУ.

Ровно в полдень со стороны Западного Берлина к мосту подъехала колонна американских лимузинов и микроавтобусов. В одном из автофургонов «Шевроле» сидели четыре бывших разведчика из стран восточного блока: Мариан Захарски, официально директор польской экспортной фирмы в Лос-Анжелесе, в действительности офицер польской разведки; Пенью Костадинов, бывший торговый атташе болгарского посольства в Вашингтоне, и двое граждан ГДР – физик Альфред Цее, который, будучи приглашенным профессором в Мексику, передал в Восточный Берлин секретные данные о ВМФ США, и Алиса Михельсон, гражданка ГДР и курьер ГРУ.

Мариан Захарский

Его называли самым крупным польским разведчиком в истории советской Польши. Он жил в США с 1977 года, работал в иллинойской станкостроительной фирме Polish American Machinery Company и сумел завербовать

Холдена Белла, который заведовал радарным отделом в калифорнийской корпорации Hughes Aircraft.

В обмен на 110 тыс. долларов США наличными и золотыми монетами Белл предоставил Захарскому секретные документы, касающиеся истребителей F-15, противотанковых ракет TOW, ракет «воздух-воздух» модели Phoenix, зенитных комплексов Patriot и другого оружия.

Сам Мариан Захарский много лет спустя утверждал, что он добыл следующие секретные сведения: «Во-первых, информацию о системе радаров. Потом документы о крылатых ракетах, ракетах ПВО Patriot и Hawk. Многие с пометкой «Совершенно секретно». Причем, вплоть до 2007 года»⁹².

ФБР сначала арестовало Холдена Белла, а тот выдал Захарского. Последнего арестовали в 1981 году и приговорили к пожизненному заключению. Белл отсиделся 8 годами.

Алиса Михельсон

2 апреля 1985 года руководитель министерства госбезопасности ГДР Эрих Мильке направил своему коллеге - председателю КГБ Виктору Чебрикову информационное письмо, где сообщил о «провале» советского агента. Спустя много лет этот документ был частично рассекречен.

«Информация о провале советской военной разведки.

1.10.1984 года в аэропорту Нью-Йорка была арестована гражданка ГДР (имя заштриховано) антифашистка, ранее преследуемая фашистами, затем эмигрировавшая и интернированная в Англии. Арест последовал в результате предательства завербованного советской военной разведкой в Потсдаме и состоявшегося

на связи с ее сотрудником в Мексико-Сити двойного агента США.

Предатель настаивал на встрече в США. Для этого советская военная разведка привлекла (фрау X), долгое время сотрудничавшую с ней и имевшую тесные семейные и дружеские отношения с прогрессивными гражданами США, в том числе и с членами Коммунистической партии.

При аресте у нее были обнаружены многочисленные улики...».

Женщину, арестованную в Нью-Йоркском аэропорту, о которой писал Эрих Мильке, звали Алиса Михельсон (Alice Michelson). Она родилась в 1916 году в Берлине. С 1933 года находилась в антифашистском подполье. В 1935 году была приговорена к 3,5 годам тюрьмы за «предательство государственных интересов». После окончания срока заключения ей удалось эмигрировать в Великобританию. Правда, в 1940 году ее как немку по национальности и подданную Германии интернировали на остров Мэн. После освобождения работала сварщицей на верфях Глазго, участвовала в работе Национального комитета «Свободная Германия»⁹³. В 1957 году она вернулась в ГДР. В 1984 году была послана в качестве курьера ГРУ в США, чтобы встретиться с сержантом американской армии, завербованным ГРУ в Потсдаме. Сержант оказался двойным агентом, и Алису Михельсон арестовали в аэропорту Нью-Йорка непосредственно перед вылетом в Прагу. При ней обнаружили мини-магнитофон с якобы секретной информацией. Суд США приговорил ее к 10 годам тюрьмы. В конце 2012 года она проживала в Берлине. Дальнейшая судьба неизвестна.

Как происходил обмен

Спустя 30 лет журналист немецкого издания «Spiegel» Норберт Пётцль так описал произошедшее в тот день:

«Квартет рано утром 11 июня 1985 года был доставлен военным транспортником США в западноберлинский аэропорт Темпельхоф. В помещении аэропорта, в наручниках, прикованные в сооруженных по этому случаю одиночных кабинах, четыре восточных шпиона были предъявлены в 10 часов утра восточно-берлинскому адвокату Вольфгангу Фогелю. Этот представитель от ГДР, что вел переговоры с представителями американского правительства и посещал шпионов в тюрьмах США, должен был идентифицировать их личности. Фогель ужаснулся наручникам, применение которых американский дипломат Джон Корнблум позднее в телевизионном интервью оправдывал тем, что нужно было предотвратить контакты между четверкой лиц, все еще остававшихся пленниками США. Лишь после этого американский приказ о применении наручников был отменен.

Два часа спустя собравшиеся на Глиникском мосту с нетерпением ждали начала момента передачи. Нервно сновал туда-сюда Ричард Берт, помощник госсекретаря, выдвинутый на должность посла США в ФРГ. Наконец в «Мерседесе» цвета золота прибыл Фогель, за рулем была его жена Хельга. Берт и Фогель на своих машинах переехали на потсдамскую сторону моста, где вошли в автобус. Там Берт объяснил пассажирам, что они вольны оставаться в ГДР, что двое и сделали по личным причинам. Остальные 23 человека переехали через белую отметку границы на середине моста и пересели в автобус, предоставленный западными немцами.

Теперь могли возвращаться домой и восточные шпионы. Фогель приветствовал их, обнял своего земляка Цее, а Алису Михельсон от радости крепко

прижал к себе. Весь процесс снимала команда телеканала ARD, тележурналистка которого Ренате Бютов, очевидно, загодя получила информацию от американской стороны. Как отметил Фогель, за несколько дней до этого в секретном отчете, американцы «явственно хотят устроить настоящее шоу с участием множества людей и машин».

Обмен завершился 11 июня 1985 года в 13 часов...»⁹⁴.

Чешских агентов на диссидента

11 февраля 1986 года советский правозащитник Натан Щаранский, приговоренный в июле 1978 года к 13 годам за шпионаж, был обменян на агентов чехословацкой разведки – супругов Карела и Хану Кёхеров⁹⁵. Последних журналисты уже более 30 лет причисляют к категории разведчиков-нелегалов. Хотя в реальности они были лишь агентами. Поясним, что согласно советским канонам разведчик-нелегал – это человек, который проживает в другой стране под чужим именем и скрывает свое гражданство. К тому же он кадровый сотрудник разведки, а не человек, который выполняет ее отдельные задания.

Попутно, вместе с Кёхерами, американцы отдавали также нашего разведчика Евгения Землякова, поляка Ежи Качмарека и немца Детлефа Шарфенорта, которые были задержаны на территории ФРГ. Взамен, кроме Щаранского, они получали двоих немцев и одного чеха, которые сотрудничали с американской разведкой. Из 9 участников обмена героями многочисленных публикаций в СМИ стали лишь трое. Супруги Кёхеры и Натан Щаранский.

«Разведчик-нелегал»

Карел Кёхер родился в семье отставного кадрового офицера 21 сентября 1934 года в Братиславе. В 1939 году семья переехала в Прагу.

В 1958 году он окончил физико-математический факультет Карлова университета в Праге, а в 1961 году – философский факультет.

В интервью, которое он дал на чешском радио 7 июня 2008 года, Карел Кёхер так вспоминает те годы:

«С самой своей юности я старался бороться с тем режимом, который возник в Чехословакии после коммунистического переворота 1948 года. Даже состоял в нелегальной организации Карела Прухи, в те времена известного скаутского деятеля. Позже его арестовали за террористическую деятельность и надолго уперли за решётку, но меня друзья не выдали, и я остался на свободе. А позже я победил в крупном чехословацком конкурсе и должен был в качестве работника ЮНЕСКО ехать в Африку, но меня, разумеется, не выпустили. За мной следили, всё из-за того, что я общался с диссидентами и не приветствовал коммунистический режим. Даже пытались инкриминировать контакты с несовершеннолетними девочками. Было понятно, что вот-вот меня посадят. А в тюрьму я не хотел. И тогда решил: надо начать работать на разведку – вторую, не ту, которая меня преследовала, часть министерства внутренних дел. Пошёл к ним, и меня взяли. Потому что, несмотря на мои антикоммунистические настроения, я всё-таки был человеком одарённым, они это понимали. Конечно, я думал о том, что если меня пошлют во Францию или Англию, то я сбегу, попрошу убежища, но меня послали в США, а к Америке я относился, мягко говоря, не очень. Хотя, надо признать, что за годы моей жизни там Америка показала мне свою лучшую сторону...».

На самом деле не все так просто. С 1962 года он начал сотрудничать с органами госбезопасности Чехословакии. Оперативный псевдоним «Педро». Согласно данным из отдельных источников участвовал в операциях, которые чехословацкая разведка и контрразведка проводили против ЦРУ на территории Чехословакии. Понятно, что человеку с описанной выше биографией гораздо легче было войти в доверии к явным и тайным противникам власти. Не важно, были

ли это сотрудники американской разведки или диссиденты.

В 1965 году он прошёл короткий курс спецподготовки и вместе с женой Ханой был направлен в США через Австрию в качестве агента Первого управления Службы национальной безопасности МВД ЧССР для сбора политинформации и с целью проникновения в ЦРУ. В США они прибыли в декабре 1965 года.

Согласно данным из отдельных источников, в США они эмигрировали под собственными именами и биографиями. Как диссиденты. Вот тут и пригодилось его активное участие в борьбе «с коммунистическим режимом». Этим же и объясняется его довольно непродолжительная спецподготовка, о которой он рассказал журналисту Владимиру Малеванному:

«Перед тем как уехать вместе с женой в Австрию в сентябре 1965 года, где мы запросили и успешно получили американскую иммиграционную визу, я прошел специальную подготовку, изучив некоторые основные методы разведработы. Обучение было довольно поверхностным и заняло не более нескольких месяцев. Гораздо более тщательная подготовка касалась выявления наружного наблюдения, пешего и мобильного. Как впоследствии выяснилось, именно методика, навыки определения за собой слежкигодились мне более всего. Моя связь с пражским Центром поддерживалась – за исключением немногих случаев использования мною тайниковых операций – посредством личных встреч с сотрудником разведки, часто за пределами США, а также путем моментальных контактов.

Как-то во время подготовки один из инструкторов пригласил меня в лабораторию чехословацкой службы безопасности, где имелся «детектор лжи». Там я познакомился с майором, который был единственным в

службе специалистом по работе с полиграфом. Он объяснил мне принцип действия этого прибора и дал несколько общих советов, как можно минимизировать его воздействие, например, путем игры воображения, представляя себя приятные, успокаивающие ситуации».

Если говорить о подготовке разведчика-нелегала, то она занимает несколько лет. И там львиная доля времени тратится на страноведенье, изучение языка и другие дисциплины, которые позволяют человеку «раствориться» в чужой стране и ничем не выделяться на фоне местных жителей.

В 1969 году Карел Кёхер окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке, где изучал философию и политические науки, учился в Русском институте при университете, специализировался по проблемам коммунизма и политики Советского Союза, в 1970 году получил учёную степень доктора философии в том же университете. Его научным руководителем был профессор Збигнев Бжезинский⁹⁶. Во время учёбы (в 1967–1969 годах) работал консультантом на радио «Свободная Европа». Занимался научной деятельностью на кафедре Вагнер-колледжа и в руководимом Бжезинским Институте изучения коммунизма.

Именно учеба в элитном вузе, а также научная деятельность помогла разведчику-нелегалу поступить на службу в ЦРУ. Ну а его специализация во время учебы позволила ему попасть в то подразделение американской разведки, что интересовало Прагу, да и Москву больше всего.

С этим утверждением согласен и сам Карел Кёхер. Рассказывая Владимиру Малеванному о секретах своего успеха в деле проникновения в ЦРУ, он сообщил:

«Прежде всего, помогло изучение американского образа мышления, менталитета «ведущей нации на планете», каковыми сознательно или неосознанно

считают себя значительное число американцев, граждан страны «равных возможностей»... Таким образом, если я сумел попасть в один из элитных университетов, стать одним из лучших студентов, специализирующихся по проблемам коммунизма и политики Советского Союза, а потом в минимально возможный срок подкрепляю все это докторской степенью, то у меня, без сомнения, есть прекрасный шанс получить любую работу».

В 1971 году Карел Кёхер получил гражданство США. С 1972 года работал вначале по контракту, затем штатным консультантом в отделе Советского Союза и стран Восточной Европы (СВЕ) Оперативного директората ЦРУ.

Вот чем он занимался.

«В начале 1972 года мне предложили работать на ЦРУ. Первые три года я был служащим по контракту в подразделении, которое называлось СКРИН (SCREEN). Оно входило в состав отдела Советского Союза и стран Восточной Европы (СВЕ) Оперативного директората ЦРУ. Этот отдел занимался разведоперациями против СССР и его восточноевропейских союзников, причем не только на их территории, но и по всему миру. В дополнение к сбору разведывательной информации и вербовке агентов там проводились «активные мероприятия» – прежде всего это распространение дезинформации и субсидирование враждебной пропаганды, а также поддержка эмигрантских организаций.

Сотрудники СКРИНа большей частью занимались расшифровкой телефонных разговоров или устных бесед, перехваченных с помощью подслушивающих устройств, в основном советских, но иногда и восточноевропейских дипломатических и торговых представителей в странах «третьего мира». Прослушивали эти записи, конспектировали, иногда – если их содержание представляло интерес для

разведки – делали полный перевод текста. Задачами сотрудников являлись выявление офицеров КГБ и ГРУ, людей, с которыми они контактировали, определение сути их разведывательной деятельности. Наконец, одной из важных целей была идентификация граждан Советского Союза и стран Восточной Европы, могущих стать объектами вербовки со стороны ЦРУ.

В подразделении СКРИН было несколько коренных американцев, но большинство специалистов, владевших русским и другими восточноевропейскими языками, являлись «носителями языка» – русскими, украинцами, армянами, чехами, поляками, болгарами и т. д. Правда, уже натурализованными гражданами США. Их также направляли в зарубежные командировки на срок от нескольких месяцев до нескольких лет...».

Нужно еще добавить, что сотрудники СКРИНа иногда давали свои рекомендации по вопросу оптимального способа вербовки того или иного человека. Впрочем, такая должность в ЦРУ не очень устраивала Прагу. В лучшем случае «Рино» (оперативный псевдоним разведчика-нелегала) мог сообщить только имя кандидата на попытку вербовки. Все изменилось в 1975 году, когда ему «предложили заманчивую должность по контракту в качестве научного специалиста-исследователя в элитном подразделении Директората аналитической информации разведки, которое скорее походило на солидный академический научно-исследовательский институт».

Чем же был интересен для Праги этот отдел? Вот что об этом рассказал «Рино»: «Там вырабатывались научные аналитические документы, оценки и политические рекомендации, которые рассылались высшим государственным руководителям Соединенных Штатов, включая Белый дом и конгресс. Контракт не предусматривал моего постоянного присутствия в

Лэнгли, где находился этот отдел, хотя, конечно, знакомиться с документами под грифом «совершенно секретно» я мог только там. Поэтому имел возможность свободно писать научные статьи в любом месте. И переехал в Нью-Йорк, где мои контакты с чехословацкой разведкой стали бы гораздо более безопасными. Нью-Йоркское местопребывание сделало бы меня социально привлекательнее для моих контактов в ЦРУ, от которых я надеялся получать необходимую развединформацию. С важными источниками можно было бы устраивать встречи во время их поездок в Нью-Йорк...».

В 1976 году Прага заподозрила в нем «двойного агента» (что он работает на ЦРУ) и до 1981 года прекратила с ним контакты. А затем снова возобновила. Это еще одно свидетельство того, что он был агентом, а не кадровым разведчиком. Если бы последним, то, как свидетельствует практика времен «холодной войны», его бы попытались заманить в одну из стран Варшавского блока, а затем доставить в Чехословакию для проведения исследований. Ну, а если бы это было по какой-то причине невозможно сделать, то прервали бы с ним все контакты и не стали возобновлять их.

В декабре 1984 года супруги Кёхер были арестованы ФБР по обвинению в шпионаже. Они провели в заключении 14 месяцев. 11 февраля 1986 года их освободили, депортировали из США и лишили американского гражданства.

Вернувшись с женой в Прагу после обмена, Кёхер стал научным сотрудником в Институте прогнозирования АН ЧССР.

С 1990 года на пенсии⁹⁷.

И его боевая подруга

О Хане Пардамцовой (девичья фамилия супруги разведчика) известно немного. Она родилась 8 января 1944 года в городе Табор. В 1963 году они познакомились и через три месяца поженились. Находясь в США, она исполняла обязанности курьера. Вопреки распространенному мнению она никогда не работала в ЦРУ, а была вице-президентом ювелирной компании.

В историю разведки супруги Кёхер вошли как одни из самых успешных «сексуальных» агентов. Оба были очень хорошо известны в кругах любителей экстремального секса. Они являлись постоянными участниками оргий и свинг-вечеринок в Вирджинии и в Мэриленде, в Нью-Йорке и в Вашингтоне – буквально в двух шагах от Белого дома. Причём Хана Кёхер, очаровательная голубоглазая блондинка, очень скоро стала получать истинное удовольствие от такого секса, превратившись среди его любителей в настоящую звезду. А среди «любителей» было немало высокопоставленных государственных служащих, от которых умный разведчик мог узнать много чего интересного.

Впрочем, сам Карел Кёхер в упомянутом выше интервью для чешского радио, не отрицая самого факта своего участия в подобных мероприятиях, отнюдь не склонен преувеличивать их значимость для добывания разведывательной информации:

«Тогда был популярен такой образ жизни, «дети Вудстока» это называется. Да, я ходил на нудистские пляжи, свингер-вечеринки, курил марихуану. Но сами подумайте, кто будет рассказывать в постели о том, где у кого сколько ядерных боеголовок? Сексуальных агентов выращивал Маркус Вольф в «Штази», красивых парней, в которых влюблялись секретарши самых секретных учреждений и сами открывали сейфы. Но и делали они это из любви, а не во время секса... Ещё

писали, что я якобы мог шантажировать тех, кто участвовал со мной в оргиях. Тоже глупости. Те, кто участвуют в оргиях, шантажа не боятся...».

Ну, здесь-то он явно преувеличивает. В реальности шантажа боялись многие из тех «любителей». Так что этот метод добычи секретов был и остается достаточно эффективным.

Натан Щаранский: диссидент или шпион?

Анатолий Щаранский родился в 1948 году. Окончил Московский физико-технический институт. В 1973 году он подал документы на выезд в Израиль, но ему было в этом отказано. Был уволен из ВНИИ нефти и газа, где работал инженером-математиком, и стал зарабатывать на жизнь частными уроками. К 1975 году он стал активным участником эмиграционного движения евреев-отказников. Также он был одним из инициаторов создания Московской группы по контролю за соблюдением Хельсинкских соглашений в области прав человека (так называемой Хельсинкской группы), помощником и переводчиком академика Андрея Сахарова. Щаранский активно участвовал в еврейском движении в СССР, демонстрациях и голодовках протеста; был автором ряда писем и обращений еврейских активистов к советским властям и международной общественности.

15 марта 1977 года Анатолий Щаранский был арестован по обвинению в измене родине и антисоветской агитации. Обвинение утверждало, что Щаранский собрал и передал на Запад списки лиц, которым было отказано в выезде из СССР под предлогом сохранения государственной тайны; что эти списки содержали материалы о 1300 лицах, располагавших военными и иными секретами, и

информацию о дислокации, ведомственной принадлежности и режиме секретности двухсот предприятий в разных городах Советского Союза, о руководящих работниках этих предприятий. Обвинение утверждало, что Щаранский передал эти списки «агенту американской военной разведки» Роберту Тоту, работавшему в Москве «под видом журналиста». Роберт Тот опубликовал статью под названием «Советский Союз косвенно раскрывает центры секретных работ».

Щаранский, как утверждало обвинение, делал всё это по заданию иностранных разведывательных служб, которое он якобы получил в переданном по дипломатической почте письме Виталия Рубина, эмигрировавшего в 1976 году и якобы завербованного ЦРУ. Помимо этого, Щаранскому якобы была передана по дипломатической почте некая анкета с перечнем вопросов разведывательного характера, и Щаранский будто бы помогал Тоту устанавливать конспиративные контакты с учеными и специалистами, причастными к хранению секретной информации, в результате чего Тот получил информацию о парапсихологии и космических и социологических исследованиях, не подлежавшую публикации в открытой печати.

Кроме измены родине в форме шпионажа, Щаранский обвинялся в измене в форме «оказания иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР», а именно, в том, что он «передавал за рубеж материалы, намеренно искажающие действительную картину жизни в СССР» и «призывал правительства ряда стран, чтобы они – под предлогом заботы о правах человека – оказывали непрерывное давление на Советский Союз, побуждая его изменить внутреннюю и внешнюю политику». Подобные действия были также названы антисоветской агитацией.

14 июля 1976 года коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР он был осуждён на 13 лет лишения свободы с отбытием первых трех лет в тюрьме, а последующих – в колонии строгого режима⁹⁸.

В Израиле Щаранский был с почётом встречен премьер-министром Шимоном Пересом и его заместителем Ицхаком Шамиром. В 1986 году дал показания в комиссии Конгресса США о положении с правами человека в СССР. В 1986 году Щаранский создал «Сионистский форум» и возглавлял его до 1996 года. Рассказ о политической карьере этого человека в Израиле находится вне рамок данной книги.

Обмен: о чем в США не снимут кино

История нахождения Карела Кёхера в американской тюрьме требует отдельного разговора. Во-первых, его пытались перевербовать. Он сделал вид, что согласился, но на самом деле предупредил Прагу, что работает под контролем.

Во-вторых, у ФБР не было доказательств его шпионской деятельности, кроме собственного признания Карела Кёхера.

В-третьих, он мог не дожить до суда. Вот что он рассказал, выступая на радио:

«Сначала в соседнюю камеру посадили серийного убийцу, дали тому ножницы, из которых он сделал нож, всячески накручивали против меня, а одной прекрасной ночью оставили двери его и моей камер открытыми. Но меня спас ставший позже моим другом лидер нью-йоркской мафии мотоциклистов. Не дал меня убить! Потом меня решили убить более изощрённым способом. Ко мне, белому, еврею, в камеру посадили чёрного мусульманина, бывшего телохранителя главаря чёрных мусульман Америки Фарагана. Но и с ним мы

подружились. Он мне отдавал всё мясо, которое получал на обеды и ужины, а я ему стирал вещи...».

Тогда Кёхер через своего адвоката связался с Прагой, а Прага связалась с Москвой. Реакция руководства КГБ была однозначной: выволить Кёхера из американской тюрьмы путём обмена. Посредником между сторонами выступал восточногерманский адвокат Вольфганг Фогель, которому в годы «холодной войны» приходилось не раз устраивать подобные обмены.

Обмен произошел на Глинском мосту, который соединял Западный Берлин с ГДР. Во время «холодной войны» там обмены происходили регулярно, поэтому его часто называли «мостом шпионов».

Карела Кёхера, единственного из всех девяти обмениваемых, доставили из Америки в наручниках. «А Щаранский ждал обмена в хорошей берлинской гостинице», – не без горечи вспоминал потом Карел Кёхер. Пятерых узников Запада привезли на «мост шпионов» в двух микроавтобусах. Микроавтобусы поставили поперёк моста. С другой стороны границы на легковых автомашинах привезли Щаранского и остальных.

Первым в «свободный мир» должен был переходить Анатолий Щаранский. «Но где же граница?» – спросил он. Ему ответили: «А вот здесь, вот эта широкая белая линия». Освобождённый диссидент с такой радостью пересекал линию границы, что едва не потерял брюки, удерживаемые тонкой верёвочкой вместо поясного ремня, так что ему пришлось поддерживать их рукой (источник). С западной стороны линию границы первыми пересекли супруги Кёхеры, затем Евгений Земляков и Ежи Качмарек. Сотрудника же восточногерманских спецслужб Шарфенорта

взволнованные организаторы обмена едва не забыли на том мосту...⁹⁹

Последний обмен «холодной войны»

В октябре 1986 года состоялся обмен сотрудника представительства СССР в ООН Геннадия Захарова и главы московского корпункта журнала U.S. News and World Report Николаса Данилоффа, а также основателя Московской Хельсинкской группы Юрия Орлова.

23 августа 1986 года власти Соединенных Штатов обвинили в шпионаже сотрудника представительства СССР в ООН Геннадия Захарова, не обладавшего дипломатическим иммунитетом. Через неделю в Москве арестовали главу московского корпункта журнала U. S. News and World Report Николаса Данилоффа, которому были предъявлены аналогичные обвинения. Президент США Рональд Рейган назвал действия КГБ мекстью за арест своего разведчика.

В результате переговоров между министром иностранных дел СССР Эдуардом Шеварднадзе и госсекретарем США Джорджем Шульцем удалось сойтись на одновременном освобождении обвиняемых из-под стражи под поручительство послов. 28 сентября 1986 года Данилофф получил разрешение покинуть СССР, а Захаров был депортирован из США.

Затем 5 октября 1986 года, накануне встречи Рейгана и Горбачева в Рейкьявике, основателя Московской Хельсинской группы Юрия Орлова лишили советского гражданства и выслали в Нью-Йорк. На тот момент он находился в ссылке в Якутии, уже отсидев семь лет за антисоветскую пропаганду.

Николас Данилофф: советская версия

Если в принадлежности Геннадия Захарова к «рыцарям плаща и кинжала» никаких сомнений нет, то в отношении Николаса Данилоффа не все так однозначно. Например, в изданной в Латвии книге Николая Кабанова «Тайны латвийской дипломатии. Внешнеполитические аспекты периода 1940-91 годы» есть страницы, посвященные этому человеку.

«Вот выдержка из служебного дневника 1-го секретаря МИД ЛССР Арийса Янсонса за 8.01.1985, под грифом «Секретно»:

«Согласно существующей практике связался с ответственным за пребывание в республике инкорров и дипломатов сотрудником КГБ Латв. ССР тов. Неvaro Анат. Анат. (тел.294-662) для консультации по поводу ожидаемого приезда в Ригу инкорров США и Англии Н.Данилоффа и И.Фрэнкленда. Тов. Неvaro сообщил, что данной поездкой занимается его непосредственный начальник (тел.294-506), к которому я и обратился.

Сотрудник КГБ Латв. ССР, выслушав информацию МИД республики, связался с соответствующим участком аппарата КГБ СССР в Москве, после разговора с Москвой сообщил в МИД Латвийской ССР следующие рекомендации.

Органы госбезопасности относительно общей линии приема данных инкорров сообщают, что не следовало бы организовывать для журналистов встречи и беседы на относительно высоком уровне. Однако в то же время не следует создавать у них впечатление об ограничениях в их поездке. Относительно встречи в Госплане органы госбезопасности высказывают мнение об организации встречи журналистов со специалистами среднего уровня по занимаемой должности, знающими свою область, но не разглашающими секретную информацию и имеющими определенный опыт в этой области (работники отделов, референты и т. п.). Не

следует подчеркивать ограничений в выдаче цифрового материала».

В тот же день Янсонс делает вторую запись по тому же поводу, но уже без грифа - госбезопасность не упоминается.

«Согласно договоренности с секретарем бюро журнала «ЮС ньюс» позвонил в Москву, чтобы уточнить круг вопросов, интересующих г-на Данилоффа в Риге. Г-н Данилофф сообщил, что по вопросам экономического характера он хотел бы говорить сперва об общем экономическом развитии республики, делать акцент на развитии радиотехнической промышленности и автомобилестроения. Особо интересуют предприятия, занимающиеся производством в условиях экономического эксперимента. Отметил, что в случае отсутствия возможности посетить ВЭФ, п/о «Радиотехника» и т. п., согласился бы посетить, например, предприятие «Автоэлектроприбор». Кроме того, г-на Данилоффа интересовало бы развитие города Риги, ход регенерации города, долгосрочные планы развития столицы Латвии. Из-за нехватки времени инкорры, по мнению Данилоффа, были бы удовлетворены перечисленным. Относительно культурной программы: хотели бы посетить спектакли на латышском языке в драматических театрах. Г-н Данилофф отметил, что в случае дополнений к вышеизложенному он свяжется с МИД Латвийской ССР.

18 час. 10 мин.».

Визит Н.Данилоффа и другие аспекты работы спецслужб прокомментировал компетентный сотрудник КГБ Латвийской ССР в 80-е годы:

«Основной целью поездки Николаса Данилоффа в Ригу (он посещал город неоднократно), были еврейские «отказники»-секретоносители, которым было отказано в выезде за границу, обычно на 5 лет. Он - кадровый разведчик, офицер ЦРУ США. Среди журналистского

корпуса - обычное дело. В сферу его интересов в Москве, прежде всего, входила координация сообществ «отказников», сбор через них интересующих разведку данных. Они фактически были его агентами. Из числа этих «отказников» под руководством спецслужб США, в том числе Н.Данилоффа, организовывались так называемые «ульпаны» и «семинары». Если «ульпаны» занимались в основном изучением еврейских культурных традиций и языка, то «семинары» под прикрытием так называемой «научной деятельности» координировали и исполняли работы по научным программам зарубежных государств в советских научно-исследовательских учреждениях в рабочее и нерабочее время с использованием наших технических возможностей. А также занимались научно-технической разведкой.

В числе прочих лиц Николас Данилофф во время своих регулярных визитов в Ригу встречался с бывшим заместителем генерального директора ПО «ВЭФ», заслуженным деятелем науки и техники Латвийской ССР Марьясиным Александром Лазаревичем, которому также было отказано в выезде в Канаду. Через Марьясина, контролировавшего несколько тематических технических «семинаров», добывалась важная интересующая США информация.

Информация, полученная в Латвии, была использована при принятии решения об аресте Данилоффа в Москве с последующим обменом его на арестованного в Нью-Йорке корреспондента АПН Владимира Захарова, полковника»¹⁰⁰.

Николас Данилофф написал книгу «Две жизни, одна Россия. Невыдуманная история о том, как американец был взят заложником КГБ»¹⁰¹, в которой подробно описал период своей жизни, который он провел в СИЗО. Это произведение написано в лучших традициях

антисоветской литературы, где вымысел перемешан с реальными фактами. Поэтому мы не будем цитировать это произведение.

Более того, в интервью Николас Данилофф любит рассказывать о том, как сложно было работать иностранным журналистам в СССР: «Это было довольно сложно. Я бы сказал, что 75 процентов информации мы получали из советской прессы. Как вы знаете, в Советском Союзе было множество газет и журналов, центральных и провинциальных, так что мы много читали. Но 25 процентов нашей информации мы получали из непосредственных наблюдений на улицах, в магазинах, из случайных разговоров с советскими гражданами. В советском Министерстве иностранных дел существовал отдел печати, но его роль сводилась, в сущности, к тому, чтобы скрывать новости, а не распространять их. По действовавшим в то время правилам, иностранные корреспонденты не могли самостоятельно брать интервью у советских граждан – предварительно следовало получить одобрение отдела печати МИДа. Это была тягостная процедура. Надо было писать письмо и потом месяцами ждать разрешения или отказа. Могу также сказать, что событиями, которые мы всегда освещали, были многочисленные демонстрации протеста у американского посольства. Они собирались по разным поводам. Особенно бурными были демонстрации по случаю решения американского правительства оказать помощь Южному Вьетнаму в его войне с Севером. Это привело к беспорядкам у здания американского посольства. Для нас это было большое событие. Мы его освещали во всех подробностях, наблюдая за происходящим на улице»¹⁰². Выше мы процитировали рассказ о поездке американского журналиста в Латвию.

Впрочем, часть книги занимает история жизни его прапрадеда – декабриста Александра Фролова, подпоручика Пензенского пехотного полка, член Общества Соединенных Славян.

Сам Николас Данилофф рассказал: «Его наказали по второму разряду – 20 лет каторги и бессрочное поселение в Сибири. Позднее приговор был смягчен до 10 лет каторги и бессрочного поселения. А когда на престол в 1855 году взошел Александр II, он освободил всех декабристов, которые еще оставались в живых. И мой прапрадед вернулся сначала в Крым, а оттуда в Москву, где и умер в 80-х годах XIX века».

Как происходил обмен

Юрий Орлов в июне 2010 года рассказал журналисту Михаилу Рубину подробности обмена:

«– Я был освобожден усилиями главы группы Helsinki Watch Джерри Лейбер. Она начала компанию за включение меня в список освобожденных.

– А как прошло ваше освобождение? Это был формальный обмен вас на арестованного в США разведчика Геннадия Захарова?

– Формально был приказ Горбачева о лишении гражданства и высылке из страны. Я уже свой тюремный и лагерный срок отсидел и был на ссылке. И вдруг меня внезапно забрали местные чекисты. На военном самолете привезли через Полярный и Норильск в Москву. Посадили в Лефортово и стали допрашивать. Допрашивали три дня, после чего я отказался отвечать на их вопросы, потому что по истечении этого времени меня не имели права держать без конкретных обвинений.

– Зачем же был нужен допрос перед освобождением?

- Я ни про какое освобождение не знал. Меня хотели запугать: чтобы я подумал, что против меня возбуждают новое дело - за помощь государственным преступникам - и согласился уехать из страны. До этого я говорил, что не уеду. Но им удалось меня напугать: я подумал, что опять посадят. Привели к какому-то полковнику КГБ, у которого мне зачитали указ президента Горбачева о выселении из страны, и я не стал протестовать. Мне еще сказали так дружелюбно: «Юрий Федорович, не торопитесь с вашими критическими заявлениями, потому что у нас здесь некоторые из ваших идей скоро будут реализованы».

В тот же вечер меня обмерили, и за одну ночь был готов очень хороший костюм. И потом сообщили, что надо теперь дожидаться удобного самолета. Такой самолет нашелся почему-то только через два дня. Меня привезли в Шереметьево утром и посадили в совершенно пустой самолет, кажется, «Ил». Минут через 45 он заполнился обычными пассажирами, одного из которых я даже знал - это был знакомый физик. Так что я летел среди обычных пассажиров, правда, меня сопровождал один человек из КГБ, но и все. И только тут я узнал, что меня обменивают.

- От кого?

- Мне жена сказала. Она вместе с другими пассажирами села в самолет. На нем меня и привезли в Нью-Йорк...»¹⁰³.

Героев России на дилетантов

После окончания «холодной войны» трое разведчиков-нелегалов из числа тех, кто был обменян, были удостоены звания Героя РФ. А вот тем, на кого их обменяли, наград не досталось. Да и не за что было награждать.

Вся жизнь – конспирация

Из всех советских разведчиков-нелегалов, кто был разоблачен противником в годы «холодной войны», семейная пара Леонтина и Морисс Коэны была самая результативная. Правда, в отличие от своих «напарников» по разведывательной работе – Рудольфа Абеля (с ним они работали в США) и Конона Молодого (Великобритания) – о них жители СССР узнали лишь после окончания «холодной войны». С другой стороны, из всех четвертых только они были удостоены звания Героев России. Так высоко Москва оценила их успехи в сфере «атомного шпионажа», где они, действительно, достигли значительных результатов.

«Хелен Крогер»

Леонтина Тереза Коэн («Хелен Крогер») родилась в Массачусетсе 11 января 1913 года в семье выходца из Польши Владислава Петке. До 13 лет училась в школе, а затем была вынуждена бросить учебу и начать зарабатывать на жизнь. Работала домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на фабрике кожизделий, на кондитерской фабрике. С 15 лет Лона, как ее звали друзья и близкие, стала принимать участие в работе прогрессивных групп и организаций, являлась профсоюзной активисткой, а в 1936 году вступила в ряды Компартии США.

С будущим мужем Моррисом Коэном познакомилась в Нью-Йорке на антифашистском митинге в 1939 году после его возвращения из Испании. Он уже сотрудничал с советской внешней разведкой. По его наводке была завербована Леонтина Коэн, которая догадывалась о связях мужа с советскими представителями. В годы

войны использовалась в качестве агента-связника резидентуры внешней разведки в Нью-Йорке. Находилась на связи у сотрудника резидентуры Анатолия Яцкого¹⁰⁴. Выполняя указание Центра, она за три месяца добыла в Канаде образцы урана.

В связи с обострением обстановки в США, вызванным предательством источника резидентуры Элизабет Бентли («Умница», «Мирна»)¹⁰⁵ и бегством шифровальщика ГРУ в Канаде Игоря Гузенко¹⁰⁶, выдавших ряд агентов внешней разведки, связь резидентуры с Леонтиной и ее мужем была временно прекращена.

В 1949 году они были включены в нелегальную резидентуру выдающегося разведчика Рудольфа Абеля в качестве агентов-связников. Леонтина обеспечивала передачу в Москву важных документальных материалов о создании атомной бомбы в США. С Рудольфом Абелем она проработала около двух лет.

В 1950 году после ареста в Великобритании агента советской внешней разведки Клауса Фукса¹⁰⁷, с которым встречалась Леонтина, она с мужем была выведена в Москву. Здесь Леонтина прошла дополнительную специальную подготовку для работы в качестве радиста-шифровальщика.

В 1954 году Центр принял решение направить Леонтину и ее мужа в качестве связников-радистов нелегальной резидентуры в Англии, которой руководил разведчик-нелегал Конон Молодой («Бен»). Прибыв в конце 1954 года с новозеландскими паспортами на имя Питера и Хелен Крогер, разведчики приобрели небольшой букинистический магазин в пригороде Лондона. Они оборудовали в подвале своего дома, расположенного неподалеку от военного аэродрома Нортхолт, радиостанцию и стали регулярно передавать в Центр «сведения особой важности» с использованием

быстродействующего радиопередатчика. Разведывательную информацию они получали через «Бена» от работника Портлендской военно-морской базы Гарри Хаутона.

В январе 1961 года в связи с предательством сотрудника польской разведки М. Голеневского британская контрразведка арестовала «Бена» на встрече с Гарри Хаутоном, а вечером того же дня – супругов Крогер.

Состоявшийся в марте 1961 года суд приговорил Хелен Крогер к 20 годам тюремного заключения, несмотря на отсутствие прямых улик против нее. Это объяснялось тем, что ФБР США передало британской стороне известные ему сведения о разведывательной деятельности супругов Крогер в США.

В СССР вместе с супругом вернулась 25 октября 1969 года.

Их опыт и знания были нужны советской разведке, их пригласили на работу в Управление «С» (нелегальная разведка) Первого Главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР. Для работы там нужно было советское гражданство. Документы были оформлены быстро, но когда пришла очередь ставить последнюю и самую главную подпись – секретаря ЦК КПСС Михаила Суслова – тот резко возражал. Не желая вникать в подробности длительного и опасного труда супругов Коэн на благо СССР, не понимая всю ценность добытой ими информации, Суслов заявил, что они провалившиеся агенты и быть советскими гражданами недостойны. Возникла длительная заминка, так как руководство советской внешней разведки побоялось спорить с всемогущим главным идеологом КПСС. Однако нашлись порядочные люди, доложившие о случившемся Председателю КГБ Юрию Андропову. Тот, кстати, сам побаивался конфликтовать с Сусловым, но в данном вопросе пошел буквально напролом. Андропов поднял

вопрос на ближайшем заседании Политбюро ЦК КПСС, категорически потребовав принять Коэнов в советское гражданство. При этом он заявил, что они принесли Советскому Союзу больше пользы, чем многие высокопоставленные партийные работники. Леонид Брежнев без колебаний поддержал Юрия Андропова и потребовал немедленного положительного решения вопроса. Указание Генерального секретаря было выполнено, а вскоре Андропов добился награждения супругов Коэн и советскими орденами.

До конца жизни Леонтина Коэн работала на преподавательской и аналитической работе в КГБ СССР и в СВР России. Ещё несколько раз выезжала в краткие заграничные командировки.

Умерла Леонтина Коэн 23 декабря 1992 года¹⁰⁸.

15 июня 1996 года Указом президента РФ за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество Леонтине Коэн (посмертно) было присвоено звание Героя Российской Федерации.

«Питер Крогер»

Моррис Коэн («Питер Крогер») родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Его отец был родом из-под Киева, а мать родилась в Вильно. Еще до революции семья Коэнов эмигрировала из России и осела в Нью-Йорке, в районе Ист-Сайда. Здесь Моррис окончил колледж, где прославился как отличный игрок в регби.

В автобиографии, хранящейся в его оперативном деле, Моррис Коэн писал: «Мои родители – эмигранты. В доме у нас часто собирались выходцы из России и Украины и слушали привезенные с собой пластинки,

пели народные песни. Но больше всего мне запомнились их рассказы о неведомой мне стране – России. Всякий раз, как только они начинали вспоминать о ней, у меня возникало желание хоть одним глазком увидеть родину моих предков. Это желание с возрастом еще больше укреплялось».

Семья была небогатой, и полученная юным Моррисом спортивная стипендия позволила поступить ему в Колумбийский университет. В 1935 году по окончании университета он работал преподавателем истории в средней школе в Иллинойсе.

В 1936 году Моррис вернулся из Иллинойса домой в Нью-Йорк, вступил в Компартию США и начал активную деятельность в ее нью-йоркском территориальном отделении. Безработица в городе была огромной. Товарищи по партии нашли Моррису временную работу: распространять прогрессивные газеты и журналы. Потом он устроился наборщиком в типографию, работал слесарем на машиностроительном заводе, был служащим в одном из отелей Нью-Йорка. Одновременно вел агитационную работу в профсоюзах и продолжал заниматься распространением партийной литературы.

Гражданская война в Испании не оставила равнодушным Морриса Коэна. В составе интернациональной бригады им. Линкольна он участвовал в борьбе против испанских фашистов в 1937–1938 годах, был ранен.

В первых числах июля 1938 года в Барселоне Морриса пригласил на беседу резидент внешней разведки НКВД в Испании Александр Орлов. В ходе беседы он сделал Коэну предложение о сотрудничестве. В направленном в Центр рапорте о вербовке Коэна резидент Орлов, в частности, отмечал:

«Давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, Луис (таким стал оперативный псевдоним Коэна. – Прим. авт.) прекрасно понимал, на что он идет.

Уверен, что им двигала не любовь к приключениям, а политические убеждения».

В ноябре 1938 года Моррис Коэн вернулся в США в качестве агента-связника нью-йоркской резидентуры советской внешней разведки. Летом 1941 года он оформил брак с Леонтиной Терезой Петке.

Во время войны, в 1942 году, Моррис был мобилизован в армию. Он участвовал в войне против нацистов в Европе. Участвовал в высадке союзных войск в Нормандии. Дошел до Эльбы и закончил войну в чине капрала, имел боевые награды.

В ноябре 1945 года был демобилизован из армии и возвратился в США. В декабре того же года с ним была восстановлена связь.

Однако в связи с резким обострением обстановки в США, вызванным нагнетанием антисоветской истерии и кампании шпиономании в стране, связь с ним была временно прекращена и восстановлена только в 1948 году, когда резидентура убедилась, что Моррису Коэну ничто не угрожает. Вместе с женой Леонтиной он обеспечивал конспиративную связь с рядом наиболее ценных источников резидентуры. В 1949 году супруги Коэны были переданы на связь выдающемуся разведчику Вильяму Фишеру, известному всему миру под именем Рудольфа Абеля, командированному в США по линии нелегальной разведки. С ним они работали до 1950 года. В связи с угрозой провала супругов Коэн Центр принял решение об их выводе в Советский Союз.

До 1954 года они работали в Центре в управлении нелегальной разведки. В 1954 году было принято решение направить их в Англию в качестве агентов-связников другого знаменитого разведчика – Конона Молодого («Бена»).

Поскольку американскому ФБР было известно о связях супругов Коэн с советской разведкой, в Великобританию они прибыли с паспортами на имя

новозеландских супругов Питера и Хелен Крогеров. Они приобрели небольшой дом в двух километрах от базы американских ВВС Нортхолт, где оборудовали радиоквартиру для связи с Москвой. Близость к военной базе, а также использование быстродействующей портативной радиостанции для поддержания двусторонней связи с Москвой исключали перехват радиопередач разведчиков с Центром.

Нелегальная резидентура внешней разведки за пять лет деятельности, с 1955 по 1960 год, добыла в Великобритании и передала в Центр большое количество важных секретных материалов, в том числе по ракетному оружию, получивших высокую оценку специалистов.

В январе 1961 года он был арестован вместе с супругой.

На судебном процессе в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли, рассматривавшем так называемое «портлендское дело», который состоялся 13 марта 1961 года, «Бен» взял все на себя. Он утверждал, что супруги ничего не знали о его разведывательной деятельности. Несмотря на то, что суду не удалось доказать причастность четы Крогеров к работе на советскую разведку, британское правосудие, которому американская сторона сообщила известные ей факты на этот счет, приговорила Питера к 25 годам, а Хелен – к 20 годам тюремного заключения.

После возвращения в СССР в 1969 году всю свою оставшуюся жизнь Моррис Коэн отдал работе нелегальной разведки, участвуя в подготовке молодых сотрудников.

Умер 23 июня 1995 года¹⁰⁹.

20 июля 1995 года Указом президента РФ за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях,

сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество Моррису Коэну (посмертно) было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Вся их жизнь - конспирация

В отличие от двух других разведчиков-нелегалов - Рудольфа Абеля и Конона Молодого - эта семейная пара обрела славу и известность лишь после смерти. Они не снялись в фильме «Мертвый сезон» (как это произошло с Абелем) и с ними не общались журналисты (как в случае с Молодым). Лишь вышла книга, а в 2001 году ограниченным тиражом был издан сборник¹¹⁰ писем, которые писали друг другу, находясь в заключении супруги Хелен и Питер Крогер, а также их друг Гордон Лонсдейл. Наверное, эти письма лучше всего характеризуют личные качества этих людей.

Британский агент-неудачник и трое «женатиков» из СССР

В 1965 году был осужден на 5 лет гражданин Великобритании Джеральд Брук. В своей книге «По закону и совести» Николай Чистяков написал:

«В конце июля 1965 года в Москве состоялся судебный процесс над подданным Великобритании Джеральдом Бруком. Он был задержан органами госбезопасности с поличным в Москве и привлечен к уголовной ответственности за подрывную антисоветскую деятельность.

Как выяснилось в ходе предварительного судебного следствия, Брук, будучи преподавателем русского языка Холнборнского колледжа в Лондоне, поддерживал связи с зарубежной антисоветской организацией «Народно-трудовой союз» (НТС),

состоящей из подонков, эмигрантского отребья и изменников нашей Родины. В предвоенные годы эта организация готовила и поставляла германской, японской и другим разведкам кадры для засылки в СССР шпионов, диверсантов, убийц. В течение всей войны эти подонки активно сотрудничали с гитлеровскими разведывательными, контрразведывательными органами и оккупационными властями, а после разгрома гитлеровской Германии перешли на службу к реакционным кругам США, Великобритании и других империалистических государств.

В последние годы престиж этой организации значительно упал. Чтобы поднять его в глазах хозяев, главари НТС пытались оживить свою деятельность. Используя расширившиеся культурные и экономические связи СССР с капиталистическими странами, они стремились засылать в Советский Союз и другие социалистические страны своих сообщников под видом туристов, коммерсантов, членов различных делегаций.

Одним из таких эмиссаров и был Джеральд Брук. Ему было 27 лет, он являлся членом лейбористской партии, бакалавром русского языка и литературы. В 1959-1960 годах Брук совершенствовался по этому профилю в Московском государственном университете. На этот раз он прибыл в Москву со специальным заданием. Перед поездкой получил инструктаж о способах и приемах выполнения заданий, а также материалы для враждебной деятельности.

Находясь в Москве с 18 по 25 апреля 1965 года, Брук старался изо всех сил. Он посетил советского гражданина Константинова и передал ему инструкцию по приему и расшифровке кодированных радиопередач, кодовую таблицу, тайнописную копировальную бумагу и другие средства для изготовления антисоветских документов. Кроме того, часть материалов Брук

пытался всучить другим советским гражданам, направив их по почте.

Но пасхальные каникулы для незадачливого «туриста» окончились весьма печально. Благодаря бдительности советского гражданина Константинова органы госбезопасности обезвредили и разоблачили лазутчика, пытавшегося совершать идеологические диверсии и другие пакости в ущерб интересам Советского государства»¹¹¹.

В 1967 году в британской прессе появилась серия публикаций в защиту осужденного. Человек в СССР никого не убил, не воровал государственные секреты, а ему вкатили пять лет за какие-то книжки, которые вам не нравятся по политическим соображениям! «Известия» отвечали статьей «Чего добиваются адвокаты Брука?».

Процитируем ее:

«Естественно, режим исправительно-трудовой колонии – не дом отдыха. Однако Брук вполне здоров, трудится, правда, на необычном для себя поприще (резьба по дереву). Ему несколько раз разрешали встречи с женой, приезжавшей в Советский Союз. В порядке исключения Брук получал посылки из Англии, его не ограничивали в переписке с родственниками. Все это лишний раз свидетельствует о мягкости режима, установленного для Брука»¹¹².

Также вместе с Бруком из СССР выпустили еще трех человек, чья основная вина перед Москвой – желание соединиться брачными узами с иностранцами. Их так и называли тогда – «женатики». Например, Людмила Бибикина в течение 6 лет добивалась разрешения выйти замуж за профессора из Уэльса по имени Мервин Оуэнс.

«Миллионера» на «лавочника»

В апреле 1964 года советский разведчик-нелегал Конон Молодой, он же Гордон Лонсдейл, был обменян на агента британской разведки – предпринимателя Гревилла Винна. Первый был осужден на 25 лет тюремного заключения, а второй – на 8 лет.

Гревилл Винн выполнял обязанности связного. Он регулярно встречался полковником ГРУ Олегом Пеньковским, который сотрудничал с американской и британской разведкой. Об этом предателе написано достаточно много¹¹³, поэтому мы не будем рассказывать его биографию.

Советский разведчик-нелегал

Конон Молодой родился в Москве в семье научных работников. Отец – физик Трофим Молодой и мать – Евдокия Молодая, профессор-хирург НИИ протезирования. Отец умер, когда Конону было 7 лет. Матери одной пришлось воспитывать двоих детей.

В 1931 году из Америки на несколько дней в Москву приехала ее старшая сестра Анастасия (переехала в Америку в 1914 году) и предложила забрать детей в Калифорнию. Конон согласился. Но возникли проблемы с визой – американцы не хотели впускать в свою страну ребенка советских служащих. Тогда кто-то из родственников обратился к будущему руководителю НКВД Генриху Ягоде. Тот дал команду, и в церкви, где когда-то крестили Конона, переписали метрику, «сделав» его внебрачным сыном отца и младшей сестры матери, проживавшей в Эстонии. У нее, в Тарту, мальчик и дождался американской визы.

В 1938 году он вернулся на родину. Тетя Анастасия не хотела отпускать его обратно в СССР. К тому же другая близкая родственница имела в Париже весьма прибыльное дело - «Школу русского балета» - и хотела сделать Конона единственным наследником значительного капитала. Она даже фиктивно усыновила его. Но шестнадцатилетний юноша буквально взбунтовался и вскоре вернулся в Москву, где продолжил обучение в 36-й средней школе, которую окончил в 1940 году. В октябре того же года был призван в армию.

С июня 1941 года - на фронте. Войну закончил в должности помощника начальника штаба разведывательного дивизиона 140-й армейской пушечной артиллерийской Смоленской Краснознаменной ордена Суворова бригады (31-я армия 3-го Белорусского Фронта).

В 1946 году демобилизовался в звании лейтенанта и поступил на юридический факультет Академии внешней торговли. В академии изучал китайский язык. В 1951 году по окончании вуза остался преподавать в нём китайский язык. Участвовал в написании учебника китайского языка.

С 1951 года работал в органах внешней разведки. Прошел спецподготовку в качестве разведчика-нелегала.

В начале 1954 года Молодой прибыл в Канаду по поддельным документам. Он пробыл там несколько месяцев, получил подлинные документы и стал Гордоном Лонсдейлом (настоящий Лонсдейл действительно существовал и погиб при невыясненных обстоятельствах в 1943 году).

Затем он переехал в США якобы для получения образования. Оттуда он переехал в Великобританию в марте 1955 года якобы с целью продолжить своё образование (изучать китайский язык).

Лонсдейл (псевдоним «Бен») должен был внедриться в английские военные круги и собирать информацию о британских и американских военно-воздушных и военно-морских базах и об английских разработках в области эксплуатации ядерных реакторов на подводных лодках и создания бактериологического оружия.

В частности, он должен был добывать информацию о крупнейшем подводном исследовательском центре ВМС Англии на военно-морской базе в Портленде. Там проектировались атомные подводные лодки, аппаратура опознания «свой-чужой», средства поиска и защиты, вооружение. Также там трудился агент советской разведки Гарри Хаутон. Он был завербован в 1951 году советской разведкой в Варшаве, где трудился шифровальщиком в британском посольстве.

В связи со злоупотреблением спиртными напитками Хаутон через несколько лет был переведен в Англию, где работал в кадровом аппарате центра ВМС в Портленде.

Вскоре с помощью Хаутона к сбору секретных материалов была привлечена его знакомая Этель Джи. Она занималась светокопировальными работами и имела допуск ко всем секретным документам и чертежам. Это был чрезвычайно важный источник информации. Именно с ее помощью Лонсдейл получал самые важные материалы. Оценивая работу этой нелегальной резидентуры, можно сказать, что Советский Союз знал о подводном флоте Англии столько же, сколько Адмиралтейство Ее Величества. Иными словами - практически все.

Благодаря общительному характеру и таланту Конон Трофимович Молодой становится преуспевающим предпринимателем. Сначала на деньги КГБ он открывает фирму по продаже торговых автоматов, а затем предприятие по производству и

сбыту автомобильных противоугонных устройств. Электронный замок, изобретённый на одном из предприятий Лонсдейла, в 1960 году на выставке в Брюсселе получил золотую медаль. В Лондоне Лонсдейл ведёт светский образ жизни, его знают в лучших лондонских клубах. Он много ездит по стране и заводит нужные знакомства.

В Англии у Лонсдейла было несколько автомобилей, загородная вилла, роскошные номера в лучших отелях Лондона. Всё это он приобрёл на свои деньги. Незадолго до ареста королева Великобритании пожаловала Лонсдейлу рыцарский титул «за большие успехи в развитии предпринимательской деятельности на благо Соединённого Королевства».

Связь с Центром Конон Молодой осуществлял через своих радистов – советских разведчиков-нелегалов Мориса и Леонтину Коэн (оперативный псевдоним «Дачники»), живших в Англии по документам новозеландцев Питера и Хелен Крогер. Они не только поддерживали радиосвязь с Москвой, но и регулярно встречались с сотрудниками посольской резидентуры и передавали последним копии секретных документов.

Провал произошёл, когда польский перебежчик Михал Голеневский¹¹⁴ сообщил ЦРУ, что Хоутон был завербован советской разведкой.

7 января 1961 года Хоутон и Лонсдейл были арестованы в момент передачи секретных документов. Суду не удалось доказать причастность Лонсдейла к советской разведке. Хоутон же до последнего думал, что продавал секреты американскому офицеру.

Суд присяжных начался 13 марта 1961 года и длился десять дней. Хоутон и Джи получили по 15 лет тюрьмы, супруги Крогер – по 20, а сам Лонсдейл – 25 лет.

1 октября 1970 года Конон Трофимович вместе с женой и друзьями поехал за грибами под Медынь, за 200 км от столицы. Вечером, сидя у костра, ужинали.

Молодой наклонился за грибом и вдруг повалился на траву, началась сильная рвота. Когда его довели до ближайшей больницы, было уже поздно. На следующий день в Москве произвели вскрытие тела и выяснили диагноз – обширный инсульт¹¹⁵. Похоронен на Донском кладбище Москвы. На мраморной плите его могилы выбито: «Конон Трофимович Молодой, полковник».

Английский связной

Гревилл Винн родился 19 марта 1919 года в семье шахтёра. Он окончил Ноттингемский университет по специальности «инженер-электрик». В годы Второй мировой войны Винн работал в британской службе военной разведки МИ-5. Впоследствии, с 1955 года, Винн стал работать на внешнюю разведку Великобритании – МИ-6. После окончания войны он стал заниматься коммерцией, основал две компании – «Гревилл Винн Лимитед» и «Мобайл Эксибишн Лимитед». Данные фирмы неоднократно выполняли роли представителей других, более солидных фирм, что позволяло Винну свободно ездить по всему миру. Т. к. он часто посещал страны Восточной Европы, то в 1955 году возобновил свое сотрудничество с британской разведкой. Правда, не в качестве кадрового сотрудника, а агента, который выполнял разовые поручения.

В декабре 1960 года, когда Винн прилетел в Москву, на контакт с ним вышел Олег Пеньковский. Встреча происходила в ресторане гостиницы «Националь». Винн передал письмо Пеньковского представителям

английской разведки и получил согласие на контакт с подполковником ГРУ.

20 апреля 1961 года в лондонском аэропорту Хитроу выехавший в заграничную командировку Пеньковский передал Винну два пакета с информацией. В тот же день он подписал акт вербовки, предусматривавший выполнение всех условий, поставленных Пеньковским.

За всё время своей деятельности Пеньковский трижды бывал в заграничных командировках, но для постоянной передачи информации необходим был постоянный канал связи. Именно Гревилл Винн стал связным Пеньковского. Так продолжалось более двух лет.

2 ноября 1962 года Винн был арестован в Будапеште спецслужбами Венгерской Народной Республики и на основании договора с СССР был передан его представителям. В Венгрию он прилетел для участия в торговой ярмарке.

7 мая 1963 года Пеньковский и Винн предстали перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. Процесс по делу британских разведчиков снимался на камеру и даже выборочно транслировался по телевидению. 11 мая 1963 года суд вынес приговор, по которому Пеньковский был приговорён к высшей мере наказания – смертной казни через расстрел, а Винн – к 8 годам лишения свободы с отбыванием первых 3 лет в тюрьме, а последующих 5 – в колонии строгого режима. 17 мая 1963 года приговор в отношении Пеньковского был приведён в исполнение¹¹⁶.

Также в соответствии с частным определением Верховного Суда СССР 12 сотрудников британского посольства, замеченных в связях с Пеньковским и Винном, были объявлены персонами нон-грата и высланы в Великобританию.

Гревилл Винн просидел в тюрьме 11 месяцев, после чего был обменян на советского разведчика Конона Молодого, он же Гордон Лонсдейл. В 1964 году в Великобритании вышла его книга «Человек из Москвы». 28 февраля 1990 года Гревилл Винн скончался в возрасте 70 лет.

Приложение 1. Воспомяна офицера внешней разведки и друга Конона Молодого Леонида Колосова об истории обмена

В начале ноября 1962 года Конон прочитал в газетах сообщение, которое сыграло определенную роль в его дальнейшей судьбе. Это была в общем-то небольшая заметка об аресте по обвинению в шпионаже Гревилла Винна, который часто ездил в Советский Союз и другие социалистические страны под видом коммерсанта, одновременно занимаясь шпионажем. Он был, скорее всего, не профессиональным разведчиком, а агентом британской секретной службы. Английские газеты печатали очень невразумительные сообщения об этом случае. Ясность внесла газета «Правда», которая все разложила по полочкам. Конону удалось достать родную газету, и тогда-то у него впервые мелькнула мысль о возможности обмена. Кстати, английский журналист Марк Блум в своих статьях о Молодом уверял, что тот якобы говорил, что стоит трех Виннов и что ему, «мастеру советского шпионажа», неудобно быть обменянным на такую мелкую сошку... Кстати, обсуждая позже возможность подобного обмена, английские газеты писали, что не в интересах Англии отдавать акулу за кильку или кита за пескаря. Ну а Конон Молодой думал иначе. Любой человек, побывавший с тюрьме, знает, что каждый заключенный

дорого бы дал, чтобы выйти оттуда любыми средствами. Поэтому реноме совершенно не волновало Конона. Он считал, что речь идет об обмене двух людей, которые в отличие от скота не имеют рыночной цены. Важно было, чтобы процесс пошел...

В какой-то момент Конону стало ясно, что английские власти вскоре предпримут по крайней мере еще одну попытку хоть что-нибудь выжать из него. На этот раз в их руках находилась весьма привлекательная приманка в виде действительной возможности обмена – при условии, что советский разведчик «расколется». Молодой думал об этом, но решил ил вообще отказаться обсуждать какие-либо условия с кем бы то ни было. В конечном итоге вопрос обмена был прерогативой Центра, а Конону было ясно, что если английская внешняя разведка сумеет убедить свое правительство в необходимости выручить Винна, то обмен произойдет независимо от желания контрразведки «поработать» с Молодым еще какое-то время.

Где-то в середине января 1963 года Молодого вызвал начальник тюрьмы, и между ними состоялся короткий разговор.

– Лонсдейл, мне только что звонили из Лондона. С вами хотят увидеться некие высокопоставленные джентльмены. Мне поручили узнать ваше мнение о встрече. Что мне им передать?

– Благодарю вас. Но у меня нет никакого желания видеть джентльменов...

Диалог, таким образом, закончился, едва успев начаться. Однако ровно через день Конона вновь вызвали к начальнику тюрьмы. Действо происходило утром. На этот раз его не ввели в кабинет, начальник сам вышел в коридор.

– Джентльмены прибыли. Они просят передать, что в ваших же интересах увидеться с ними.

- Я уже сказал, что не хочу видеть никаких джентльменов...

- Подождите меня здесь, я еще раз поговорю с ними.

Начальник тюрьмы вернулся в свой кабинет. Все двери были заперты, на почтительном расстоянии стояли два тюремщика. Видимо, им заранее сказали стоять подальше, чтобы они не могли слышать, что именно говорит своему арестанту начальник тюрьмы. Прошло минут десять. Вероятно, по мнению джентльменов, этого времени было достаточно, чтобы Молодой успел одуматься. Начальник тюрьмы снова вышел к нему.

- Лонсдейл это очень важные люди. Они приехали сюда из Лондона специально, чтобы поговорить с вами. Они просили передать, что хотят сказать вам нечто крайне важное для вас.

- Они могут ездить, куда им заблагорассудится. Им за это платят. Я же не намерен видеться с ними.

Начальник тюрьмы вновь принялся убеждать Молодого изменить свое решение. Несколько раз он говорил, что разговор может иметь для него решающее значение. В ответ он слышал его однообразное «нет». Наконец тюремщику надоел бесполезный диалог, и он приказал отвести своего подопечного в камеру.

В полдень его повели за обедом. После войны в английских тюрьмах ввели систему самообслуживания. Заключенные идут на кухню, где получают обед, разливаемый в глубокие металлические подносы, разделенные переборками на три части. Обед забирают в камеры. После обеда камеры отпираются и подносы выставляются прямо на пол за дверью.

По дороге в камеру Молодого перехватил главный надзиратель.

- Вас срочно хочет видеть губернатор.

- А куда мне девать поднос с обедом?

- Отдайте его тюремщику. Потом получите новый.

На этот раз Конона провели в другую комнату, где его поджидал начальник тюрьмы.

- Джентльмены все еще надеются увидеться с вами... Вы не передумали?

- Нет, не передумал.

- Тогда они просят вас принять письмо. Его содержание мне неизвестно. Вы возьмете его?

- Давайте.

Письмо было кратким и конкретным:

«Уважаемый мистер Лонсдейл! Мы хотели обсудить с Вами:

а) Возможность Вашего освобождения в будущем году.

б) Ваш возможный обмен на британского подданного.

Заинтересованы ли в том, чтобы обсудить с нами эти вопросы?»

Подпись была неразборчивой, видимо, не без умысла...

Утверждают, что первая ласточка не делает весны. Но Молодой воспринял эту ласточку как предвестницу возможного освобождения. Посему он попросил губернатора передать джентльменам, что готов обсудить упомянутые ими вопросы, но только в присутствии адвоката, господина Харда, чтобы иметь свидетеля разговора...

Однако джентльмены не захотели разговаривать при свидетеле. Видимо, характер предложений джентльменов был таков, что они не захотели говорить в присутствии кого бы ни было. Было ясно, что это – последняя попытка контрразведчиков любыми правдами и неправдами выудить у советского шпиона интересующие их сведения. У них оставался один-единственный козырь – это его свобода. Но Молодой был полон решимости не идти ни на какую сделку...

А несколько месяцев спустя жена Конона Молодого, Галина, сообщила ему, что направила советскому правительству просьбу обменять Гревилла Винна на мужа. Она была почему-то уверена, что советское правительство удовлетворит эту просьбу. Ее надежды неожиданно оправдались. Галина сразу же написала об этом госпоже Винн. Сообщив ей о благоприятном ходе дела, она попросила ее со своей стороны обратиться по этому вопросу к английскому правительству, поскольку была убеждена, что и английское правительство захочет помочь Винну в его беде.

Осталось тайной, что именно предприняла госпожа Винн. Возможно, решающую роль сыграли советы, которые ей дал муж, когда она посетила его в Москве в марте 1964 года. Во всяком случае, 9 апреля 1964 года Конону Молодому стало понятно, что английское правительство приняло решение об обмене. В тот день, вскоре после обеда, его неожиданно отвели к начальнику медицинской службы тюрьмы. Заключение в принципе ни на что не жаловался и не мог сначала понять, почему начальник решил лично осмотреть его. Тем более что тот никогда не занимался этим и, по существу, был, в общем-то, не врачом, а администратором. Медицинский осмотр был первым с момента ареста Молодого в январе 1961 года, продолжался более часа и велся с предельной тщательностью. В конце осмотра начальник медчасти довольно долго беседовал с заключенным. По характеру беседы тот понял, что он пытается определить состояние его психики...

Прежде чем уйти, Конон спросил, почему его вдруг решили подвергнуть столь тщательному медицинскому осмотру. Немного смутившись, врач после минутного колебания ответил, что решил осмотреть всех осужденных на длительный срок. Таких заключенных в бирмингемской тюрьме было менее десятка, и

советский разведчик знал всех. Поэтому до конца дня ему удалось установить, что, кроме него, никого к врачу не вызывали. Вот тогда-то он и понял, что, по всей вероятности, пришла пора складывать вещи и готовиться в путь...

Утром 21 апреля 1964 года сразу же после завтрака Конона отвели в баню. Едва он успел раздеться, как в баню вбежал тюремщик Берджес. Он заведовал тюремной «приемной», где происходило оформление заключенных при поступлении в тюрьму и при выходе из нее. Увидев своего подопечного в костюме Адама, он крикнул, чтобы тот срочно одевался и шел к начальнику тюрьмы. Быстро одевшись, Молодой прошел с ним в свою камеру. По дороге Берджес сказал, чтобы Молодой как можно быстрее собрал свое имущество. Зайдя в камеру, он увидел, что у Конона много книг, банок с сахаром, маргарином и прочим барахлом, которое накопилась за время заключения. Под кроватью Конона хранился картонный ящик, который он припас сразу же после медицинского осмотра. Имущество было сложено. Не задерживаясь, оба направились в «приемную». Там Молодой переоделся, перевязал веревкой ящик с книгами, который принес из своей камеры, и другой, хранившийся вместе с одеждой в «приемной». Затем ему выдали «ценности». Он расписался в их получении и был очень доволен, что в свое время проследил, чтобы эти предметы были зарегистрированы в описи отобранных у него вещей. Все-таки память об «английском» периоде жизни. После этого Берджес отвел Конона в кабинет начальника тюрьмы мистера Харриса. Помимо него, в кабинете находились еще двое. Один из них оказался важным чиновником из министерства внутренних дел. Другой незнакомец назвался представителем бирмингемской полиции. Ему, оказывается, было поручено сопровождать Молодого до самолета.

Харрис представил всех друг другу. Представитель министерства внутренних дел сказал, что у него есть пакет, который должен быть вскрыт только в присутствии Молодого. Достав из кармана большой конверт, он демонстративно сломал сургучные печати. Внутри был другой конверт, поменьше, который он передал начальнику тюрьмы. Этот тоже показал печати и вскрыл конверт. Затем он принялся читать довольно длинный документ, написанный на принятом в Англии официальном жаргоне, о котором сами англичане говорят: «К чему писать одно слово, когда его можно заменить пятью». Содержание бумаги сводилось к тому, что в соответствии с тюремными правилами от марта 1964 года господину Гордону Лонсдейлу предоставляется временное освобождение. Его доставят на базу королевских военно-воздушных сил в Западном Берлине и обменяют на британского подданного. Если по какой-либо причине обмен не состоится, советского разведчика доставят обратно в Соединенное королевство и он добровольно отдаст себя в руки тюремных властей...

Закончив читать этот документ, начальник тюрьмы показал подпись заместителя министра внутренних дел. При этом он сказал, что счастлив поздравить бывшего заключенного с освобождением и желает удачи. Остальные тоже присоединились к нему.

Наконец, наступило для Молодого время начать путь к свободе. Старший полицейский чин, который должен был сопровождать его до самолета, извиняющимся голосом сообщил, что ему приказано надеть на освобожденного арестанта наручники, хотя он сам не видит в этом никакой необходимости в данных обстоятельствах.

Конон попрощался с начальником тюрьмы Харрисом, поблагодарив за человеческое отношение к нему. Харрис промолчал в ответ и лишь пожелал счастливого пути.

Напоследок он пожал своему бывшему подопечному руку и неожиданно сказал по-русски: «До свидания»...

В тюремном дворе Молодого усадили на заднее сиденье одной из ожидавших там машин. С двух сторон от него сели полицейские в штатском. Один – старший чин, а другой сравнительно молодой сыщик, к которому Конон был прикован наручниками. Рядом с шофером пристроился один из руководящих работников английской контрразведки. Автомобиль со всей компанией выехал через тюремные ворота. За воротами к ним присоединилась вторая машина. Заметив это, Молодой спросил старшего полицейского:

– Неужели вы действительно думаете, что я брошусь назад и попытаюсь ворваться в вашу тюрьму?

– Я этого не думаю, – ответил тот. – Вторая машина сопровождает нас на случай поломки нашего автомобиля. Мы должны прибыть на аэродром точно в назначенное время. Машина мчалась по хорошо знакомым Молодому местам. Когда съехали с автострады, он понял, что его везут на военный аэродром Нортхолт. На аэродром въехали через специальные ворота с надписью «Для особо важных лиц». Моторы ожидавшего самолета военной транспортной авиации уже были запущены и работали на малых оборотах. Автомашина подъехала прямо к трапу. Водитель достал из багажника два ящика с имуществом Конона и отнес их в самолет. А в салоне его ждали новые телохранители – двое здоровенных парней в штатском. Контрразведчик снял с Молодого наручники и, передав его «штатским», удалился из самолета. Дверь самолета закрыл полковник королевских военно-воздушных сил. Не успели оттащить трап, как моторы взвыли и лайнер стал выруливать на взлетную дорожку. В салоне появился полковник. Встав по стойке «смирно», он отрапортовал Молодому о маршруте и продолжительности полета, а

также об ожидавшей в пути погоде. По-видимому, он ничего не знал и думал, что Конон действительно «особо важное лицо». Один из телохранителей принялся украдкой махать ему рукой, пытаясь остановить его рапорт. Но все было безуспешным. Отрапортовав до конца, полковник предложил выпить кофе, пока будет приготовлен обед. Молодой с удовольствием выпил чашку настоящего кофе, с нетерпением ожидая обещанного обеда...

Примерно через три часа после вылета самолет приземлился на авиабазе Гатов в английском секторе Западного Берлина. Охранники нервничали все больше и больше. Старший предупредил Молодого, что они вооружены и имеют приказ стрелять, если «сэр попытается бежать». Бормоча что-то о том, что приказ есть приказ, старший телохранитель вновь надел на Конона наручники перед тем, как он вышел из самолета. В это время в кабине появился полковник, у которого чуть было не отвалилась челюсть от одной мысли, что он прислуживал заключенному...

...Ну а потом автомобиль с Молодым и компанией миновал западноберлинский контрольный пропускной пункт и, не останавливаясь, въехал в нейтральную зону. Было пять часов двадцать пять минут утра, а обмен был назначен на пять тридцать. Машина прибыла на пять минут раньше срока. Пришлось немного подождать. Дымка рассеивалась.

Ровно за тридцать секунд до назначенного времени поднялся шлагбаум на границе Германской Демократической Республики. Оттуда выехала автомашина. Она развернулась и остановилась на левой стороне шоссе. С англичанами была достигнута договоренность считать середину шоссе условной границей. Там даже была проведена белая линия длиной в несколько метров. Из подъехавшей машины вышел один человек. Молодой сразу же узнал его. Это

был один из старых коллег по разведке. Он приблизился к машине с очень важным выражением на лице и сделал вид, что впервые увидел Молодого. Из другой машины на противоположной стороне шоссе вышли четыре человека. Среди них был и Винн. Он выглядел усталым и вроде бы немного испуганным, а может быть, это только показалось Молодому...

Участники обмена с обеих сторон построились лицом друг к другу вдоль осевой линии шоссе. Советский консул произнес слово «обмен» на русском и английском языках, и Конон оказался в машине, где уже сидели свои. Автомобиль умчался на территорию Германской Демократической Республики. Миновав домик пограничного контрольного пункта, он остановился. Из багажника вынули чемоданы Винна и отнесли их за шлагбаум, чтобы обменять на багаж Молодого...

Источник: Колосов Л., Молодой Т. Мертвый сезон: конец легенды. – М., 1998. – С. 188-194, 197-202.

Приложение 2. Гревилл Винн

Произнеся формулу: «Именем Союза Советских Социалистических Республик», судья зачитывает приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, который начинается с краткого перечня преступлений, совершенных обоими подсудимыми, и заканчивается так:

«Олег Владимирович Пеньковский, виновный в измене Родине, приговаривается к высшей мере наказания – расстрелу, с полной конфискацией имущества.

Гревилл Мейнард Винн, виновный в шпионаже, приговаривается к лишению свободы сроком на восемь лет, с отбытием первых трех лет в тюрьме и

последующих - в исправительно-трудовой колонии строгого режима».

Услышав приговор Алексу (Олегу Пеньковскому - прим. авт.), толпа разражается бурными аплодисментами, слышны радостные выкрики. Алекс неподвижно стоит лицом к залу. При оглашении приговора мне проносится шумок одобрения, но хлопают уже меньше: представители трудящихся Москвы пришли сюда не ради меня.

Алекса выводят из зала. Больше я его никогда не увижу.

Меня ведут в приемную, где вскоре появляется Шейла (супруга - прим. авт.).

На свидание нам дают час. Мы обнимаемся и садимся, оба молчим, не зная, что сказать друг другу. Да и что можно сказать? Наконец она все-таки прерывает молчание: рассказывает о том, что по совету сопровождавшего ее английского дипломата, опасавшегося враждебной реакции толпы, не была в зале во время оглашения приговора, а услышала его в вестибюле по громкоговорителю.

Она не делает никаких комментариев, не пытается подбодрить меня, и я признателен ей за это. То, что нам предстоит, - ей и мне - слишком значительно, слишком ужасно, чтобы это можно было выразить словами. И ничего нельзя исправить. Поэтому мы говорим о всяких мелочах.

Наше свидание подходит к концу. Я не осмеливаюсь поцеловать Шейлу на прощание - только прикасаюсь своей щекой к ее и долго смотрю ей в глаза. Потом меня уводят.

И вот я снова на Лубянке. Десять дней в одиночной камере. Меня никто не посещает и не допрашивает. Больше всего я думаю об Алексее: мне кажется, что он еще жив, что, если бы он умер, я бы обязательно это почувствовал....

Я ничего не вижу, потому что у меня закрыты глаза. Надо поднять веки: я лежу на койке во Владимирской тюрьме. Женщина-врач кладет на тележку кислородную маску и склоняется надо мной. В руку мне вонзается игла.

Значит, они не хотят, чтобы я умер! Такова моя первая мысль. Вывод очевиден: что бы они ни делали, что бы со мной ни происходило, мое положение в корне отличается от положения других заключенных. Мне приносят еду – даже дают мясные кубики. И еще несколько таблеток из тех витаминов, которые прислала Шейла. Меня держат в постели и каждый день делают уколы. Качество пищи улучшается: в моем рационе появляется мясо. Конечно, это не то, что называют мясом на Западе, но все-таки.

Я также получаю молоко и белый хлеб. Наконец, мне дают книги и английские журналы (с вырезанной фоторекламой – чтобы тюремщики не видели, как загнивают на Западе) плюс бумагу и карандаш, чтобы я мог написать домой.

Но самое главное – мне не дают умереть. Я по-прежнему все еще кожа да кости и изможден до такой степени, что, когда меня после недельного пребывания в кровати хотят вывести на прогулку, я едва не теряю сознание, встав на ноги. Но я жив – и мне дадут жить. Крошечный огонек, который еще теплится во мне, не задувают.

Словом, я более или менее доволен своим нынешним положением, как вдруг у меня появляется сокамерник: худосочный, отталкивающего вида русский юноша. Вероятно, опять подсадной. Имя у него трудное, поэтому я называю его Макс. Он не нравится мне с первого же взгляда. У него близко поставленные глаза и скулящий голос.

Мысль о том, что нам придется пользоваться одной парашей, вызывает у меня отвращение. Я жалуюсь

надзирателю, но тот советует подать заявление Шевченко. Заявление я подаю, но ничего не происходит. Тогда я решаю избавиться от Макса сам. Лучший способ – затеять драку.

Впрочем, драка – это громко сказано, потому что Макс едва ли в лучшей форме, чем я. Правда, всегда можно споткнуться и разбить себе голову о стену, но, уверен: как бы они ни относились к Максусу, они предпочтут сохранить мою голову в целостности и сохранности, ибо в ней еще содержится немало интересного для них. И вот в одно прекрасное утро я бросаюсь на Макса с громким боевым кличем и наношу ему удар кулаком в живот. Но наша схватка еще толком не началась, как нас разнял ворвавшийся в камеру охранник. С тех пор Макса я больше не видел.

Мои крестики говорят о том, что наступил февраль.

Моего рациона хватает только на поддержание жизни, но недостаточно, чтобы сопротивляться холоду – такому же беспредельно жестокому, как и многое другое в этой стране. После моего коллапса допросы прекратились, и я предоставлен самому себе в течение всех долгих холодных ночей и коротких холодных дней. Когда дует леденящий ветер, я рад, что нахожусь в четырех стенах. Через крохотное окно я вижу заснеженную тюремную территорию, по которой утром гонят на работу бригады заключенных: цепочки отверженных в истертых, драных одеждах. Вечером, спотыкаясь и скользя, они бредут назад.

Однажды утром меня вызывает Шевченко. Рядом с ним почтительно стоит переводчик. По своему обыкновению развалившись в кресле, толстый, небритый, грязный и злобный, Шевченко многообещающе говорит: «А-а, вы пока еще живы! Думаю, теперь вы можете себе представить, что с вами случится, если вы не скажете нам правду, а будете по-прежнему глупо лгать. Мы решили показать вам, чем

Владимирская тюрьма может стать для тех, кто упрямится. Надеюсь, что вы образумились – время еще есть!» Он смотрит на меня тяжелым взглядом. Глаза его налиты кровью.

Итак, прощайте книги, бумага и карандаш. Больше никаких сигарет и мяса в супе. Из моего рациона исчезает молоко, а белый хлеб заменяется на грубого помола черный. Прогулки только два раза в неделю, бриться запрещено. Снова применяется тактика кнута. Но мне все равно: разочарование для меня – уже давно забытая эмоция.

Когда в камеру мне приносят посылку из дому – шоколад, питательную белковую пасту, сигареты, быстрорастворимый кофе – и просят расписаться в получении, а потом сразу же уносят все назад, я не испытываю никаких чувств, поскольку ничего другого и не ожидаю. Каждые несколько дней меня вызывает Шевченко: он кричит и угрожает, а я повторяю, что во всем уже давно признался и добавить мне нечего, и при этом напоминаю себе, что они меня не убьют – во всяком случае умышленно. Но иногда я просыпаюсь ночью, охваченный страхом, что они могут плохо рассчитать необходимый мне минимум пищи и тогда маленький, трепещущий огонек моей жизни просто тихо погаснет.

Мы в Англии не знаем, что такое настоящая зима, – здесь, во Владимире, я это понял. Глядя в окно на замерзших, с трудом передвигающих ноги узников, обреченных на смерть если не этой зимой, то следующей или той, что наступит после нее, – просто потому что они слишком холодные, чтобы жить, – я понимаю, почему древние боготворили солнце, согревающее тело, и землю, которая дает пищу этому телу; понимаю, почему самые разные религии празднуют наступление весны, когда в землю бросают семена, и приход осени, когда собирают урожай;

понимаю, почему Рождество отмечают не в самый короткий день года, а сразу после него. Потому что прежний год умер и начинается новая жизнь.

Советские заключенные редко выходят из Владимирской тюрьмы живыми. Если их срок подходит к концу, им дают новый. Их почти гарантированное будущее – яма в земле. Зимой стены и дно ямы покрыты коркой льда, летом в ней грязь – но какая разница? Почему же они все-таки плетутся на прогулку в своих загонах, рассказывают друг другу невеселые анекдоты и рискуют быть до полусмерти избитыми из-за какой-нибудь сигареты? Почему они предпочитают гнить заживо в своих камерах?

Им не на что надеяться, но они все-таки надеются. На что? Почему они не предпочитают быструю смерть? Никакого ответа, никакого объяснения этому нет. Сила жизни слепа – она не понимает, что такое безнадежность.

Наступает март. Я очень ослаб и вновь близок к тому состоянию апатии и головокружения, которое предшествовало моему коллапсу. Шевченко перемежает нравоучения с криками, и, хотя я отказываюсь стоять по стойке «смирно», просто стоять все-таки приходится. Если я не падаю прямо во время допроса, то только потому, что на ногах меня держит презрение к Шевченко.

Уже почти полтора года я в тюрьме. Когда я вычитаю этот период из моего пятилетнего срока, остаток меня ужасает. Бесполезно строить планы на все оставшиеся три года и восемь месяцев: единственный разумный подход – жить изо дня в день. Если со мной случится еще один коллапс, они наверняка снова меня вытащат. Тогда я опять проведу неделю в кровати, и мне будут давать мясные кубики и белковую пасту. Они не дадут мне умереть, не осмелятся! Я выкарабкаюсь – если только они не ошибутся в своих расчетах. Но

каковы мои шансы? Охранник смотрит на меня как-то по-особенному: так смотрят на уродцев в балагане. Живой труп! Ходячий скелет! Давай, давай, тащись! Однако насчет охранника я ошибся.

Однажды утром моя дверь сотрясается от ударов, и в окошке, через которое подают пищу, появляется его сердитое лицо. Он орет на меня, словно я совершил тягчайший проступок. Я не понимаю, что он выкрикивает, но по движению его головы догадываюсь, что рядом с ним находится кто-то из его собратьев. Пока я стараюсь понять, чем все это вызвано, охранник подмигивает мне и быстро просовывает через окошко левую руку, в которой держит бутерброд с колбасой. И так теперь повелось почти каждый день: он кричит на меня, чтобы не вызвать подозрения у своих товарищей, и протягивает что-нибудь съестное – кусочек мяса или шоколад... Я киваю и улыбаюсь, но он в ответ не улыбается – он просто дает мне еду, мой загадочный спаситель.

Сам по себе поступок поддерживает меня еще больше, чем пища. Во Владимирской тюрьме я почти забыл, что такое признательность, и это чувство придает мне силы. Пока я совершаю свои «восьмерки» в загоне для прогулок и мой желудок благодарно переваривает шоколад, я с теплотой думаю об охраннике с хмурым славянским лицом и доброй левой рукой. Мясо и шоколад дают мне силы с радостью заниматься физическими упражнениями и не бояться могучих порывов русского ветра, который дует над Владимиром с Рождества. Это совсем не то что английский ветер, выворачивающий наизнанку зонтики, срывающий с крыши одну-две черепицы или обрушивающий волны на побережье в Брайтоне. Ветер, дующий над просторной равниной, где расположен Владимир, кажется, зарождается где-то очень далеко;

он стремительнее и свирепее, чем ветер, который бывает в Англии.

В середине марта ветер становится не таким жестоким и уже меньше завывает по ночам. Мороз ослабевает. Однако, едва лишь я успеваю осознать, что зима кончилась, как меня снова везут в Москву, на Лубянку. Как и прежде, со мной едет весь мой багаж, но на этот раз мне выдают мой собственный костюм и везут не в вагоне, а в зашторенной машине. Рядом тюремный надзиратель и два конвоира. Очень давно я уже проделал такое же путешествие, но только в сторону Владимира. Как и в тот раз, я смотрю в ветровое стекло: передо мной обширная, покрытая грязью равнина. Однако сейчас я так сильно ослаблен, что путешествие кажется бесконечным. По прибытии на Лубянку мне дают немного мяса и молока. Почему вдруг такое улучшение? Впрочем, бесполезно задаваться подобными вопросами, все равно не угадать.

Два дня мне выдают дополнительное питание и витамины в таблетках, а на третий сообщают, что в Москве находится моя жена. На свидание с ней меня везут в здание Верховного суда под присмотром надзирателя с Лубянки.

Мы входим в комнату, где я вижу Шейлу и рядом с ней – Борового, моего адвоката. На лице Шейлы мелькает выражение ужаса. Потом, много времени спустя, она признается, что с трудом узнала меня в этом изможденном, больном существе. Но теперь она быстро берет себя в руки и целует меня. Я замечаю, что Боровой тоже поражен моим видом, и говорю ему: «Посмотрите же на меня хорошенько, господин Боровой: вы довольны собой?»

Время нашего свидания ограничено. Мы не упоминаем о тюрьме. Разговор идет об Эндрю, о друзьях, о доме... Шейла все время смотрит на меня так, словно хочет взглядом передать мне часть своих

сил. В ходе нашей беседы она вставляет: «Я не могу сказать определенно, но, по-моему, появились кое-какие надежды: возможно, скоро будут хорошие новости». Я не придаю особого значения этим словам. Она, разумеется, пытается подбодрить меня, потому что я ужасно выгляжу, – это читается в ее глазах.

На следующее утро меня ведут на допрос. В кабинете находятся незнакомый мне русский генерал, два переводчика и следователи, представляющие все страны-сателлиты, кроме Польши. Допросы продолжаются неделю. С кем я встречался? Кто эти люди на фотографии? С кем я виделся в такой-то гостинице?

Не знаю. Нет, это не соответствует действительности.

Нет, нет, я никогда не видел этого человека.

К концу недели генерал сильно повышает голос и начинает угрожать. Он требует от меня подписать бумагу о том, что я был английским разведчиком, но теперь готов сотрудничать с Советами. Если я не подпишу, предупреждают меня, то Московское радио передаст в эфир вот эту магнитофонную запись. Мне дают ее послушать: это фальшивка, смонтированная из кассеты, на которую была записана моя давнишняя беседа с Куликовым, сделавшим мне свои коварные предложения. Мои слова вырезали и переставили таким образом, чтобы создалось впечатление, будто я на все согласился. Теперь, говорят мне, весь мир узнает, что я предал не только Пеньковского, но и английский народ, будучи двойным агентом Советов.

Я не подписываю и скоро опять оказываюсь в своей камере во Владимирской тюрьме, в своей арестантской одежде и во власти Шевченко.

В течение нескольких дней он повторяет свои старые угрозы и издевательства. В общем, надо опять готовиться переносить все проявления его скотской

натуры. Тем временем в моей камере устанавливают вторую койку, и я получаю нового сокамерника.

Он лучше своих предшественников. Хотя он русский, я называю его Чарлз. У него глубокий, хрипловатый голос.

Он довольно прилично говорит по-английски, от него не пахнет потом, а по сравнению с омерзительным Максом он почти джентльмен. У него усталое выражение лица человека, искушенного в житейских делах, и, хотя я не собираюсь довериться ему настолько, чтобы сообщить какие-нибудь интересующие моих следователей сведения, я отнюдь не возражаю ни против партии в шашки, ни против некоторого улучшения моего рациона. Нам выдают несколько книг и журналов. Я выслушиваю грустную повесть о том, как Чарлз был пойман на левом бизнесе.

Кажется, он был директором гастронома на улице Горького. Одним из основных товаров в его магазине были лимоны, которые доставлялись из Грузии по железной дороге. Поняв, что на свою государственную зарплату он никогда не сможет жить хорошо, Чарлз разработал простой и эффективный план: заказать шесть вагонов с лимонами, а в документах отметить только пять. За шестой вагон, разумеется, тоже надо было заплатить, но зато вся прибыль, которую самым несправедливым образом полагалось делить с государством, достанется ему.

Поначалу все шло хорошо, и Чарльз уже предавался мечтам о радужном будущем. Но однажды на железной дороге произошла авария, и вагоны где-то застряли. Несколько недель дорогостоящие лимоны были вне пределов его досягаемости. Когда наконец власти обнаружили вагоны и вскрыли их, оказалось, что все лимоны сгнили.

Следствие изучило документы, установило истину, и Чарлз получил пятнадцать лет.

Мы прожили с ним больше месяца, ни разу не поссорившись и пробежав вместе не одну милю «восьмерок» в загоне для прогулок. За этот период меня реже вызывали на допросы к Шевченко. Чарлз сделал несколько вялых попыток расколоть меня, но довольно быстро прекратил это. Наверное, он заверял их, что ему нужно время для моей обработки. Думаю, ему просто нравилось наше странное и грустное товарищество.

Вскоре Чарлза переводят в другую камеру как не справившегося со своей задачей. Спустя несколько дней мне снова приказано собрать вещи и одеться в гражданский костюм. Вероятно, предстоит очередное путешествие на Лубянку. Напоследок я решаю сыграть маленькую шутку, потому что в это утро Шевченко был особенно агрессивен. Перед отъездом мне разрешают принять душ. Раздевшись, я должен положить на стопку тюремной одежды свою. Но день выдался очень холодный, поэтому, когда охранник поворачивается ко мне спиной, я снова натягиваю на себя арестантскую униформу, а сверху надеваю гражданскую рубашку и костюм. Мне даже удается засунуть в чемодан тюремные ложку с кружкой. Эти преступления неизбежно будут раскрыты, и если я вновь вернусь во Владимир, то буду наказан. Ну и пусть. Этот охранник – такой же сукин сын, как и Шевченко. Мой ослабевший рассудок упрямо хочет сыграть с ними шутку и нисколько не заботится о последствиях.

Меня сажают в машину и везут по скверной дороге на Лубянку, где я провожу три дня в ожидании очередной серии допросов. Но вместо допросов меня доставляют на аэродром и, прежде чем я успеваю сообразить, что происходит, мы уже летим в безоблачном небе. Никто со мной не разговаривает. Естественно, меня интересует, куда мы летим. Сначала в голову мне приходит мысль, что меня переправляют

для дальнейших допросов в одну из стран-сателлитов, Чехословакию или Венгрию. Но потом, поскольку заняться все равно больше нечем, я начинаю делать в уме некоторые расчеты. Конечно, я не штурман, да и часов у меня нет, но примерно определить время можно. Я вижу, что солнце находится слева по курсу: значит, мы летим в западном направлении, и Балканы исключаются – они расположены значительно южнее. Остается только один пункт назначения... и тут у меня возникает шальная мысль... На этом я прекращаю свои расчеты, боясь тех надежд, которые они порождают. Однако, когда мы приземляемся, я вижу надпись на немецком языке.

Следовательно, я был прав: мы в Восточной Германии.

Меня привозят на машине в расположение советской воинской части, где я встречаюсь с советским консулом, который хорошо говорит по-английски. От него я узнаю, что посланные мне женой деньги – около тридцати фунтов – теперь будут мне вручены, но не наличными. Меня мало интересуют эти деньги, однако для проформы я все-таки протестую. Консул вежливо, но твердо стоит на своем: опять спрашивает, что я предпочитаю получить на эту сумму. Я соглашаюсь на икру...

Ночь я провожу в реквизированном доме, под усиленной охраной. Меня будят еще до рассвета, кормят хорошим завтраком и сажают в машину, между двумя дюжими охранниками. Мы едем куда-то за город. Машина останавливается возле здания, похожего на ангар. Больше часа мы сидим в полной тишине, потом к машине подходит консул и обращается ко мне: «Вы сейчас завернете за угол. Если вы скажете хоть слово или попытаетесь бежать, то будете застрелены!»

Мы объезжаем ангар. Впереди – граница. Когда я выхожу из машины, охранник крепко держит меня за

руку.

Повсюду много солдат с автоматами, биноклями и сторожевыми собаками. На треножнике установлена мощная подзорная труба.

За воротами лежит узкая полоса ничейной земли. С другой стороны границы подъезжает какая-то машина.

Два человека с обеих сторон торжественно идут навстречу друг другу, обмениваются несколькими словами и проходят дальше для опознания. Тот, кто подходит ко мне, одет в белый плащ. Я узнаю его! И Алекс тоже его узнал бы! Этот человек с Запада опознает меня. Его коллега с Востока совершает аналогичную процедуру по другую сторону границы.

Наконец после длительных обменов жестами, которые происходят в полном молчании, меня выводят на середину нейтральной полосы, где я встречаюсь с человеком, арестованным на Западе. Я знаю его: это русский шпион, действовавший под именем Лонсдейла. Он выглядит здоровым и упитанным. Волосы у него длинноваты – но ведь он давно не был в Советском Союзе...

Ему устраивают радушный прием.

Радушно встречают и меня: я – гость командира авиабазы британских ВВС. Его жена наливает мне горячую ванну и угощает чудесным завтраком. А потом появляются пятеро моих старых знакомых, среди которых – Джеймс (человек предложивший Винну в 1955 году возобновить сотрудничество с британской разведкой – прим. авт.) собственной персоной! Он приветствует меня с истинно британским энтузиазмом: «Гревил, вы чертовски скверно выглядите!»

Мне трудно поверить, что я действительно на Западе, в безопасности, и рядом со мной – Джеймс и его друзья.

Мне по-прежнему трудно поверить в это, пока я в качестве единственного пассажира лечу в Англию.

Уверенность приходит постепенно. На сердце у меня тяжело, оттого что спастись удалось только мне одному. Алекс остался там, и я знаю: даже если он еще жив, ему никогда не вырваться оттуда....

Источник: Винн Г. «Человек из Москвы» // перевод с английского Юрия Зыбцева.

Обменяли по курсу один к одиннадцати

В мае 1982 года при участии разведслужб ФРГ был произведен обмен разведчика-нелегала Алексея Козлова на десятиерых разведчиков ФРГ, арестованных в ГДР и СССР, и одного военнослужащего армии ЮАР, захваченного в плен в Анголе.

Кратко расскажем об этом человеке. Он родился 21 декабря 1934 года в посёлке Опарино Кировского края (ныне Кировской области).

В 1943 году поступил в Вологодскую школу № 1, которую закончил с серебряной медалью. Журналисту Николаю Долгополову он рассказал: «Был у меня прекрасный учитель немецкого языка – Зельман Шмулевич Щерцовский. В 1939 году, когда Польшу оккупировала Германия, он бежал в Советский Союз от нацистов. Здесь отправили молодого парня в Вологду на поселение. Закончил пединститут и преподавал у нас немецкий. Знал его в совершенстве и с нас много требовал. У меня с ним сложились замечательные отношения. Именно он очень помог мне при подготовке в институт».

С первой попытки поступил в Московский институт международных отношений, где изучал немецкий и датский языки. На последнем курсе института был направлен на практику в консульский отдел посольства Дании. После возвращения ему предложили работать в органах внешней разведки.

Николаю Долгополову он рассказал: «В 1959-м меня в первый и в последний раз вызвали на Лубянку – тогда улицу Дзержинского, дом 2. Спросили: где бы я хотел работать? Я ответил: только на оперативной работе – чтобы никаких писулук. Предложили стать

разведчиком-нелегалом... Взяли меня на подготовку. Причем была она очень короткой. Пришел учиться 1 августа 1959 года, а уже 2 октября 1962-го выехал на боевую работу в одну западную страну. Предварительно готовился в ГДР. Тогда это нам здорово помогало. Хотя и не всегда, потому что подхватил в Лейпциге саксонский диалект. И никогда не забуду, как вскоре, уже в Западной Германии, совершенно случайно разговорился в кафе с сотрудником криминальной полиции. И вдруг он меня спрашивает: вы, говорит, не отсюда, не из Брауншвайга? Нет, отвечаю, я – австриец. Он качает головой: странно, голову бы дал на отсечение, что вы – саксонец. Пришлось убеждать его, что мама моя – саксонка, отец – австриец. К счастью, моего соседа по столику, парня молодого, в тот момент больше интересовали сидящие рядом барышни».

А затем Козлов перебрался в Данию. И началась жизнь разведчика-нелегала. Первым делом нужно было приобрести рабочую профессию. Еще в Москве он выбрал работу технического чертежника. «В Копенгагене пришел в один технический институт, где в числе прочих готовили чертежников. Нужно было учиться три года. Сказал ректору, что хочу закончить за три месяца. Тот посмотрел на меня ошалело, но я спокойно объяснил, что чертить умею и нужен мне только диплом. Он пригласил какого-то преподавателя, поговорили. И они решили так: мне придется заплатить за все три года обучения, но если у меня получится сдать все экзамены за три месяца, выдадут мне сразу диплом. Я ходил в институт каждый день и по нескольку раз. Выполнял все задания и получил-таки датский диплом», – рассказал он Николаю Долгополову.

Впрочем, это было не самое сложное. Куда труднее было получить подлинный паспорт одной из западноевропейских стран. Для этого Алексей Козлов на несколько лет осел в Алжире. Ему повезло, что

спустя два года после получения независимости алжирцы стали уничтожать документацию на всех иностранцев, живших там до этого. Потом он мог говорить в других государствах, что 20 лет прожил в Алжире, где зарабатывал много денег.

В 1965 году к нему приехала жена. Вот что он рассказал Николаю Долгополову: «Поженились мы в Москве перед самой командировкой. В Союзе она находилась на подготовке. А когда приехала, мы нашли для нее соответствующую легенду. У меня были знакомые пожилые французы. Кто-то из них уехал, кто-то умер. Зато у нас был адрес, по которому жена якобы могла в свое время жить. Приехала она, конечно же, как немка, а французский выучила уже в Алжире... А жена забеременела, и нам было предложено выехать в Западную Германию, чтобы там уже окончательно задокументировать свою женитьбу. Ведь паспорта у нас обоих были липовые. Сначала заехали в Тунис, затем в Голландию, потом во Францию. После этого я поехал в город Штутгарт, а жену оставил на границе во французском Страсбурге...

Не мог я ее взять, потому что не знал, как у меня повернутся дела.

Я, как вы помните, технический чертежник, и мне надо было искать работу, чтобы где-то в ФРГ поселиться. Штутгарт – город большой, в нем – десятки учреждений. Но попал я туда в августе в разгар летних отпусков. Пришлось устроиться чернорабочим в химчистку: только туда и взяли. Причем обещали платить как квалифицированному рабочему и, если буду трудиться добросовестно, через три месяца в таковые и перевести. Так оно и произошло. Был тогда в этом городе довольно свободный режим. Поэтому мы без труда получили внутренние удостоверения личности и официально поженились. Вскоре переехали в Мюнхен, где я снова устроился на работу в химчистку.

Там у нас родился сын, потом дочь. После рождения детей получили вместо наших прежних внутренних удостоверений настоящие западногерманские загранпаспорта.

Через некоторое время нас вызвали обратно в Россию. Дома провели пару месяцев. И я получил задание выехать на длительное оседание в одну из стран Бенилюкса. Поселился я в столице. Искал работу – и как чертежник, и как рабочий химчистки. Ушло на это шесть месяцев, трудно было устроиться. В конце концов попал я в крупную гостиницу, в подразделение химчистки и прачечной. Кстати говоря, был я действительно рабочим квалифицированным, и вскоре сделали меня руководителем этого подразделения. Я нашел квартиру, и ко мне приехала жена с двумя детьми».

А дальше началась разведывательная работа. Он трудился генеральным директором крупной химчистке, она – преподавателем немецкого языка в школе, аккредитованной при НАТО. Даже спустя полвека подробности их работы и достигнутые ими результаты продолжают оставаться засекреченными. Известно лишь, что в 1970 году супруга Козлова тяжело заболела и они были вынуждены вернуться в СССР. Позже она умерла.

После ее смерти, оставив детей в СССР, Алексей Козлов работал один по кризисным точкам. Прибывая в интересующую СССР страну, занимался сбором информации. Подавляющее большинство этих стран не имели дипломатических отношений с СССР, что делало невозможной организацию там постоянных резидентур.

Николаю Долгополову он рассказал: «Легализовался на жительство в Италии. У меня установились хорошие связи с фирмами, выпускавшими материалы для химчисток – химикаты, машины... И мне предложили быть их представителем во всех странах мира, кроме

самой Италии. Меня это устраивало. Был прописан в Риме, но бывал там по два-три месяца. Разъезжать приходилось в другом регионе - Египет, Иордания, Израиль, Кувейт, Ливан. Затем Саудовская Аравия и много еще чего...

Пребывание было небесполезное. Многого удалось тогда добиться, о чем до сих пор не имею права рассказывать. Получил я орден Красной Звезды за это дело.

С 1974 года бывал я и в Иране. Пришлось заезжать туда еще при шахе. Иран нас очень интересовал. По этой стране я совершенно спокойно ездил, и была у меня там масса друзей - и среди полиции, и в других кругах...

До 1974 года, когда в Португалии совершилась революция, у нас с этой страной не было дипотношений. А мне еще при фашистском режиме Каэтано пришлось побывать там и собрать тоже очень интересную информацию. Когда началась революция «красных гвоздик», я вернулся и прожил там пару месяцев. Объездил всю страну».

В 1979 году Алексей Козлов получил задание установить факт проведения ЮАР тайных испытаний собственной атомной бомбы и факт разработки обогащённого промышленного урана в оккупированной тогда Намибии. С заданием он успешно справился. Вот что он рассказал Николаю Долгополову:

«В научно-исследовательской лаборатории Пелендаба велись исследования в ядерной области. И у нас, и у американцев были подозрения, что там создается атомная бомба, потому что однажды, в 1978 году, удалось зафиксировать похожую на атомный взрыв вспышку в южном полушарии неподалеку от Кейптауна. Тогда я и включил Малави в свою поездку, ведь это было единственное африканское государство, установившее с ЮАР дипломатические отношения.

Приехал в город Блантайр. Все белые в этих государствах очень быстро между собой сходятся. Появляется свежий европеец, тем более немец, – тебя с удовольствием примут и поведают абсолютно все. Как-то разговорились про атомную бомбу. Я и говорю, надо же, думали, будто ЮАР ее имеет, а оказалось, нет. И вдруг одна пожилая женщина оживляется: как это нет, мы же в декабре 1976-го обмывали ее изготовление шампанским... Я тут же сообщил в Центр. Как мне потом рассказывали, ночью вызвали даже начальников управлений, отдела и обсуждали мою информацию. Но документально это нельзя было доказать. Кстати, женщина эта мне представилась, сообщила, что работала секретаршей генерального директора базы Пелендаба, ушла на пенсию и переехала в Малави».

В 1980 году он снова получил приказ посетить ЮАР, где и был арестован. Вот как это произошло:

«Прилетел я туда. Потом – в Намибию. И вот в Виндхукке заметил за собой наружное наблюдение. Деться оттуда некуда. Только лететь в ЮАР. Приземляемся в Йоханнесбурге, смотрю – черная машина направляется к нашему самолету прямо к трапу. Предъявили мне документ юаровской контрразведки, надели наручники, отвели в аэропорт, в специальную комнату, заставили раздеться до трусов. Затем притащили мои вещи, одели и повезли в Преторию».

Как выяснилось позже, причиной ареста стала информация предателя – высокопоставленного офицера КГБ Олега Гордиевского, к тому времени давно уже шпионившего в пользу западных разведок. Алексей Козлов был взят под стражу на основании закона о борьбе с терроризмом. Согласно этому закону, он был лишён права на адвокатскую защиту и судебное разбирательство, категорически запрещалось любое общение с внешним миром и получение любой

информации; содержание человека в тюрьме без предъявления обвинения не ограничивалось какими-либо сроками.

А дальше было многомесячное тюремное заключение. Вот как об этом периоде своей жизни вспоминал Алексей Козлов:

«Через месяц меня перевели в центральную тюрьму в Претории. Посадили в камеру смертников. Было там несколько отсеков так называемого звездного типа. И в каждом – по 13 камер. Но в том, куда меня поместили, оказался я совершенно один. Другие камеры – все пустые. А рядом – виселица. По пятницам в пять утра там проходили казни. Несколько раз меня специально водили посмотреть, как это делается. Виселица находилась на втором этаже. В тюрьме, между прочим, тоже был апартеид: тюрьма для черных, тюрьма для белых. Только вешали и тех и других вместе. Но и то делали различие. На последний завтрак перед казнью черному давали половину зажаренного цыпленка, белому – целого. Казнили на втором этаже, потом люк опускался, казненный падал туда. А внизу стоял величайший мерзавец доктор Мальхеба. Он делал последний укол в сердце повешенному. Чтобы человек умер окончательно. Потом его выносили. Однажды этот доктор осматривал и меня.

Самым страшным для меня было то, что Центр не знал, где я. Оказывается, они еще три месяца слали мне радиogramмы.

Шесть месяцев провел я в камере смертников. Параша, кровать и стул. Комната – три шага на четыре. На стенах гвоздем нацарапаны последние слова прощания тех, кто там сидел и кого вешали до меня. Единственное, что приносили мне, – еду. Завтрак – в 5.30 утра: кружка жидкости, напоминавшая то ли кофе, то ли чай, а чаще воду, в которой мыли посуду, два куска хлеба и миска каши. Обед – в 11 часов; ужин – в 3

часа дня. В общей сложности 4 куска хлеба, кусочек маргарина, джема и тарелка супа. Свет выключали в 22. К этому времени от голода у меня аж видения начинались. Вспоминал про отварную картошечку с паром, про помидорчики, огурчики. Помню, когда освобождали и взвесили, во мне оказалось 59 килограммов или 58. А было под 90. Никаких газет, радио – ничего. Я не знал, что творится в мире. Никаких прогулок...

И где-то к концу 81-го года у меня начала лопаться кожа на руках. Позвали этого доктора Мальхеба. Он мне: дышите. Я дышу. Так, еще дышите, глубже. Я дышу. Он говорит: дыхание у вас хорошее. Я говорю: а как вы можете сказать, что дыхание у меня хорошее, если вы меня не слушаете? У него стетоскоп-то висел на шее, он его даже в уши не вставил. И так он разорался... Дали мне перчатки из искусственной кожи. А моя кожа все равно лопается. Позвали все-таки начальника тюремного госпиталя. Был такой майор Ван Роен. Он посмотрел и сказал, что это недостаток хлорофилла. Дело в том, что у меня было единственное окошечко под самым потолком. Туда свет никогда не заходил. Он говорит: только если солнце будет, хлорофилл появится и это пройдет. И меня через полтора года после начала моей отсидки поселили в штрафное отделение тюрьмы Претории...

Так я просидел до мая 1982 года. Однажды пришел начальник тюрьмы, принес костюм, довольно приличный, по моему размеру, и рубашку, галстук. А до этого сняли мерку, я все не мог понять, для чего. Повезли к заместителю начальника контрразведки генерал-майору Бродерику. Сидел передо мною интересный такой, вальяжный мужик. Он мне сказал сразу: передаем тебя для обмена. И предупредил: тебя передадут нашей национальной разведывательной службе. Не показывай им, что знаешь об обмене...».

А вот как происходила процедура обмена:

«Привезли меня на огромную скалу, там, где монумент первопроходцам ЮАР – бурам, рядом с местом кровавой битвы между зулусами и белыми. Здесь, говорят, тебя и расстреляем. Ну, я постоял. Потом запихнули в машину и повезли в аэропорт. В боинге-747 «Джумбо» нас летело восемь человек: я и моя охрана. Прибыли во Франкфурт-на-Майне.

Пересадили меня в вертолет Ведомства по охране границ Западной Германии. Приземлились около КПП «Херлесхаузен». Там и проводился обмен.

Сначала привезли тех, на кого меня должны были обменять. Одиннадцать человек – 10 немцев и один офицер армии ЮАР, в свое время попавший в плен в Анголе во время рейда туда южноафриканской армии. Все одиннадцать с чемоданами. А мне вещей не отдали: у меня маленький кулечек, где кусочек зеленого мыла. Зачем я его взял из тюрьмы, так и не знаю. Потом еще ремень матерчатый от тюремных брюк. Я его свернул и положил в кулек, когда меня из тюрьмы выводили. Единственное, что там для меня было ценного, это машинка для свертывания сигарет, мне ее подарили юаровские заключенные.

Доставили меня к какому-то ангару. Смотрю, внутри маячат две фигуры – Виктор Михайлович Нагаев, ныне генерал-майор в отставке, и Борис Алексеевич Соловов, начальник отдела безопасности, бывший. Ну, расцеловались, конечно. Посадили меня в машину и поехали в Берлин...».

После возвращения в СССР Алексей Козлов в 1982–1986 годах работал в центральном аппарате Первого Главного управления КГБ СССР. Затем высказал просьбу о вторичном направлении в постоянную командировку на нелегальную работу. Будучи раскрытым нелегалом, работал за границей с 1986 года по 1997 год. Информация об этом периоде до сих пор является

секретной. После выхода в отставку продолжал работать в Службе внешней разведки России, занимался преподавательской, консультативной и аналитической работой.

Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 2000 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, полковнику в отставке Козлову Алексею Михайловичу присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением знака особого отличия – медали «Золотая Звезда»¹¹⁷.

Чего не покажут в кино

Любая попытка снять художественный фильм, где были бы воспроизведены максимально достоверно события, предшествующие обмену Абея на Пауэрс, - обречена на провал. И дело не в том, что подробности этого дела до сих засекречены. Просто реальная история обмена слишком буднична и скучна, если сравнивать ее с теми, о которых мы уже рассказали. Хотя и в ней есть множество малоизвестных эпизодов.

Кому слава, а кому забвение

Из пяти основных участников обмена (разведчик, летчик, студент и двое адвокатов – восточногерманский и американский) четверо удостоились чести быть запечатленными в кино. Правда, первому досталась лишь короткая роль – произнести короткий монолог перед фильмом, который был посвящен приключениям его коллеги. Двух других – американских летчика и адвоката – сыграли актеры.

Впервые Пауэрс предстал перед зрителями в 1986 году, когда в кинотеатрах СССР демонстрировали фильм «Мы обвиняем». И хотя в первых кадрах картины создатели утверждали, что фильм основан на реальных событиях, реконструировать им удалось лишь сам судебный процесс. А происходящие до этого события – набор «штампов» времен «холодной войны». Ну, и сильно мифологизированная история полетов над СССР американских самолетов-разведчиков. Чего только стоит идея ЦРУ ликвидировать Пауэрса, который находился в следственном изоляторе Лефортово до начала судебного процесса. Разумеется, американская разведка реализовала бы такой план, если бы у нее была бы такая возможность. В реальности этого не могло произойти по двум причинам. Во-первых, пленник тщательно охранялся и незаметно применить к нему некое воздействие, которое бы его убило, было крайне затруднительно. Во-вторых, если бы каким-то образом Москва узнала даже о подготовке такой акции, то разразился бы такой международный скандал, по сравнению с которым последствия от сбитого самолета-разведчика – лишь легкое недоразумение в отношениях между двумя странами.

Да и сам процесс «перерождения» американского пилота, который по версии создателей картины «Мы обвиняем» под влиянием следователя осознал, что его работодатели из ЦРУ «плохие парни», и начал активно на суде свидетельствовать против них, – воспринимается как-то фальшиво. Что не удивительно, ведь картина была снята по канонам соцреализма. В отличие от того же «Мертвого сезона». Последний помнят до сих, в отличие от фильма «Мы обвиняем». Поэтому можно утверждать, что до 2015 года образ Пауэрса в кино не был запечатлен. Зато он остался «в памяти народной». Спасибо, говоря современным языком, PR-компании в советских СМИ летом 1960 году. Ну, и выставке в столичном парке Сокольники, где демонстрировались обломки сбитого самолета.

«Мертвый сезон»

В 1968 году на широкий экран вышел двухсерийный фильм «Мертвый сезон». Впервые советский кинематограф произвел картину, которая была посвященный деятельности советской разведки в годы «холодной войны». Единственный раз со вступительным словом выступил разведчик-нелегал Вильям Фишер (при аресте он назвался Рудольфом Абелем), который за несколько лет до этого вернулся с задания. А его коллега Конон Молодой был консультантом картины. Режиссер Савва Кулиш делал фильм в стилистике, близкой к документальной. Впрочем, если Вильяму Фишеру и Конону Молодому первая серия понравилась – все очень похоже на то, чем они занимались – то вторая, с погонями и перестрелками, – нет. Да и финальная сцена обмена их не впечатлила. Говорят, все было по-другому. Да и снимали ее в Москве, на 67-м км Ленинградского шоссе, а не в Германии.

Впервые достаточно подробная биография Вильяма Фишера на русском языке была опубликована лишь в 1992 году. До этого времени граждане СССР знали, что он был разведчиком-нелегалом в США (проживал там под чужим именем), был арестован, провел несколько лет в американской тюрьме и был обменян на пилота ВВС США Пауэрса. В предисловии к книге Джеймса Донована «Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля»¹¹⁸ ветеран органов госбезопасности Дмитрий Тарасов рассказал о том, кто же такой Вильям Фишер.

Несколько слов о самом Дмитрие Тарасове. С 1939 по 1953 год служил в органах контрразведки. В 1953–1974 годах работал в центральном аппарате внешней разведки начальником отдела безопасности управления «С» (нелегальная разведка). В этом качестве, в частности, занимался обменом выдающегося советского разведчика Вильяма Фишера на американского летчика Пауэрса. В 1997 году вышла его книга «Жаркое лето полковника Абеля»¹¹⁹ – повесть «о драматических обстоятельствах ареста и суда над выдающимся советским разведчиком. Все факты, даты, имена – подлинные, что, несомненно, придает повести особую ценность, тем более, что ее автор, полковник в отставке Тарасов, знает о работе разведчика не понаслышке и был хорошо знаком с Абелем», – было написано в предисловии к ней.

Впрочем, существует и более подробная биография Рудольфа Абеля, будем так называть в дальнейшем Вильяма Фишера (ведь под первым именем он вошел в историю). Она подробно описана в трех книгах журналиста Николая Долгополова. Первая из них была издана в 1995 году¹²⁰, вторая – в 1997 году¹²¹, а третья – в 2010 году¹²². Поэтому мы лишь кратко расскажем о жизненном пути этого уникального разведчика.

Также нужно отметить, что и на Западе это достаточно известный персонаж. Например, в своей книге «История шпионажа» журналист Санж Де Грамон посвятил Рудольфу Абелю отдельную главу¹²³, причем изобразив его достаточно привлекательным человеком.

Родился Вильям в городе Ньюкасл-апон-Тайн в Великобритании в семье марксистов-политэмигрантов, высланных из России в 1901 году за революционную деятельность. Был вторым ребёнком в семье. Старший брат – Гарри. С детства Вильям проявлял особый интерес к естественным наукам. Играл также на пианино, мандолине и гитаре. Много рисовал. Делал наброски знакомых, писал натюрморты.

В 15 лет устроился учеником чертежника на судовой верфь.

В 1920 году семья Фишеров возвратилась в Россию и приняла советское гражданство, не отказавшись от английского, и вместе с семьями других видных революционеров одно время жила на территории Кремля. Абель по приезду в СССР первое время работал переводчиком в Исполкоме Коммунистического интернационала (Коминтерна). Затем поступил во ВХУТЕМАС.

В 1925 году он был призван в армию в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа, где получил специальность радиста. Проходил службу вместе с Э. Т. Кренкелем и будущим артистом М. И. Царёвым. Имея природную склонность к технике, стал очень хорошим радистом, первенство которого признавали все.

После демобилизации работал в НИИ ВВС РККА радиотехником. 7 апреля 1927 года женится на выпускнице Московской консерватории арфистке Елене Лебедевой. Впоследствии она стала профессиональным музыкантом. В 1929 году у них родилась дочь.

В Иностранный отдел (внешняя разведка) ОГПУ поступил 2 мая 1927 года. На работу в ОГПУ его рекомендовала старшая сестра его жены Серафима Лебедева, работавшая там переводчицей. В центральном аппарате разведки он работал сначала переводчиком (по английскому направлению), затем – радистом.

В 1930 году обратился в британское посольство за разрешением вернуться, которое было получено. Получив британский паспорт, работал по линии нелегальной разведки (но под своим настоящим именем), исполняя одновременно обязанности радиста резидентур в Норвегии в 1930–1935 годах и в Великобритании в 1935–1937 годах.

31 декабря 1938 года был уволен из НКВД (из-за недоверия Берии к кадрам, работавшим с «врагами народа») в звании лейтенанта ГБ (капитан) и работал некоторое время во Всесоюзной торговой палате, а затем на авиационном заводе. Неоднократно обращался с рапортами о восстановлении его в разведке.

С 1941 года вновь в НКВД, в подразделении, организующем партизанскую войну в тылу немцев. Фишер готовил радистов для партизанских отрядов и разведывательных групп, засылаемых в оккупированные Германией страны. В этот период он познакомился и работал вместе с Рудольфом Абелем, именем и биографией которого он позднее воспользовался.

После окончания войны было принято решение направить его на нелегальную работу в США, в частности, для получения информации от источников, работающих на ядерных объектах. Так звучит официальная версия. В реальности его основной задачей в США был не вербовка новых агентов, а организация пункта радиосвязи.

Он перебрался в США в ноябре 1948 года по паспорту на имя гражданина США литовского происхождения Эндрю Кайотиса (который умер в Литовской ССР в 1948 году). Затем он поселился в Нью-Йорке под именем художника Эмиля Роберта Гольдфуса, где руководил советской агентурной сетью, а для прикрытия владел фотостудией в Бруклине. Агентами-связниками для «Марка» (псевдоним В. Фишера) были выделены супруги Коэн.

К концу мая 1949 года «Марк» решил все организационные вопросы и активно включился в работу. Она была настолько успешной, что уже в августе 1949 года за конкретные результаты он был награждён орденом Красного Знамени.

В 1955 году на несколько месяцев лета-осени он возвращался в Москву.

Чтобы разгрузить «Марка» от текущих дел, в 1952 году в помощь ему был направлен радист нелегальной разведки Хейханен («Вик»). Последний оказался морально и психологически неустойчивым, и через четыре года было принято решение о его возвращении в Москву. Однако «Вик» сообщил американским властям о своей работе в нелегальной разведке и выдал «Марка».

В 1957 году «Марк» был арестован в гостинице «Латам» в Нью-Йорке агентами ФБР. В те времена руководство СССР заявляло, что не занимается шпионажем. Для того чтобы дать Москве знать о своём аресте и о том, что он не предатель, Вильям Фишер при аресте назвался именем своего покойного друга Рудольфа Абея. В ходе следствия он категорически отрицал свою принадлежность к разведке, отказался от дачи показаний на суде и отклонил попытки сотрудников американских спецслужб склонить его к сотрудничеству.

Был осуждён на 32 года тюремного заключения. После объявления приговора «Марк» находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, затем был переведён в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

10 февраля 1962 года на границе между Западным и Восточным Берлином на Глиникском мосту Рудольф Абель был обменян на американского пилота разведывательного самолёта U-2 Фрэнсиса Пауэрса, сбитого 1 мая 1960 года в районе Свердловска и осуждённого советским судом на 10 лет заключения за шпионаж. Одновременно (по требованию американской стороны, не согласившейся на обмен «голова на голову») на контрольно-пропускном пункте Чекпойнт Чарли в Берлине был освобождён преподаватель экономики Фредерик Прайор, который был арестован полицией ГДР. В операции принимали участие будущий начальник нелегальной разведки – Управления «С» ПГУ КГБ – Юрий Дроздов (под псевдонимом «Юрген Дривс» играл роль немецкого кузена Абеля) и адвокат Вольфганг Фогель.

После отдыха и лечения Фишер вернулся к работе в центральном аппарате разведки. Принимал участие в подготовке молодых разведчиков-нелегалов, на досуге писал пейзажи.

Умер 15 ноября 1971 года¹²⁴.

«Мы обвиняем»

Как было сказано выше, в фильме «Мы обвиняем» Пауэрс был изображен далеко не тем, кем был на самом деле. Да и его биографию сценаристы картины сильно отредактировали. В частности, они утверждали, что в ВВС он попал в конце пятидесятых годов, а до этого работал «спасателем в бассейне, где купались богатые

американские бездельники». Да и причина его смерти, по версии создателей картины, – месть ЦРУ за то, что он был слишком откровенен на судебном процессе.

Реальная история его жизни до полета 1 мая 1960 года (когда он был сбит над территорией СССР) и после возвращения в США могла бы стать великолепной основой для американского фильма о простом парне, который «вышел из народа», честно служил Америке и погиб как герой, спасая чужих детей.

Френсис Пауэрс родился в Дженкинсе, штат Кентукки, в семье шахтёра (позднее – сапожника) в 1929 году. Окончил колледж Миллиган близ города Джонсон-Сити, штат Теннесси.

В мае 1950 года добровольно поступил на службу в американскую армию, обучался в школе военно-воздушных сил в городе Гринвилл, штат Миссисипи, а затем на военно-воздушной базе в окрестностях города Финикса, штат Аризона. Во время учёбы летал на самолётах Т-6 и Т-33, а также на самолёте F-80. После окончания школы служил лётчиком на различных военно-воздушных базах США, будучи в звании старшего лейтенанта. Летал на истребитель-бомбардировщике F-84. Он должен был участвовать в Корейской войне, однако перед отправкой на театр военных действий у него возник аппендицит, а после излечения Пауэрс был завербован ЦРУ как опытный лётчик и поэтому уже не попал в Корею.

Процитируем фрагмент из приговора советского суда:

«В апреле 1956 года Пауэрс был завербован Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки для выполнения особых разведывательных заданий на высотных самолетах.

После заключения секретного контракта с Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки на два года Пауэрсу был

назначен высокий оклад в 2500 долларов в месяц за шпионскую деятельность. Он прошел специальную подготовку и был направлен в разведывательное авиационное подразделение, зашифрованное условным наименованием - «10-10», размещенное на американо-турецкой военной базе Инджирлик около города Аданы (Турция).

Судом было установлено, что подразделение «10-10» представляло собой специальную комбинацию военной и гражданской разведок Соединенных Штатов Америки и предназначалось для шпионажа против Союза ССР с помощью самолетов-разведчиков, засылаемых в советское воздушное пространство.

Начиная с 1956 года, Пауэрс по заданию командира подразделения «10-10» систематически совершал шпионские полеты вдоль границ Советского Союза с Турцией, Ираном и Афганистаном. В мае 1958 года Пауэрс продлил секретный контракт с Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки на два года и в январе 1960 года - еще на один год.

Материалами дела, показаниями подсудимого Пауэрса установлено, что осуществленное им 1 мая 1960 года преступное вторжение в воздушное пространство Советского Союза было задолго до этого тщательно подготовлено.

27 апреля 1960 года Пауэрс вместе с командиром подразделения «10-10» американским полковником Шелтоном и группой технического персонала, предназначенной для подготовки самолета «У-2» к полету, был доставлен на транспортном самолете военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки с базы Инджирлик на аэродром Пешавар в Пакистане.

На этот же аэродром 30 апреля 1960 года из Турции другой летчик перегнал самолет «У-2», на котором

Пауэрс должен был осуществить вторжение в воздушное пространство Союза ССР.

В ночь на 1 мая 1960 года полковник Шелтон дал Пауэрсу задание пролететь над территорией Советского Союза на высоте 20 000 метров по маршруту: Пешавар, Аральское море, Свердловск, Киров, Архангельск, Мурманск и приземлиться в Норвегии на аэродроме Будё, с которым Пауэрс был ознакомлен еще в 1958 году.

Пролетая над советской землей, Пауэрс, по заданию Шелтона, должен был в определенных пунктах включать специальную аппаратуру для аэрофотосъемки и фиксации работы радиолокационных станций противовоздушной обороны Союза ССР. Особое внимание Пауэрс должен был обратить на два пункта, в одном из которых американская разведка предполагала наличие стартовых площадок для запуска ракет, а в другом – место размещения особо важного оборонного объекта.

Приобщенными к делу вещественными доказательствами и показаниями подсудимого установлено, что Пауэрс выполнил порученные ему преступные задания.

Поднявшись с аэродрома Пешавар в Пакистане, Пауэрс пролетел над территорией Афганистана и более 2000 километров над Советским Союзом по заданному ему маршруту. Кроме показаний Пауэрса, это подтверждается обнаруженной в обломках самолета «У-2» и представленной суду американской полетной картой с нанесенным на ней маршрутом, проложенным штурманом подразделения «10-10» майором Дулак, а также записями и пометками Пауэрса, который нанес на маршрутную карту ряд важных оборонных объектов Союза ССР, наблюдавшихся им с самолета.

На всем протяжении полета, вплоть до того момента, когда самолет был сбит, Пауэрс включал

специальную разведывательную аппаратуру, производил фотографирование важных оборонных объектов и запись сигналов радиолокационных установок средств противовоздушной обороны страны.

В результате проявления сохранившейся аэрофотопленки установлено, что подсудимый Пауэрс с самолета «У-2» сфотографировал промышленные и военные объекты Союза ССР – заводы, склады, нефтехранилища, пути сообщения, железнодорожные мосты и станции, линии электропередач, аэродромы, места расквартирования войск и военную технику»¹²⁵.

Пилотируемый Пауэрсом У-2 пересёк государственную границу СССР в 5:36 по московскому времени в двадцати километрах юго-восточнее города Кировабада, Таджикской ССР, на высоте 20 км. В 8:53 под Свердловском самолёт был сбит ракетами класса «земля-воздух» ЗРК С-75. Первая выпущенная ракета (вторая и третья не сошли с направляющих – заблокировала автоматика вследствие прохождения пусковой установкой так называемого «угла запрета», (когда расчётная начальная траектория полёта ракеты проходит над кабиной наведения) попала в У-2, оторвала у самолёта Пауэрса крыло, повредила двигатель и хвостовую часть. Это произошло в районе Верхне-Сысертского водохранилища. Самолёт Пауэрса упал рядом с селом Поварня. Для надёжного поражения было выпущено ещё несколько зенитных ракет¹²⁶ (всего в тот день было выпущено 8 ракет, о чём не упоминалось в официальной советской версии событий)¹²⁷. В результате этого был случайно сбит один из двух советских истребителей МиГ-19, поднятых на перехват нарушителя, но летевших ниже и не имевших возможности подняться на высоту полёта У-2. Пилот советского самолёта старший лейтенант Сергей Сафронов погиб и посмертно награждён орденом

Красного Знамени (второму МиГ-19 удалось уйти от захвата на сопровождение ЗРК благодаря интенсивному противорадиолокационному манёвру).

Кроме того, на перехват нарушителя был поднят одиночный высотный перехватчик Су-9. Этот самолёт перегонялся с завода в часть и не нёс вооружения, поэтому его пилот Игорь Ментюков получил приказ таранить противника (при этом у него не было шансов спастись – из-за срочности вылета он не надел высотно-компенсационный костюм и не мог безопасно катапультироваться), однако не справился с задачей¹²⁸.

У-2 был сбит ракетой на предельной дальности, при стрельбе по самолёту вдогон. Неконтактный подрыв боевой части произошёл сзади самолёта. В результате хвостовая часть самолёта была разрушена, но гермокабина с лётчиком осталась цела. Самолёт стал беспорядочно падать с высоты свыше 20 километров. Пилот не паниковал, дождался высоты 10 тысяч метров и выбрался из машины, не используя катапульту, затем на пяти километрах привёл в действие парашют. По приземлении был задержан местными жителями в районе деревни Косулино, недалеко от обломков сбитого самолёта.

По версии, прозвучавшей во время суда над Пауэрсом, он по инструкции должен был воспользоваться катапультируемым креслом, однако не сделал этого, так как знал от одного из техников, что при этом сработает мощный заряд взрывчатки и на высоте около 10 км покинул самолёт самостоятельно.

Как только стало известно об уничтожении самолёта, президент США Дуайт Эйзенхауэр официально заявил, что пилот заблудился, выполняя задание метеорологов, однако советская сторона быстро опровергла эти утверждения, представив всему

миру обломки специальной аппаратуры и показания самого пилота.

31 мая 1960 года Никита Хрущёв отправил отцу Пауэрса – Оливеру Пауэрсу телеграмму, в которой говорилось:

«Я получил ваше письмо с просьбой передать вашему сыну записку от его матери. В вашем письме вы сообщили, что к нему приложена записка, однако по какой-то причине в конверте её не оказалось. Я должен сообщить вам, что вашего сына будут судить по законам Советского Союза. Закон есть закон, я не в состоянии вмешаться в дела, находящиеся в полной компетенции суда. Если вы желаете приехать в Советский Союз, чтобы увидеть сына, я готов помочь вам в этом деле.

Н. Хрущёв. 31 мая 1960 года».

19 августа 1960 года Гарри Пауэрс был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР по статье 2 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» к 10 годам лишения свободы с отбыванием первых трёх лет в тюрьме.

По возвращении в США Пауэрса ожидал холодный приём. Первоначально его обвиняли в неисполнении обязанности пилота по приведению в действие взрывного устройства самоликвидации разведывательного АФА (автоматический фотоаппарат), отснятой плёнки и секретной аппаратуры, а также в том, что он не совершил самоубийство при помощи особой отравленной иглы, которая ему была выдана сотрудником ЦРУ.

6 марта 1962 года Пауэрс должен был предстать на открытом заседании перед комиссией Сената по вооруженным силам. Накануне сенатских слушаний в прессу было передано «Заявление относительно Гарри Френсиса Пауэрса». В нем сообщалось, что на основании всей имеющийся информации следственная

комиссия, рассматривающая дело Пауэрса, и директор ЦРУ пришли к выводу, что пилот вел себя согласно условиям контракта и данным ему инструкциям. При этом делалась ссылка на мнение специалистов по аэродинамике и аэронавтике, изучавших описание Пауэрсом случившегося с ним. Заканчивалось заявление сообщением, что в соответствии с изложенным «сумма, причитавшиеся Пауэрсу по условиям его контракта, будет ему выплачена».

На заседание сенатской комиссии перед «допросом» Пауэрса давал показания по программе разведывательных полетов новый директор ЦРУ Джон Маккоун. Последний сумел убедить присутствующих, что данная программа «исключительно полезна» для США. Сразу же после выступления директора ЦРУ председатель комиссии по вооруженным силам Сената и палаты представителей опубликовали заявление о реабилитации Пауэрса, подготовив тем самым благоприятную почву для его выступления перед сенатской комиссией, где после опроса Пауэрса также было заявлено, что он действительно вел себя согласно обязательствам его контракта с ЦРУ.

Более того, ему сообщили, что, пока он не примет окончательного решения о своем будущем – возвратиться к обычной службе в ВВС или начать работать летчиком-испытателем в компании «Локхид» – он может остаться в штабе ЦРУ в Лэнгли. Его обязанности не были уточнены, за исключением того, что часть времени он, вероятно, будет проводить в учебном секторе за инструктажем летчиков самолета У-2, особенно на случай, если кому-либо из них придется оказаться в плену. Дело в том, что тогда У-2 совершали разведывательные полеты над этим островом¹²⁹.

Впрочем, отношения с ЦРУ и командованием ВВС у него были сложными. Например, ему не засчитали в выслугу лет то время, что он провел в советской тюрьме. Из-за этого он не смог получить крест «За летные боевые заслуги». В 1963 году на секретной церемонии в Лос-Анджелесе группа летчиков, участвовавших в программе У-2, была награждена «Звездой разведки», одной из самых высоких наград ЦРУ. Ему ее вручили два года спустя, хотя в приложенном к награде документу была указана дата награждения 20 апреля 1963 года. А в представлении было сказано, что его награждают «за храбрые действия» и «доблесть», проявленные до 1960 года¹³⁰.

В период с октября 1962 по 1970 год Пауэрс работал в фирме «Локхид» лётчиком-испытателем¹³¹.

В 1970 году он написал в соавторстве с Джентри Куртом книгу «Операция «Перелёт: воспоминания об инциденте с У-2»»¹³². Спустя два года она была издана в Советском Союзе, правда с грифом «Для служебного пользования». Сам Пауэрс считал идею написания книги неудачной, т. к. еще за несколько месяцев до выхода книги его уволили из «Локхид Мартин». Именно из-за этой книги, как впоследствии ему рассказали его бывшие коллеги, он стал персоной нон-грата для подрядчиков ЦРУ и Минобороны США.

Затем Пауэрс стал радиокомментатором на радиостанции KGIL, а затем пилотом вертолётa в агентстве радиотелевизионных новостей KNBC в Лос-Анджелесе. 1 августа 1977 года он погиб при катастрофе пилотируемого им вертолётa, возвращаясь со съёмок тушения пожара в окрестностях Санта-Барбары; вероятной причиной падения стал недостаток топлива; вместе с Пауэрсом погиб оператор телекомпании Джордж Спирс. В последний момент он заметил детей, играющих в этом районе, и направил

вертолёт в другое место, чтобы предотвратить их смерть (если бы не это отклонение в последнюю секунду, которое поставило под угрозу его спуск в режиме авторотации, он мог бы благополучно приземлиться). Похоронен на Арлингтонском кладбище.

Несмотря на неудачу его знаменитого разведывательного полёта, Пауэрс в 2000 году был посмертно награждён за него (получил Медаль военнопленного, Крест за выдающиеся лётные заслуги, Памятную медаль национальной обороны). 12 июня 2012 года начальник штаба американских ВВС генерал Нортон Шварц вручил внуку и внучке Пауэрса «Серебряную Звезду» – третью по значимости военную награду США – за то, что тот «стойко отверг все попытки получить жизненно важную информацию об обороне или быть эксплуатируемым в целях пропаганды».

Сын пилота – Гарри Пауэрс-младший – рассказал журналисту Александру Гасюку о том, как ему удалось добиться вручения этих наград:

«Рассекреченные в 1998 году документы подтвердили, что полет отца на «У-2» был совместной операцией ЦРУ и ВВС США. Это дало возможность официально признать его военнопленным, и именно поэтому он получил предыдущие награды. Десять лет спустя я узнал о двух других американских пилотах, сбитых на границах СССР и оказавшихся в советских тюрьмах, которые впоследствии получили высокие награды. На основании этого в январе 2011 года я написал письмо в Пентагон и поинтересовался, не является ли данный факт прецедентом и для моего отца. Спустя 10 месяцев Министерство обороны США подтвердило право отца на посмертное присуждение Серебряной звезды»¹³³.

«Адвокат дьявола»

Так на Западе иногда называли адвоката из ГДР Вольфганга Фогеля, который в период с 1962 по 1989 год организовал обмен порядка 150 агентов и кадровых разведчиков 23 стран. Кроме этого, при его посредничестве с 1964 по 1989 год из Восточной Германии на Запад выехали около 34 тыс. политзаключенных и 215 тыс. рядовых граждан. В обмен на возможность оказаться по другую сторону «берлинской стены» власти ФРГ заплатили ГДР порядка 3,5 млрд марок (около 2,7 млрд долларов США). Впрочем, всего бы этого не было, если бы в 1959 году тридцатичетырехлетний адвокат не принял предложение восточногерманских спецслужб выступить в качестве посредника на переговорах об обмене Рудольфа Абея на граждан США.

Фогель родился в Нижней Силезии 30 октября 1925 года. После войны изучал право в Йене и Лейпциге, получил диплом юриста и стал работать на восточногерманское государство. Известность к нему пришла в середине февраля 1962 года, после того как журналисты выяснили, кто выступал в роли посредника со стороны Москвы. Впрочем, такая слава сыграла с ним злую шутку.

В 1988-1989 годах, когда его услуги уже были не нужны в Европе, он начал помогать Израилю в обмене его разведчиков.

В 1992 году Фогель был вынужден признаться в сотрудничестве с министерством госбезопасности ГДР и был привлечен к уголовной ответственности по обвинению в вымогательстве в отношении граждан ГДР, желавших выехать в ФРГ. В 1998 году Федеральная судебная палата ФРГ признала его невиновным.

Последние годы Вольфганг Фогель жил с женой Хельгой в баварском городе Шлирзее.

В 1993 году на Западе была издана его биография: «Адвокат дьявола».

Фогель умер 21 августа 2008 года в своём доме в Шлирзее в Баварии в кругу родных и близких от сердечного приступа.

В комментарии на смерть Вольфганга Фогеля на английском языке радиостанция «Немецкая волна» отмечает, что «в разгар холодной войны, в конце 1950-х годов, Фогель был единственным переговорщиком» между двумя Германиями, которые в то время отвергали любые официальные контакты друг с другом.

Другой посредник – Людвиг Ревингер, – занимался обменом немцев, которые были арестованы органами госбезопасности ГДР. В отличие от своего коллеги, он был известен лишь узкому кругу лиц.

О нем не снимут кино

Фредерик Прайор вошел в историю «холодной войны» как человек, которого обменяли на советского супершпиона Рудольфа Абея. Больше он ничем не знаменит. Даже если бы про него решили снять фильм или написать документальную книгу, то сценаристов и журналистов ждало бы разочарование. Обмен в феврале 1962 года – единственное значимое и яркое событие, которое могло бы заинтересовать зрителей и читателей.

Он родился в 1933 году в США. В 1955 году окончил Оберлин колледж. Это учебное заведение известно тем, что одно из первых в США начало принимать на учебу женщин и афроамериканцев. В 1959 году после окончания Йельского университета преподавал в нем, а также в Западноберлинском свободном университете.

В августе 1961 года он был арестован полицией ГДР. По утверждению отдельных авторов – за преступления экономического характера. Скорее всего, речь идет о незаконных валютных операциях. Затем процедура обмена – и он вернулся в США и продолжил заниматься преподавательской деятельностью. В 1962–1964 годах был ассистентом профессора экономики в Университете Мичигана. Затем получил звание профессора и трудился в различных учебных заведениях США и Западной Европы.

Приложение 1. Рудольф Абель. Возвращение на родину. Отрывок из неопубликованных воспоминаний

«...Дорога шла под уклон, впереди были видны вода и большой железный мост. Недалеко от шлагбаума машина остановилась. У входа на мост большая доска оповещала на английском, немецком и русском языках: «Вы выезжаете из американской зоны».

Приехали!

Мы постояли несколько минут. Кто-то из американцев вышел, подошел к барьеру и обменялся несколькими словами с человеком, стоявшим там. Еще несколько минут ожидания. Нам дали сигнал приблизиться. Мы вышли из машины, и тут обнаружилось, что вместо двух небольших сумок с моими вещами захватили только одну – с бритвенными принадлежностями. Вторая, с письмами и судебными делами, осталась у американцев. Я запротестовал. Мне обещали их передать. Я их получил месяц спустя!

Неторопливыми шагами мы прошли шлагбаум и по легкому подъему моста приблизились к середине. Там уже стояли несколько человек. Я узнал Уилкинсона и Донована. С другой стороны также стояли несколько

человек. Одного я узнал – старый товарищ по работе. Между двумя мужчинами стоял молодой высокий мужчина – Пауэрс.

Представитель СССР громко произнес по-русски и по-английски: «Обмен».

Уилкинсон вынул из портфеля какой-то документ, подписал его и передал мне. Быстро прочел – он свидетельствовал о моем освобождении и был подписан президентом Джоном Ф. Кеннеди! Я пожал руку Уилкинсону, попрощался с Донованом и пошел к своим товарищам. Перешел белую черту границы двух зон, и меня обняли товарищи. Вместе мы пошли к советскому концу моста, сели в машины и спустя некоторое время подъехали к небольшому дому, где меня ожидали жена и дочь.

Кончилась четырнадцатилетняя командировка!».

Источник: Нехамкин С. «За Абелем летописец не ходил». // Известия. – 2003. – 11 июля.

Приложение 2. Советская официальная версия процедуры обмена Абеля на Пауэрса

В 1972 году в СССР издательство «Юридическая литература» опубликовало книгу генерал-майора КГБ Арсения Тишкова «о судебном процессе над выдающимся советским разведчиком Рудольфом Абелем (Вильямом Генриховичем Фишером, 1903–1971), о его пребывании в тюрьме и о последующем обмене на американского летчика Пауэрса». Вот как происходила процедура обмена согласно советской версии.

«7 мая 1960 года Абель сидел в своей камере в тюрьме г. Люисберга (штат Пенсильвания), погружившись в свое излюбленное занятие: решал математические задачи. Вдруг его внимание привлек

легкий шорох. В маленьком окошечке в двери торчала газета, свернутая в трубку.

Это был приятный сюрприз.

Абель оказался в Люисберге, направляясь по этапу в Атланту из Нью-Йорка, куда Рудольф Иванович временно был переведен в связи с рассмотрением его дела в Верховном суде.

Режим для этапников в Люисбергской тюрьме был установлен строгий. Уже более недели он не имел никаких сведений о том, что творится за стенами тюрьмы.

Абель быстро развернул газету и его внимание сразу привлек напечатанный огромными буквами заголовок: «Над Свердловском, СССР, сбит самолет У-2». Ниже, помельче, было напечатано:... «Пауэрс, пилот, схвачен русскими. Ему грозит суд как шпиону».

Самолет Пауэрса был сбит 1 мая, но в США целую неделю никто не знал об аресте Френсиса Пауэрса. Конечно, ЦРУ и Пентагон доложили президенту о том, что разведывательный самолет, на котором он летел, пропал, не вернулся с задания. Но что с ним? Сбит или потерпел аварию, жив ли пилот, и если жив, то где он? На эти вопросы никто не мог ответить до тех пор, пока в Москве не была обнародована соответствующая информация.

Этим и объясняется, почему сообщение, которое сейчас с волнением читал и перечитывал Рудольф Иванович, появилось в американских газетах только 7 мая.

Абель в тот момент не мог еще знать, какую важную роль сыграет в его личной судьбе случай с Пауэрсом. Но все же арест советскими властями американского летчика-шпиона был одним из вариантов, предусмотренных в том письме к судье Байерсу, в котором Донован обосновывал необходимость в интересах США сохранить жизнь Абелью. Естественно,

что Рудольф Иванович невольно подумал об этом. Но жизненный опыт и трезвый рассудок подсказывал: не следует раньше времени предаваться надеждам, которые могут оказаться несбыточными.

Многое в создавшейся ситуации оставалось пока неизвестным. Каков будет результат суда над Пауэрсом? Проявит ли кто-либо инициативу в постановке вопроса об обмене его на Пауэрса? На каких условиях? Найдет ли для себя приемлемыми эти условия противная сторона? Благоприятно или неблагоприятно сложится политическая обстановка? Наконец, нужен ли Пауэрс правительству США?

Ничего этого Абель не знал и поэтому, возвратившись в федеральную тюрьму в Атланте, постарался окунуться поскорее в привычную уже работу в тюремной мастерской и свои обычные тюремные занятия, чтобы поменьше думать о вопросах, разрешение которых от него не зависело.

Однако в американской прессе сразу же вслед за сообщением о гибели У-2 имени Пауэрса и Абеля начали склоняться вместе.

11 мая президент Эйзенхауэр после нескольких неуклюжих попыток изобразить У-2 как самолет метеорологического назначения, а нарушение им границ СССР – как случайность («сбился с пути») вынужден был признать преднамеренный разведывательный характер этих полетов и взял на себя всю ответственность за них, но напомнил о деле Абеля.

Заявление президента было воспринято как сигнал.

Во всех газетах снова запестрели фотографии Абеля и заметки о нем. А в редакционной статье нью-йоркской газеты «Дейли Ньюс» содержалось прямое предложение обменять Абеля на Пауэрса.

Примерно в это же время Абель получил в атлантской тюрьме необычное письмо. Отец Френсиса

Пауэрса - Оливер Пауэрс - сообщал ему, что будет ходатайствовать перед своим правительством об освобождении Рудольфа Ивановича, если тот в свою очередь предпримет шаги к освобождению его сына.

Абель ответил коротко: правительство США запретило ему переписку с семьей, и потому он не может выполнить его просьбу. Абель передал эти письма Доновану и просил переслать их адвокату своей жены.

Донован представил копии этих писем в распоряжение ФБР и ЦРУ И, как он пишет, «по рекомендации правительства» передал телеграфным агентствам краткое сообщение о письмах Пауэрса и Абеля. Конечно, это делалось для того, чтобы довести таким неофициальным путем эту информацию до сведения Москвы и посмотреть, какая последует реакция.

Когда Абелью стало известно, как Донован распорядился его письмами, он направил ему записку с резким протестом. Абель не хотел, чтобы инициатива обмена исходила якобы от него.

24 июня 1960 года Абель неожиданно получил радостную весть: министерство юстиции отменило свой запрет на его переписку с семьей (Донован пишет, что сделано это было с целью облегчить решение вопроса об обмене Абеля на Пауэрса).

Три недели спустя в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, начался судебный процесс по обвинению Френсиса Пауэрса в шпионаже в пользу США. В зале суда присутствовали родители Пауэрса - Оливер и Ида Пауэрс - его жена Барбара и прибывший из США их адвокат. Иностранные дипломаты и журналисты имели возможность своими ушами слышать подробные показания обвиняемого о его шпионской деятельности для ЦРУ и своими глазами видеть вещественные доказательства, подтверждающие эти показания. Все

было оформлено надлежащим образом, в полном соответствии с советским уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, и виновность Пауэрса была полностью доказана.

Пауэрсу грозила смертная казнь, но советский суд ограничился сравнительно мягким приговором. Он был приговорен к 10 годам лишения свободы, причем только первые три года к тюремному заключению, а остальные 7 лет - к содержанию в исправительно-трудовой колонии.

В американских газетах вокруг суда над Пауэрсом началась очередная антисоветская шумиха. Писалось об «отсутствии объективности» у советского суда, о «беспринципности» адвоката, о «бесправии» обвиняемого и т. д., и т. п. Абель писал по этому поводу Доновану:

«Я не могу понять, как может кто-либо назвать приговор Пауэрсу «очень суровым» по сравнению с тридцатью годами, которые получил я. Какими же словами можно охарактеризовать мой приговор? Сомневаюсь, смог бы судья Байерс найти подходящие определения! Иногда я задумываюсь над тем, какова была бы реакция здесь в конгрессе, в печати, по радио и по телевидению, если бы в Канзасе произошло что-либо вроде инцидента с У-2 и в роли злодея в этой пьесе оказался бы русский летчик?»

Однако Донован при первой же встрече с Абелем тоже допустил разные злопыхательские выпады в адрес советского суда (он повторил их позднее в своей книге). Тогда Абель вновь задал ему вопрос:

- Скажите, каким был бы приговор суда США в случае появления советского летчика над городом в центре США, в обстоятельствах, аналогичных полету Пауэрса?

Донован промолчал.

Несмотря на то, что инициатива обмена исходила от американской стороны, дело тянулось страшно медленно. В Вашингтоне шли споры. Министерство юстиции и входившее в его систему Федеральное бюро расследований тянули и противились обмену в надежде на то, что Абеля надоест сидеть в тюрьме и он расскажет им о своей деятельности в США. Руководители же Центрального разведывательного управления, по-видимому, хотели все же поскорее получить Пауэрса, чтобы знать подробности того, что же произошло 1 мая 1960 года под Свердловском.

«Правительству требуется девять месяцев, чтобы сделать то, что вы, адвокаты, занимающиеся частной практикой, делаете за три недели», – так говорил Доновану один из его друзей, рекомендуя проявить терпение.

Учитывая перспективу обмена, американская контрразведка еще раз попыталась получить согласие Абеля на сотрудничество, прежде чем ей, возможно, пришлось бы его освободить. На этот раз Абеля шантажировали угрозой, что при его несогласии обмен может не состояться. Но, по свидетельству Донована, было непохоже, что полковник становится более сговорчивым. Он казался особенно воинственно настроенным.

Медленно шла через все цензурные инстанции переписка Абеля с семьей и переписка его семьи с Донованом. Чтобы ускорить дело, жена Абеля пыталась обращаться непосредственно к президенту, но из этого ничего не получилось.

Прошел еще год. Газеты постепенно перестали писать и об Абеле, и о Пауэрсе. Их страницы заняли новые события, новые сенсации. Только в федеральной тюрьме в Атланте все оставалось по-старому. Правда, сменился начальник тюрьмы Уилкинсон. Его назначили заместителем начальника Управления тюрем США, но

на положении Абеля это никак не отразилось. Жизнь текла размеренно, строго, по раз навсегда установленному руслу.

Тем неожиданнее оказался для Рудольфа Ивановича вызов его к начальнику тюрьмы в конце декабря 1961 года. Абель к нему ни с какими просьбами не обращался и сейчас, сидя в приемной, пытался угадать, зачем он ему понадобился. О том, что произошло дальше, мы передаем в изложении самого Абеля:

«Наконец я вошел, и начальник вежливо предложил мне сесть. Он протянул мне конверт, в верхнем правом углу которого было написано: «Вскрыть в присутствии Абеля Р. И.». Я возвратил ему конверт, он его вскрыл и вынул второй; посмотрев на него, он передал его мне. На втором было написано: «После прочтения уничтожить». Я снова вернул конверт, и начальник вскрыл его. Он вынул сложенный лист бумаги, взглянул на него и передал мне.

Письмо было от Donovan. Он писал, что собирается поехать в Восточный Берлин в качестве неофициального представителя правительства США для ведения переговоров об обмене, и просил меня написать письмо жене, объясняющее цель его поездки, с просьбой обеспечить ему соответствующий прием со стороны представителей советского посольства.

Я сказал начальнику, что напишу соответствующее письмо, и мы договорились, что в обеденный перерыв я ему передам свое послание. Это письмо было доставлено жене в рекордно короткое время – два-три дня против обычных тридцати дней. Вскоре я получил ответ, что жена предпринимает нужные меры.

Машина закрутилась!»¹³⁴

Истинная цель поездки Donovan в Европу хранилась в глубокой тайне. Для родных и знакомых он отправился в Лондон по делам своих клиентов –

страховых компаний. По-видимому, существовали опасения, что в США найдутся силы, которые в последний момент могут сорвать или сильно осложнить осуществление решения президента Кеннеди об обмене.

Опасения же Донована о трудностях, с которыми он встретится в советском посольстве, оказались несостоятельными. Там все вопросы, связанные с обменом, он уладил в несколько дней.

И вот, наконец, наступил момент, которого Рудольфу Ивановичу Абелю пришлось ожидать почти пять лет.

- Абель, возьмите вещи. Идите вниз.

Надзиратель подождал, пока Абель собрал свой несложный тюремный багаж, и проводил его в комнату дежурного.

- Вам надо поехать в Нью-Йорк, - сказал начальник тюрьмы.

Абелю выдали костюм, отвели к парикмахеру. Папку с рисунками и математическими выкладками забрал заместитель начальника тюрьмы. Обещал прислать после просмотра.

Затем Абеля под усиленной охраной направили в Нью-Йорк, а оттуда на специальном военном самолете в Западный Берлин.

Ему не сказали о том, куда его везли. Самолет менял направление. И все же, когда Уилкинсон спросил Абеля, имеет ли он представление о цели полета, тот уверенно ответил: «На Европу», - и молча показал на окно. Уилкинсон понял, что Абель успел определить курс самолета по звездам.

В Берлине Абеля привезли в казармы оккупационных войск США и поместили на гауптвахту, откуда предварительно были удалены все арестованные. Гауптвахта помещалась в подвале здания. Там находились две железные клетки с

койками. В одну из них и посадили Абеля, переодев в костюм, напоминающий пижаму. Принесли еду. Пища была дрянная, и Абель есть не стал.

Он лежал на койке и сквозь прутья клетки разглядывал двух стороживших его конвоиров.

Чего они боятся? – подумал Абель. Было совершенно ясно, что дело шло к обмену. «Удирать» было ни к чему.

– Неужели они думают, что я попытаюсь покончить самоубийством! Дураки!

И с этой мыслью Рудольф Иванович уснул и спал довольно хорошо, так как очень утомился за время пути.

Рано утром пришел Донован и рассказал, что примерно через час произойдет обмен.

– Вы не боитесь возвращаться домой? – спросил Донован.

– Конечно, нет, – последовал быстрый ответ.

Вскоре Донован и Уилкинсон поехали вперед, к месту, назначенному для обмена.

Вслед за ними вывели и Абеля из его последней тюрьмы и усадили в машину. По бокам уселись два гиганта-конвоира, ростом более двух метров и весом килограммов по 130 с лишним. Кроме них, в машине находился еще один человек из числа прилетевших вместе с Абелем из США.

Когда машина уже ехала по Берлину, он повторил вопрос, который уже ранее задавал в самолете.

– Вы не опасаетесь, полковник, что вас сошлют в Сибирь?

– Зачем? – ответил Абель.

– Подумайте, еще не поздно, – продолжал американец.

Абель только усмехнулся и отвернулся от него. Около пяти лет к нему пристают с одним и тем же. Говорить что-либо было противно. Да и не к чему.

Машина затормозила у моста. У входа большая доска оповещала на английском, немецком и русском языках: «Вы выезжаете из американской зоны».

По ту сторону Абель заметил группу людей в штатском и среди них одного своего старого товарища по работе. На середине моста Донован беседовал с советскими представителями.

Один из сопровождавших Абеля американцев подошел к ним и вскоре подал сигнал приблизиться.

Неторопливым шагом Абель направился к середине моста.

«Окруженный здоровенными охранниками, появился Рудольф И. Абель, изможденный и выглядевший старше своих шестидесяти двух лет. Пребывание в тюрьме в Америке оставило на нем заметный след. Теперь, в самый последний момент он держался только благодаря выработанной им внутренней самодисциплине», – такое воспоминание осталось у Донована о последней встрече со своим подзащитным.

Напротив Абеля, у белой черты, разделявшей Глиникер-брюкке ровно пополам, между двумя мужчинами стоял молодой, высокий, краснощекий человек¹³⁵.

«Пауэрс», – догадался Абель, в первый и последний раз в жизни внимательно разглядывая человека, чья судьба так случайно переплелась с его собственной.

Абель взглянул на часы. Они показывали 8 час. 45 мин.

«Представитель СССР громко произнес по-русски и по-английски: «Обмен!» Уилкинсон вынул из портфеля какой-то документ, подписал его и передал мне. Быстро прочел – он свидетельствовал о моем освобождении и был подписан президентом Джоном Ф. Кеннеди! Я пожал руку Уилкинсону, попрощался с Донованом и пошел к своим товарищам. Перешел белую черту

границы..., и меня обняли товарищи. Вместе мы пошли к концу моста, сели в машины и спустя некоторое время подъехали к небольшому дому, где меня ожидали жена и дочь.

Кончилась четырнадцатилетняя командировка!»

Так, в свойственном ему сдержанном, даже суховатом тоне Абель описывает момент своего освобождения.

На этом, собственно, и можно было бы закончить наш рассказ о произволе американского суда и мужестве советского гражданина перед американским судом. Но читатель вправе спросить о дальнейшей судьбе полковника.

Абель давно дома, с семьей. К его правительственным наградам прибавился орден Красного Знамени за мужество и стойкость, проявленные в сложной обстановке перед лицом классового врага.

Несмотря на свои 70 лет и перенесенные испытания, Рудольф Иванович бодр и продолжает заниматься делом обеспечения государственной безопасности СССР, которому посвятил свою жизнь. Передает свой богатый опыт молодым чекистам.

Вспоминая пережитое, Абель говорит, что все то время, пока он находился в американской тюрьме, его поддерживала уверенность в том, что на Родине делается все возможное, чтобы помочь ему. А увлечение математикой и искусством, постоянный труд помогли сохранять душевное равновесие, переносить тяготы тюремной жизни.

Ну, а Хейханнен. Что стало с этим предателем?

После суда над Абелем он окончательно спился. 17 февраля 1964 года в «Нью-Йорк джорнел Америкен» и в других американских газетах появилось сообщение о том, что Хейханнен «погиб в таинственной автомобильной катастрофе на одной из дорог США».

Никто не сожалел о нем.

Донован умер. Рудольф Иванович с теплотой вспоминает о нем. Он считает, что как адвокат Донован сделал все, что было в его силах, и честно отстаивал интересы своего подзащитного. Чтобы как-то лично отблагодарить Донована, Рудольф Иванович, помимо гонорара, послал ему в августе 1962 года небольшой подарок и письмо.

«Дорогой Джим!

Хотя я не коллекционер старых книг и не юрист, я полагаю, что две старые, изданные в XVI веке книги по вопросам права, которые мне удалось найти, достаточно редки, чтобы явиться ценным дополнением к вашей коллекции. Примите их, пожалуйста, в знак признательности за все, что вы для меня сделали.

Надеюсь, что ваше здоровье не пострадает от чрезмерной загруженности работой.

Искренне ваш Рудольф».

К письму были приложены два редких издания «Комментарии к кодексу Юстиниана» на латинском языке.

Донован очень гордился этим подарком и полностью поместил письмо Абеля в своей книге...».

Источник: Тишков А.В. Рудольф Абель перед американским судом. – М., 1971. – С. 68-71.

Американская версия обмена

В августе 1957 года решением Бруклинской ассоциации адвокатов совладелец юридической фирмы, которая специализировалась на помощи страховым компаниям, Джеймс Донован был назначен в качестве защитника Рудольфу Абелю. Возможно, что его выбрали именно из-за того, что в годы второй мировой войны он служил в УСС (Управление специальных служб – предшественник ЦРУ), причем не юристом на территории США, как он сам потом напишет в своих мемуарах, а оперативником в Европе.

На протяжении всего времени нахождения подзащитного на территории США адвокат вел дневник, где фиксировал основные события. Возможно, он решился на такой шаг, планируя в будущем написать книгу. А может, просто решил сохранить для себя это необычное дело. Ведь он впервые защищал интересы коллеги по шпионской работе. В любом случае, его дневник, который стал основой книги «Незнакомцы на мосту», наверное, единственный документ, где так подробно и объективно описан процесс подготовки обмена. Поэтому при написании данной главы основным источником была данная книга.

Кто первым предложил обмен

Согласно записям в дневнике Джеймса Донована, идея обменять Рудольфа Абея на Фрэнсиса Пауэрса была высказана в редакционной статье нью-йоркской газеты «Дейли ньюс» 11 мая 1960 года¹³⁶. Впрочем, на эту идею тогда мало кто обратил внимание. Никита Хрущев потребовал от Соединенных Штатов немедленных извинений и наказания лиц, ответственных за «недопустимые провокационные действия военно-воздушных сил США». Также руководитель Советского Союза предупредил, что в противном случае будет вынужден отказаться от участия в совещании Большой четверки, которое должно было вскоре начаться в Париже. Заседание четырех лидеров все же состоялось и продлилось три часа пять минут, но на нем было принято лишь одно решение: совещание нужно отложить. Эйзенхауэр, конечно, отказался извиниться, и совещание в верхах провалилось прежде, чем началось.

Поэтому идея об обмене американского летчика на советского разведчика оказалась вне зоны внимания Москвы и Вашингтона, хотя, справедливости ради отметим, что еще в начале марта 1958 года Донован в ходе встречи с директором ЦРУ Алленом Даллесом предложил последнему рассмотреть вопрос о возможности обмена Абея на американских агентов, задержанных на территории СССР, или граждан США, находящихся в заключении на территории Китая. Через несколько недель после этой встречи адвокат узнал, что «государственный секретарь, руководитель Госдепа (Джон Даллес - прим. авт.) настроен против всяких переговоров, касающихся обмена Абея, если он не будет признан русскими. Если они хотят сделать такое

предложение, то могут обратиться к ним через соответствующие каналы в государственном департаменте»¹³⁷.

Поясним, что только 12 июня 1958 года глава консульского отдела посольства СССР в США С. Вешунов признал, что хотя Абель не числится среди советских граждан, но он может написать письмо своей семье, «которая предположительно проживает или проживала на территории СССР, мы просим направлять письма вашего подзащитного в консульский отдел посольства. Консульский отдел попытается принять меры к розыску его семьи с тем, чтобы передать его письма»¹³⁸.

После этого Министерство юстиции США дало свое согласие на переписку между Абелем и его супругой. Впрочем, процедура доставки писем была сложной. Написанное Абелем в середине июня 1958 года письма его жена получила спустя несколько месяцев. А ответ от нее он получил вначале декабря 1958 года.

В изданной в 2011 году в Великобритании книге Джайлса Уиттела «Мост шпионов», которая была посвящена обмену Пауэрса на Абеля, утверждалось: «Сотрудница КГБ, назвавшаяся женой Абеля по имени Хелен, регулярно направляла письма американскому адвокату Джеймсу Доновану, который передавал их администрации тюрьмы в Атланте, где сидел ее мнимый муж, а копии пересылал в ЦРУ. На конвертах стоял штамп почтового отделения в Лейпциге, а письма «жены» писал по-немецки Юрий Дроздов, который также фигурировал в них как двоюродный брат заключенного Юрген Дривс». Тогда он имел звание майора и был сотрудником Управления «С» (нелегальная разведка) Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ. Позже он возглавит это управление¹³⁹.

Спустя год, 28 июля 1959 года, Донован получил лаконичное письмо из Министерства юстиции США, где сообщалось следующее:

«Мы хотим сообщить вам о том, что министерство приняло решение принципиального характера: лишить Абеля впредь привилегии вести переписку с кем-либо за пределами Соединенных Штатов Америки, в т. ч. и с лицами, выступающими в качестве жены и дочери... Это наше решение основано на убеждении в том, что предоставление Абелю – осужденному советскому шпиону – возможности продолжать в дальнейшем переписку с людьми из стран советского блока не будет соответствовать нашим национальным интересам»¹⁴⁰.

Кто был «инициатором» обмена в СССР

Несмотря на то, что Абелю была запрещена переписка с семьей, его супруга могла свободно писать Доновану, чем она и воспользовалась, отправив ему послание, которое было предназначено для председателя Верховного суда Эрла Уоррена. Дело в том, что в конце марта 1960 года Верховный суд должен был рассмотреть апелляцию по приговору Абеля.

В письме, которое он получил 20 февраля 1960 года, во-первых, была просьба о снисхождении и помиловании:

«...Неизвестная вам больная женщина с разбитым сердцем берет на себя смелость отнять у вас немного вашего драгоценного времени, чтобы просить о помощи в деле, которое является для нее вопросом жизни и смерти... К несчастью, мне не известны ни обстоятельства дела, ни степень вины моего мужа... но я уверена, что он не мог совершить никакого преступления, ибо в мире мало таких честных, добрых и

благородных людей, как Рудольф. Мне кажется, что суть дела не в нем, а скорее в тех ненормальных, напряженных отношениях, которые сложились между странами Востока и Запада. Мой муж – простой, обыкновенный и очень хороший человек – всего лишь жертва, игрушка беспощадной судьбы...».

А, во-вторых, что более важно, в нем содержалось предложение об обмене.

«Совсем недавно я случайно узнала, что в сентябре 1955 года американским властям в Берлине были переданы трое американских граждан. Как я слышала, они были осуждены в России за антигосударственную деятельность и освобождены досрочно... Я думаю, что их семьи в США понимают, что это было проявлением гуманности. Разве Америка менее гуманная страна, и разве не ясно, что одно доброе деяние влечет за собой другое? Я буду молиться за вас до конца своих дней».

Вот что написал в ответном письме Донован:

«Что касается вашего личного ходатайства, адресованного председателю Верховного суда Уоррену, то я думаю, что мне не стоит уведомлять его об этом ходатайстве. По-моему, оно не принесет никакой пользы, а, весьма возможно, серьезно повредит делу вашего мужа. Если решение будет в его пользу, то меньше всего можно ожидать, что это будет результатом какого бы то ни было сочувствия к тяжелому положению вашего мужа.

Что касается вашего упоминания о передаче американских служащих в 1955 году, я считаю, что по таким вопросам правильнее было бы обратиться в наш государственный департамент. В настоящее время американскую общественность больше всего интересует судьба американцев, находящихся в заключении в коммунистическом Китае»¹⁴¹.

Добавим, что послание супруги Абеля он переслал в Госдеп США, где оно осталось без внимания чиновников.

Кто был инициатором обмена в США

12 июня 1961 года Донован получил от Абеля письмо, где последний сообщил: «Я получил письмо от г-на Пауэрса, отца летчика самолета У-2». Затем следовал текст послания отца сбитого летчика. Вот он:

«Уважаемый полковник Абель, я отец Фрэнсиса Пауэрса, связанного с катастрофой У-2, произошедшей несколько недель назад. Я уверен, что вам известно об этом международном инциденте и о том, что мой сын в настоящее время задержан в Советском Союзе по обвинению в шпионаже.

Вы, конечно, поймете мое беспокойство как отца о судьбе моего сына и мое страстное желание, чтобы моего сына освободили и вернули домой. Я имею намерение просить государственный департамент и президента Соединенных Штатов об обмене с целью освобождения моего сына. Я имею в виду, что буду настаивать и сделаю все возможное, чтобы добиться от моего правительства вашего освобождения и возвращения на родину, если власти вашей страны освободят моего сына и разрешат ему вернуться ко мне. Если вы согласны действовать в этом направлении, я был бы вам обязан, если вы сообщите мне об этом и поставите в известность власти вашей страны.

Я был бы признателен, если бы вы возможно скорее написали по данному вопросу.

(подпись)

Искренне ваш Оливер Пауэрс»

В присланном адвокату письме содержался и ответ Абеля Пауэрсу-старшему. Прочитируем его:

«Уважаемый г-н Пауэрс!

Как я ни ценю и понимаю вашу заботу о безопасности и возвращении вашего сына, я, к сожалению, должен сказать, что, учитывая все обстоятельства, вашу просьбу следует адресовать не мне. Видимо, вы должны были обратиться к моей жене. К сожалению, мне по указанию министерства юстиции не позволяют писать семье, и поэтому я не могу сообщить ей о вашей просьбе лично».

Также он просил отослать копии этих писем «адвокату его жены в Восточном Берлине Фогелю, чтобы он полностью ввел в курс событий г-жу Абель».

Далее адвокат пояснил, что «ранее я сообщал Абелю, что отправляюсь по делам в Европу, и это побудило его написать, что, «пожалуй, было бы полезным, если бы вы смогли встретиться с адвокатом моей жены... Он мог бы получить от вас гораздо более ясное представление о сложившейся ситуации, чем из любой переписки. Надеюсь, что у вас будет приятное путешествие».

Абель, несомненно, понимал, что теперь появилась возможность соответствующей сделки»¹⁴².

Процесс пошел

Если быть точным, то началом запуска процедуры обмена, а вернее, подготовки к ней следует считать июль 1959 года, когда Донован получил письмо от своего коллеги из ФРГ. Вот как он описал это событие, которое произошло 27 июля:

«В этот день, к моему удивлению, я получил письмо от юриста из Восточной Германии со звучным именем Вольфганг Фогель (Альт-Фридрихсфельде, 113, Берлин – Фрид-рихсфельде).

Он писал:

«Дорогой коллега!

Г-жа Эллиен Абель из Германской Демократической Республики поручила мне защиту ее интересов. Моя роль в основном будет состоять в организации переписки между г-жой Абель и вами. Прошу вас в будущем переписываться только со мной».

Немецкий юрист сообщал, что уже произведена первая выплата и мне переведены 3500 долларов. «Я лично уверяю вас, – писал он, – что все другие расходы будут покрыты моей клиенткой, как только вы подтвердите получение указанной выше суммы».

Несколько дней спустя мой банк (Ферст нэшнл сити банк) известил меня о получении 3471 доллара 19 центов от г-жи Эллиен Абель из Лейпцига. Я послал телеграмму господину Фогелю, в которой сообщил о получении первой суммы в счет моего «символического гонорара».

Полковник писал мне:

«Вас не должен волновать тот факт, что выслана лишь часть денег, поскольку я сам посоветовал жене послать сначала небольшую сумму, с тем чтобы убедиться в том, что перевод доходит»¹⁴³.

Именно Фогель фактически выступил в роли посредника в переговорах между США и СССР об обмене американского летчика на советского разведчика. Его дебют окажется столь успешным, что во время «холодной войны» он примет участия еще в нескольких десятках аналогичных дел.

Расскажем теперь о том, как начался процесс переговоров. Он начался с того, что Donovan отправил копию письма Пауэрса-старшего и ответ на него Абеля в ЦРУ и ФБР. Также, как следует из записи его дневника от 12 июня, «и по рекомендации правительства передал телеграфным агентствам краткое сообщение о письмах

Пауэрса и Абеля. В результате эта история снова появилась на первых страницах газет под такими заголовками: «ПЕРСПЕКТИВА ОБМЕНА ШПИОНАМИ – ПАУЭРСА НА АБЕЛЯ»; «США ИЗУЧАЮТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТЦА ЛЕТЧИКА». Но министерство юстиции и государственный департамент немедленно опубликовали заявление: «Комментариев нет». Тем не менее один из высокопоставленных, но анонимных источников осторожно пояснил, что имеются два обстоятельства, препятствующих такому обмену: 1) Пауэрсу еще предстоит суд по обвинению в шпионаже; и 2) русские никогда не признавали, что Абель является их агентом, не говоря уже о признании его советским гражданином. Для советского правительства вступить в переговоры об обмене Абеля было бы равносильно признанию того, что оно санкционировало проведение шпионской деятельности.

Именно поэтому Абель был недоволен сообщениями печати и послал мне по этому поводу резкую записку.

Он писал:

«У меня не такое положение, чтобы проявлять инициативу в отношении переговоров об обмене или участвовать в них. Я отправил копии писем О. Пауэрса и моего ответа исключительно для сведения моей жены. Я хочу, чтобы г-н Фогель знал, что сообщения в печати появились не по моей инициативе... Я считаю, что в данном случае нет необходимости в рекламе, и считаю, что нецелесообразно что-либо предпринимать, что могло бы ей способствовать».

Но в общем эта реклама привела к положительным результатам. В газетах ряда городов США появились редакционные статьи в поддержку предлагаемого обмена. Их содержание, в общем-то, сводилось к тому, что «мы хотели бы, чтобы Фрэнсис Пауэрс вернулся на родину». А тем временем сообщения телеграфных

агентств, на что мы и рассчитывали, тщательно изучались в Москве.

На другой день в десять часов утра я со своим сыном Джоном выехал по делам в Лондон на борту лайнера «Нью-Амстердам»¹⁴⁴. Впрочем, эта поездка больше напоминала отпуск. Ведь после посещения Лондона они побывали «в Цюрихе, Париже, Дублине и вновь в Лондоне».

24 июня 1961 года Донован узнал, что Абелю вновь разрешили вести переписку с семьей и адвокатом Фогелем и «что они сами могут действовать в вопросе об обмене по своему усмотрению». Далее адвокат признался, что во время поездки по Западной Европе «мы отдыхали душой и телом, стараясь не вспоминать того, что у меня есть русский клиент, которого зовут Абелем». Впрочем, одна обязанность у него все же была. Если он получит письмо от Фогеля, то должен немедленно обратиться в ближайшее американское посольство.

Кто тормозил процесс

Согласно записи из дневника Донована, которую он сделал 10 сентября 1960 года:

«Как только процесс Пауэрса закончился, на сцене снова появилась г-жа Абель. После трехмесячного перерыва она написала с целью прокомментировать обмен письмами между Оливером Пауэрсом и ее мужем:

«Мы с дочерью страстно хотим, чтобы Рудольф освободился из заключения и как можно скорее вернулся к нам, но предполагаемый способ (обмен) кажется нам не только нереальным, но даже опасным. Муж в своем письме пишет, что дело летчика не имеет к нему никакого отношения. Поэтому мы не понимаем, почему возник этот вопрос. Чтобы продумать наши

дальнейшие шаги, мне, видимо, придется встретиться с моим адвокатом в Восточном Берлине...»

Делать было нечего – оставалось только ждать и надеяться, что настанет время, когда ветер подует в другом направлении»¹⁴⁵.

После этого в процессе переговоров об обмене наступила пауза.

4 января 1961 года Donovan записал в своем дневнике:

«На совещании в верхах Хрущев предложил отложить переговоры на восемь месяцев, явно подразумевая при этом, что президента Эйзенхауэра, который оставался уже на своем посту два срока и не мог быть переизбран, к тому времени уже не будет. 8 ноября президентом был избран Джон Фитцджеральд Кеннеди, и советский руководитель дал понять, что он хочет, чтобы инцидент с У-2 «стал делом прошлого», и выразил надежду, что с приходом к власти в Америке нового главы государства «подует свежий ветер».

Он так прокомментировал эту запись. «Эти высказывания, конечно, не ускользнули от внимания друзей полковника Абеля, и поэтому я не удивился, когда Рудольф в своем первом письме в новом году написал:

«Кстати, в одном из своих последних писем жена советует мне обратиться с ходатайством к новому президенту. Я указал, что при данных обстоятельствах не считаю это возможным для себя, но предложил, чтобы она сделала это сама, предприняв примерно такие же шаги, как родственники Пауэрса и другие... Я был бы вам весьма признателен, если бы вы смогли дать ей совет по этому вопросу».

Мой совет г-же Абель сводился к тому, чтобы она обратилась в Белый дом просто с просьбой, а не с юридическим ходатайством, но я рекомендовал ей

направить эту свою просьбу только после того, как новое правительство приступит к выполнению своих обязанностей.

Как обычно, я держал наше правительство в курсе всех событий».

Жест доброй воли

В конце января 1961 года произошло два важных события.

«21 января президент Кеннеди официально вступил в должность. Четыре дня спустя новый президент провел свою первую пресс-конференцию и объявил об освобождении советскими властями капитанов ВВС Фримена Олмстеда и Джона Маккоуна, пилотов самолета РБ-47, который был сбит советским истребителем 1 июля 1960 года. Этот разведывательный самолет совершал полет над Баренцевым морем, и они были единственными уцелевшими членами экипажа, состоявшего из шести человек. Со стороны Хрущева это был жест доброй воли по отношению к новому правительству. Атмосфера стала немного разряжаться»¹⁴⁶.

Супруга Абеля выполнила просьбу адвоката и написала в начале февраля 1961 года новому президенту США ходатайство о помиловании. Прочитируем этот документ:

«Германия, Лейпциг, 22, Эйзенахерштрассе, 24,
г-же Э. Фостер, для г-жи Э. Абель

Его превосходительству г-ну Дж. Ф. Кеннеди,
Президенту Соединенных Штатов Америки

8 февраля 1961 года

Уважаемый г-н Президент!

Простите, что я отрываю вас от важных государственных дел ради рассмотрения моего личного

дела, но для меня оно поистине является жизненно важным.

Я жена Р. И. Абеля, который был приговорен в 1957 году к тридцати годам тюремного заключения... Меня зовут Эллен Абель. Я родилась в России в 1906 году. Я преподавательница музыки и живу в Германии со своей дочерью Лидией Абель.

После того как судьба более десяти лет назад разлучила меня с мужем, я все время жестоко страдала, ожидая его возвращения. Мне не известны все обстоятельства дела мужа, но я убеждена, что он не мог сделать ничего аморального и преступного. Поверьте мне, он очень честный, благородный и добрый человек. Я знаю его лучше, чем кто бы то ни было. Я убеждена, что его по не известной мне причине оклеветали и запутали в чем-то злые люди... Ни одно неопровержимое доказательство его виновности в нанесении ущерба безопасности США не было представлено. Почему же его так сурово покарали? Я пишу об этом не потому, что пытаюсь убедить вас в его невиновности, - я понимаю, что это не в моей власти; я пишу лишь для того, чтобы просить вас быть гуманным и снисходительным к моему несчастному мужу, даже если вы вполне уверены в его виновности...

Меня воодушевила хорошая весть, о которой я узнала из газеты, что в России были освобождены и переданы американским властям два американских летчика, Олмстед и Мак-коун. Это вселило в меня надежду на возможность благожелательного рассмотрения вами вопроса о досрочном освобождении моего мужа. Я убеждена, что, если вы будете милостивы к моему бедному мужу, такой поступок будет понят всеми не только как проявление вами гуманности и доброты, но и как свидетельство вашего стремления содействовать возникновению новой эры мира в истории человечества. Такой гуманный поступок,

безусловно, не может не сказаться благотворно на судьбе некоторых американцев, которые попали в беду за границей и не могут вернуться домой.

Прошу вас, г-н Президент, удовлетворить мое прошение...

С величайшим уважением, искренне ваша

(подпись)

Эллен Абель».

Этот документ адвокат прокомментировал так: «для меня смысл этого послания был ясен: Хрущев закидывал удочку, не удастся ли добиться от Кеннеди освобождения Абеля взамен освобождения пилотов РБ-47»¹⁴⁷.

Впрочем, в Вашингтоне проигнорировали этот сигнал.

Вода камень точит

В Москве не теряли надежды на успех. Вот что записал в своем дневнике Донован 8 мая 1961 года.

«Удрученная» г-жа Абель опять принялась за дело. Подождав три месяца ответа от президента Кеннеди, г-жа Абель снова подняла вопрос об обмене. На этот раз она предложила нечто конкретное.

«Размышляя над тем, нельзя ли как-нибудь ускорить решение этого вопроса, я вспомнила о письме, которое в прошлом году прислал моему мужу отец летчика Пауэрса. Я его читала, но, если я не ошибаюсь, он предложил моему мужу предпринять какие-то совместные шаги с целью помочь своему сыну и моему мужу освободиться. Рудольф писал мне тогда, что дело Пауэрса не имеет к нему никакого отношения, и я сама не считала, что Пауэрс может помочь в освобождении моего мужа.

Я хотела сразу написать об этом г-ну Пауэрсу, но боялась, что вся эта история получит огласку, которая неблагоприятно отразится на судьбе моего ходатайства. Не зная, как поступить, я решила просить у вас совета... что надо сделать, чтобы ускорить решение нашего дела? Пожалуйста, не оставляйте моего письма без ответа».

Решив тотчас же, не откладывая, связаться с нашим правительством, я написал: «По моему мнению, совершенно очевидно, что мы впервые получили предложение обменять Пауэрса на Абеля».

Когда я писал это письмо в Вашингтон, мне невольно вспомнились события мрачного дня 15 ноября 1957 года, когда я стоял в бруклинском Федеральном суде перед судьей Байерсом и просил сохранить Абелю жизнь, обосновывая свою просьбу, между прочим, и тем, что нельзя было исключить вероятность того, что в обозримом будущем работниками соответствующих служб Советской России или ее союзников может быть задержан американский разведчик соответствующего ранга. В таком случае обмен заключенными через дипломатические каналы, возможно, будет наилучшим образом соответствовать интересам Соединенных Штатов Америки.

Теперь дело уже сдвинулось с мертвой точки, но продвижение осуществлялось в крайне медленном темпе. В течение последующих девяти месяцев я получил от г-жи Абель еще три письма. Тем временем полковника информировали о всей переписке. Один из моих вашингтонских друзей рекомендовал мне проявлять терпение, поясняя, что «правительству обычно требуется девять месяцев, чтобы сделать то, что вы, адвокаты, занимающиеся частной практикой, делаете за три недели».

Полковник, как всегда, реагировал немедленно. Он написал: «Лично я считаю это правильным шагом, и

если Пауэрсы согласятся, это поможет нам выяснить ситуацию в ближайшее время. Я написал г-же Абель, что согласен с ее решением...»

Рудольф указал, что для него единственной неразрешенной проблемой является вопрос о том, чтобы найти страну, которая предоставила бы право убежища ему и Пауэрсу»¹⁴⁸.

А вот что записал в своем дневнике Донован 17 июня 1961 года.

«Письма продолжали поступать. Прошло несколько недель, и вот от «удрученной» Эллен снова пришло письмо в знакомом светло-голубом конверте.

«Получив это столь важное для меня и долгожданное письмо, я сразу же отправилась в Берлин. Я посетила советское посольство и просила помочь мне добиться освобождения моего мужа, ибо сама я ничего уже не могу для него сделать. Меня внимательно выслушали и попросили зайти еще раз через несколько дней.

Когда я пришла во второй раз, мне сказали, что к моей просьбе отнеслись сочувственно, и рекомендовали мне действовать через установившиеся каналы.

В связи с этим я уверена, что если мой муж будет прощен, то и г-н Пауэрс будет амнистирован...»¹⁴⁹.

Прошло чуть больше месяца. Запись от 26 июля 1961 года:

«После обсуждения этого вопроса правительственными чиновниками я написал «г-же Абель»:

«По получении вашего письма от 17 июня я отправился в Вашингтон, чтобы обсудить этот вопрос с соответствующими официальными лицами. В результате у меня сложилось мнение, что они проявляют интерес к возможностям, указанным в вашем письме».

Я написал и письмо Абелю, приложив к нему копию последнего сентиментального произведения его «жены», закончив письмо следующими словами: «Думаю, что я сделал все, что было в моих силах. Следующий шаг, как вы видите, остается всецело за советскими представителями. У меня имеются все основания полагать, что после освобождения Пауэрса вы можете рассчитывать на помилование главой правительства и на депортацию»¹⁵⁰.

Далее в дневнике идет «двойная» запись, которая датирована «Четверг, 17 августа; понедельник 11 сентября». Вот что было в ней:

«От г-жи Абель из Лейпцига было получено два письма. Одно из них, присланное в мою контору, предназначалось для передачи г-же Барбаре Пауэрс. Видимо, г-жа Абель в июле потеряла терпение и поэтому написала: «Вы можете надеяться увидеть вашего мужа через девять лет еще молодым, а для меня каждый день разлуки – это еще один шаг к смерти. Мы уже пожилые люди, наше здоровье никуда не годится, и мы не можем надеяться прожить долго. Простите меня за эту невольную жалобу...».

Затем она повторила свое обычное утверждение, что Рудольфа посадили в тюрьму за преступления, которых он не мог совершить, рассказала о своем прошении, направленном президенту Кеннеди, и, наконец, стала настаивать, чтобы жена Пауэрса обратилась к американскому президенту с призывом принять определенные меры для возвращения ее мужа: «ТЕПЕРЬ И ВАШЕ И МОЕ ДЕЛО ПОЛНОСТЬЮ ЗАВИСИТ ОТ АМЕРИКАНСКИХ ВЛАСТЕЙ – от того, примут ли они какие-либо меры, чтобы освободить своего летчика».

Мне она писала:

«По вашему совету я посетила советское посольство в Берлине и показала ваше письмо от 26 июля. Рада

сообщить вам, что советские представители, как и раньше, проявили большое понимание и заверили меня в своей готовности помочь мне...

Из нашей беседы я поняла, что теперь имеется только один возможный путь добиться успеха: **ОДНОВРЕМЕННО ОСВОБОДИТЬ ПАУЭРСА И МОЕГО МУЖА, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИМ ОБРАЗОМ ОРГАНИЗОВАНО».**

Вот оно, наконец! Этого я и ожидал. Она закончила письмо словами: «С нетерпением жду вашего ответа...»¹⁵¹.

Подготовка процедуры обмена

Согласно записи из дневника Донована, которая датирована 11 января 1962 года: «По приглашению правительства США я присутствовал на совещании в Вашингтоне, где мне было сообщено, что, согласно принятому «на высшем уровне» решению, обмен Абеля на Пауэрса будет отвечать национальным интересам.

- Если вы согласны, - сказали мне, - то мы хотели бы, чтобы вы взяли на себя миссию выехать в Восточную Германию для переговоров об обмене.

Я охотно согласился, и мы обсудили все возможные последствия этой миссии. Естественно, возникал вполне законный вопрос: насколько велика будет потеря с нашей стороны, если мы освободим такого «мастера шпионажа», как Абель? Невольно напрашивался ответ, что это не будет особенно большой жертвой. Во-первых, почти за пять лет его пребывания в тюрьме стало ясно, что Абель отнюдь не намерен «сотрудничать» с нашими контрразведывательными органами. Во-вторых, поскольку в функции агента разведки входит не только сбор сведений, но и незамедлительная передача их своему начальству, то можно было полагать, что теперь

Абель может представить в Москве только текущие отчеты о жизни в тюрьмах США. Все сведения, собранные им до ареста, были уже известны его руководству. И, наконец, в-третьих, после международной огласки, которую получило его дело, невозможно было представить, что его вновь попытаются использовать в качестве разведчика.

- А как насчет его использования там, у себя, для оценки поступающих отсюда разведывательных данных? - спросил я. - С его знанием Соединенных Штатов он, видимо, будет идеальным человеком, чтобы возглавить отдел Северной Америки в московском КГБ.

- Вряд ли, - сказали мне. - Если бы мы приняли обратно человека, который много лет прожил за границей и был изолирован от нас, мы наверняка усомнились бы в его полной лояльности. В таких вещах нельзя рисковать. А коль скоро даже мы стали бы колебаться в вопросе о том, можно ставить такого человека во главе «совершенно секретного» отдела или нет, то уж советские органы, известные своей осторожностью, безусловно, еще менее охотно пойдут на это. Абель провел здесь около девяти лет. Его собственный помощник оказался перебежчиком. Одно то, что мы соглашаемся освободить его, непременно вызовет у русских сомнения, и они будут подозревать, что он «продался». Вероятнее всего, его будут использовать только для того, чтобы обучать технике шпионажа других. Но даже и тут при его возрасте и слабом здоровье он не сможет быть особенно полезен, если только его вообще решатся использовать.

Эти рассуждения показались мне разумными.

Поскольку отъезд по делам в Европу был для меня вполне обычным явлением, мы договорились, что я отправлюсь в Лондон привычным порядком. Я заранее извещу своих друзей, забронирую номер в гостинице, куплю билет на гражданский самолет, но скрою цель

моей поездки не только от своих сослуживцев, но и от своей семьи.

Я составил и отправил из Вашингтона в Лейпциг письмо «фрау Абель», в котором говорилось, что произошли «важные события», вследствие которых возникла необходимость нашей встречи. Я закончил его следующими словами: «Предлагаю встретиться в советском посольстве в Восточном Берлине в субботу 3 февраля 1962 года, в двенадцать часов дня. Не следует никому рассказывать об этой встрече. В случае согласия телеграфируйте мне, пожалуйста, в мою адвокатскую контору тремя словами: «Счастливого Нового года».

В мае наше министерство юстиции категорически отклонило адресованное г-жой Абель президенту Кеннеди ходатайство о помиловании. Я счел для себя необходимым заставить официальным письмом, которое убедило бы русских, что правительство Соединенных Штатов выполнит обещание освободить Абеля, которое я дам. В конце дня мне вручили такое письмо, но я был неудовлетворен чрезмерной осторожностью формулировки, носившей расплывчатый и туманный характер. Изменить ее, однако, отказались, и это было все, что я повез с собой в Восточную Германию в качестве доказательства моего официального статуса. Вот текст письма, напечатанного на бланке министерства юстиции:

«Уважаемый г-н Донован!

В связи с состоявшимся недавно при вашем участии совещании по вопросу о помиловании вашего клиента настоящим заверяю вас, что после выполнения определенных условий изложенная в письме к жене вашего клиента причина, по которой вопрос о помиловании не может рассматриваться, уже не будет существовать.

Искренне ваш *Рид Коварт*,

атторней по делам о помиловании»¹⁵².

Прервем на минуту рассказ Донована и предупредим читателей, что как сам признался автор дневника: «Нижеследующий отчет касается задания, выполненного по поручению правительства Соединенных Штатов! По соображениям государственной безопасности в нем сделано несколько необходимых купюр и изменены отдельные детали».

Вот что произошло 25 января 1962 года: «В десять часов утра я в своей конторе получил телеграмму из Берлина. «Счастливого Нового года», – говорилось в ней, и стояла подпись: «Елена». Вопрос о встрече в Восточном Берлине был решен».

Через два дня, 27 января 1962 года началось непосредственное выполнение миссии Донованом.

«После завтрака я на такси отправился в Гарвардский клуб, где у меня была договоренность о встрече с одним лицом, с которым я был связан в Вашингтоне, чтобы получить окончательные инструкции. Я дал ему подробный маршрут своего путешествия, а он сообщил мне, когда я могу получить официальные инструкции в Лондоне.

Он рассказал мне, что в Восточной Германии арестован молодой американец из Мичигана, студент Йельского университета Фредерик Л. Прайор, которому предъявлено обвинение в шпионаже. До постройки берлинской стены Прайор занимался в Восточном Берлине исследовательской работой, завершая докторскую диссертацию о торговле за «железным занавесом». Он копнул слишком глубоко и раздобыл какие-то материалы, которые считались секретными, и теперь восточные немцы собирались организовать пропагандистский процесс над ним. Прокурор официально заявил, что потребует смертной казни для молодого американца. Полагали, что вся эта история

широко освещается в печати в надежде на то, что американское общественное мнение настроится в пользу Прайора и вынудит тем самым Соединенные Штаты пойти на какую-то форму признания восточногерманского правительства.

Другой молодой американский студент, Марвин Макинен из Пенсильванского университета, был тоже арестован за шпионаж на том основании, что, совершая туристическую поездку по России, он тайно фотографировал военные объекты. Его дело рассматривалось в советском суде. Он был признан виновным и приговорен к восьми годам тюремного заключения в России.

Мне сообщили, что теперь восточногерманский адвокат Фогель утверждает, что он представляет интересы как семьи Абеля, так и семьи Прайора. На днях он прислал в миссию США в Западном Берлине письмо, в котором сообщалось о том, что г-жа Абель уверена в возможности освобождения Прайора и Макинена, если США согласятся обменять Абеля на Пауэрса. Однако наши люди считали, что доверять Фогелю не следует. Рекомендация, данная мне правительством, заключалась в том, что моей основной задачей должен стать обмен Абеля на Пауэрса, хотя и не возбранялось попытаться освободить всех трех американцев, ибо вне рамок этого обмена «человека за человека» мне представлялось право поступать по собственному усмотрению, «по наитию». Я решил попытаться освободить всех трех американцев»¹⁵³.

30 января 1962 года Донован прилетел в Западную Европу. С этого момента его жизнь стала напоминать сюжет шпионского романа.

«Я прибыл в Лондон рано утром после обычного полета на реактивном пассажирском самолете Панамериканской компании и остановился в гостинице

«Клэридж», где меня посетил молодой, но чрезвычайно эрудированный «г-н Уайт», который сообщил мне, что в Берлин я должен отправиться в следующую пятницу. Он сообщил мне, что в течение остальной части путешествия меня из соображений безопасности будут называть «г-н Деннис». Затем он отсчитал мне пачку купюр в западногерманских марках, а я налил ему для подкрепления рюмку коньяка «Клэридж».

Отдыхая в своем номере, я мысленно все время возвращался к периоду второй мировой войны, когда я часто останавливался в гостинице «Клэридж» вместе с покойным генералом Донованом. Управлению стратегических служб приходилось держать здесь в резерве апартаменты для находившихся в эмиграции правительств, подпольную деятельность которых мы субсидировали. Югославский король Петр и румынский король Михай помещались на нашем этаже. К нам же без конца приходили самые разнообразные посетители, которые хотели посоветоваться с генералом. Помнится, многие из них при знакомстве представлялись мне как «г-н Деннис»».

Вновь «г-н Уайт» посетил «г-на Денниса» на рассвете 2 февраля 1962 года.

«Я выписался из гостиницы. Я попросил администратора задержать до моего возвращения почту, которая прибудет на мое имя, и отправил жене телеграмму, где сообщал, что друзья пригласили меня на несколько дней отдохнуть в Шотландии. Она давно уговаривала меня устроить себе именно такой отпуск.

Еще до рассвета мы заехали за молодой женщиной, служащей в английских органах безопасности. Она спокойно уселась на заднем сиденье нашей маленькой машины. Часа два «Уайт» вел машину, взяв направление на одну из английских воздушных баз, расположенных в лондонских окрестностях. Всю дорогу, не переставая, лил дождь.

Когда мы прибыли на воздушную базу, женщина показала документы часовому, а тем временем из постовой будки вышел какой-то господин в темной штатской одежде с весьма подходящим к случаю котелком на голове. Усаживаясь на заднем сиденье машины, он приподнял котелок, приветствуя «г-на Денниса», пожаловался на ненастную погоду, а затем спросил у меня паспорт. Согласно полученным мною инструкциям, я открыл его на странице с визой, где не было ни моей фамилии, ни фотографии, и он аккуратно поставил на ней официальный штамп, удостоверяющий, что я только что покинул пределы Великобритании. Мы миновали почти всю территорию базы и несколько минут спустя остановились у ожидавшего нас американского самолета С-45. Я вышел из машины с саквояжем в руках. Молодая англичанка, стоя под дождем, помахала мне рукой и весело сказала: «С богом, г-н Деннис». Господин в штатском снова приподнял котелок.

Капитан ВВС США Макартур тут же представился мне, и самолет поднялся в воздух с единственным пассажиром на борту – «г-ном Деннисом». За завтраком, состоявшим из жареных пирожков с кофе, капитан пояснил, что из-за отвратительной погоды нам придется лететь на военно-воздушную базу в Висбадене (Западная Германия), обогнув Амстердам. Следующие три часа я провел за чтением книги.

Мы заправились в Висбадене, подкрепились в самолете сэндвичами с кофе, а затем летели два часа в полнейшем тумане, прорезая то дождь, то снег, вдоль узкого «коридора» над территорией Восточной Германии в Берлин. Наконец мы спустились на аэродром Темпельгоф, где наш самолет встретил американец по имени Боб, чья небольшая машина ожидала нас на стоянке неподалеку. Шел сильный снег.

Никому, казалось, до нас не было дела, и мы быстро уехали.

Молча мы проделали весь путь, пока не остановились у неосвященного частного дома в жилом секторе Западного Берлина. Войдя, мы зажгли свет в столовой, опустили шторы, сняли покрытую снегом одежду и впервые как следует разглядели друг друга.

- Привет, - сказал мой попутчик. - Извините, что я не очень-то занимал вас разговорами во время поездки, но я полагал, что после перелета из Лондона вам захочется отдохнуть, прежде чем мы с вами поболтаем. (Это был высокий симпатичный мужчина лет сорока, спокойный и уверенный в себе.)

- Вы будете жить здесь один. Ежедневно по утрам сюда будет приходить вполне надежная прислуга-немка, которая будет готовить вам завтрак и убирать постель. Мы постарались устроить вас поудобнее, и вы найдете здесь все что нужно - от американских сигарет и старого выдержанного шотландского виски до самых свежих журналов. Вам, пожалуй, следует распаковать теперь ваши вещи и пару часов отдохнуть. Я зайду попозже, и мы пойдем обедать.

Три часа спустя мы превосходно пообедали с ним в ресторане, расположенном на маленькой улочке. Разговор шел о чем угодно, только не о моей миссии. Затем мы отправились на машине в гостиницу «Берлин-Хилтон», полностью оккупированную коммерсантами, и Боб показал мне ее тускло освещенный бар «Голден-сити». Когда мы ехали сквозь снегопад домой, он сказал, чтобы я позвонил ему завтра, после поездки в Восточный Берлин, из гостиницы «Берлин-Хилтон» по не зарегистрированному в справочнике телефону, который я должен был запомнить. У этого телефона, по его словам, должны были, исключительно для этой цели, круглосуточно дежурить, пока я буду находиться в Берлине. Вернувшись в свой пустой дом, я поднялся

наверх и улегся спать в холодную постель, вспоминая вчерашний вечер в «Клэридже» с его теплой атмосферой и музыкой»¹⁵⁴.

А вот что произошло на следующий день, 4 февраля 1962 года.

«Я проснулся от холода. На улице шел дождь со снегом, и стоял тот удручающий мрак, которым обычно бывает окутан Берлин в плохую погоду. Но меня беспокоил главным образом страшный холод в спальне.

Прошло не менее часа, прежде чем я разобрался в устройстве дома, являвшем собой образец типично немецкой бережливости. В доме были две отдельные отопительные системы – одна для нижнего, а другая для верхнего этажа – установленные с тем расчетом, чтобы ни одна из них не использовалась напрасно, без нужды. Днем ни один из жильцов, у которого есть хоть капля здравого смысла, не стал бы зря расходовать топливо, обогревая спальню, а ночью – столовую. Согласно немецкой логике, даже в самые суровые морозы в Берлине только круглый идиот поддерживал бы тепло во всем доме в течение суток. Чтобы обеспечить полную эффективность этого дьявольски хитроумного плана, из прихожей шло два отдельных хода, один – в столовую, а другой – на лестницу, которая вела на второй этаж в спальню. Накануне вечером ни Боб, ни я не позаботились включить верхнюю отопительную систему. А температура была около нуля.

Вскоре я обнаружил, что простудился. У меня ныла спина, и похоже было, что начинается плеврит. Когда приехал Боб, мы установили, что температуры у меня нет, и он обещал привезти мне мазь для втираний. Мы оба считали нежелательным, чтобы я обращался к американскому гражданскому врачу. Мы попытались представить себе сурового немецкого бюргера

(потихоньку проклиная его), который построил этот дом, а теперь, видимо, греется на солнышке где-нибудь на пляже в Аргентине.

До прихода Боба я вышел пройтись и обнаружил неподалеку старый католический костел. Как раз шла восьмичасовая месса. В тускло освещенном костеле было немного людей. Вероятно, многим помешало прийти ненастье. Я заметил, что среди прихожан почти не было молодежи. Больше всего было женщин. У нескольких присутствовавших на службе стариков на рукавах имелись черные повязки – вероятно, в память о сыновьях, погибших на фронтах второй мировой войны. В древнем костеле было почти так же холодно, как и в моей спальне.

После вкусного завтрака, поданного нам молчаливой прислугой-немкой, Боб показал мне на карте города единственные оставшиеся открытыми проходы через берлинскую стену.

Когда мы ехали на западноберлинскую станцию эстакадной железной дороги, где я купил билет в оба конца (на счастье, как я сказал Бобу), была сильная метель. Я поднялся по лестнице и сел в первый же вагон. Поздно ночью я описал все подробности своей поездки в моем официальном донесении в Вашингтон.

Каждый раз, возвращаясь вечером из Восточного Берлина, я шел в бар «Голден-сити» и набирал не числившийся в справочнике номер телефона, после чего в бар являлся Боб. Тем временем я успевал набросать краткую сводку за день. Он вез меня домой, сразу же отсылал сводку в Вашингтон, а после ужина приводил ко мне стенографистку, которой я диктовал подробное донесение. Все последующие «ежедневные записи» представляют собой выдержки из таких донесений. Остальные подробности взяты из моих дневников.

Около 11 часов 15 минут я вошел в здание станции «Зоопарк» эстакадной железной дороги и сел в поезд,

который через двадцать минут доставил меня на Фридрихштрассе. Поезд проследовал над «стеной», которую охранял большой отряд полицейских. Все они были вооружены карабинами и пистолетами или холодным оружием, висевшим у них на ремне.

Дойдя до Унтер-ден-Линден, я ужаснулся. Некогда красивейший из бульваров мира являл собой картину полной разрухи. Несколько одиноких прохожих с трудом пробирались сквозь снег. Мне вспомнилось лето 1936 года, когда я жил в гостинице на этой оживленной улице во время Олимпийских игр. В тот период Германия находилась на подъеме, лелея ложное представление, будто она вновь стала мировой державой. Лишь немногие из тех, кто тогда прогуливался по Унтер-ден-Линден, могли предвидеть, что великолепные сооружения превратятся в руины.

Скоро я разыскал советское посольство, но сидевший в приемной служащий после проверки документов сообщил мне на чистейшем английском языке, что я должен пройти в следующую дверь, в консульство, где и состоится моя встреча. Я прошел туда, позвонил и открыл массивную дверь.

- Здравствуйте, - приветствовала меня с улыбкой молодая женщина. - Я дочь Рудольфа Абеля. Это моя мать, г-жа Абель, и мой кузен, г-н Дривс.

Я пожал им всем руки, но ничего не сказал. «Дочери» было лет тридцать пять; она бегло говорила по-английски и казалась очень проницательной. Я принял ее за славянку. «Г-же Абель» на вид было около шестидесяти, и она выглядела типичной домашней хозяйкой. «Кузен Дривс» не проронил ни слова. Это был худой, суровый на вид человек, лет пятидесяти пяти. Он все время сжимал и разжимал свои могучие кулачищи, и я мысленно отнес его к типу «Отто-вешателя». Он, вероятно, был из восточногерманской полиции.

После нескольких минут молчания, когда я закурил сигарету, г-жа Абель вдруг встала и подошла ко мне.

- Как там мой бедный муж Рудольф? - воскликнула она на ломаном английском языке.

Когда я ответил «хорошо», она разразилась рыданиями, которые длились несколько минут. Дочь все время гладила ее по спине, а кузен принес ей стакан воды. Я сидел неподвижно.

- Почему последнее письмо моего отца было написано на необычной бумаге? - внезапно спросила дочь. - И почему на его письме, да и на вашем был проставлен вашингтонский штампель?

Помедлив, я ответил:

- Письмо было отправлено из Вашингтона, с тем чтобы оно не прошло через мою адвокатскую контору, я хотел предотвратить всякую возможность огласки. Что касается вашего отца, то я написал ему о своей поездке в Берлин, но по моей просьбе это письмо не было отправлено обычным путем. Ему прочли его в кабинете начальника исправительной тюрьмы в Атланте. Это было сделано во избежание появления всяких слухов среди других заключенных, и его ответ был послан в Вашингтон для отправки почтой.

Дочь как будто была удовлетворена моим ответом.

- Вы что же, можете произвести этот обмен? - спросила жена, снова как бы повторяя заученную реплику из иностранного фильма.

- Хоть сегодня, - ответил я, - если все мы будем действовать разумно и добросовестно.

- Как себя чувствует отец в тюрьме? - спросила дочь.

- Он никогда не выглядел лучше. Это неплохая тюрьма, и он работает в художественной мастерской, где целыми днями занимается живописью.

- Даже золотая клетка остается клеткой, - заметила дочь, а г-жа Абель снова разразилась рыданиями. Я начал подумывать о том, когда же, наконец, кончится эта не слишком приятная комедия.

Прошло минут пятнадцать, и я выкурил за это время несколько сигарет. Ровно в двенадцать часов открылась дверь и вошел высокий, стройный и хорошо одетый человек в очках без оправы. С независимым видом он всем нам представился. Это был второй секретарь советского посольства Иван Александрович Шишкин.

- Вы говорите по-немецки? - спросил он меня на английском языке.

- Очень плохо, - ответил я.

- Хорошо, - сказал он, - нам обоим будет легче говорить по-английски.

Он пригласил нас в кабинет и, усевшись за стол, жестом предложил нам сесть. За время пребывания в комнате, в течение целого часа, никто из так называемой семьи не проронил ни слова, если не считать, что дочь ответила утвердительно, когда ее спросили, может ли семья снова прийти сюда для второй встречи в будущий понедельник.

Я начал разговор с Шишкиным, пояснив ему, что я адвокат и занимаюсь частной практикой, что у меня много неотложных дел и что для поездки сюда пришлось пойти на известные жертвы в смысле своего времени. Я сказал, что должен зарабатывать семье на жизнь и не могу долго оставаться в Берлине, поэтому мне необходимо получить ответ на мои предложения как можно быстрее.

- Да, - сказал Шишкин. - Мне это вполне понятно.

По-английски он говорил безукоризненно.

Он спросил меня, как я доехал из Нью-Йорка в Берлин и не доставила ли мне каких-либо неприятностей погода. Я ответил, что по роду своей адвокатской деятельности мне почти ежегодно

приходится бывать в Лондоне и что я прибыл туда на гражданском воздушном лайнере. Через несколько дней я вылетел в Берлин на специальном военном самолете, предоставленном мне руководством страны. Я добавил, что способ передвижения и поездка в Берлин окольным путем планировались для того, чтобы место моего пребывания было известно лишь очень немногим высокопоставленным правительственным служащим.

- Где вы остановились в Западном Берлине? - спросил он.

Я ответил, что миссия США поместила меня в частном доме, но я не знаю ни его адреса, ни местонахождения.

- Г-н Шишкин, - сказал я, - я приехал в Берлин только по одному делу. Один восточногерманский адвокат, по имени Вольфганг Фогель, прислал мне письмо, в котором говорилось, что, по мнению г-жи Абель, если мне удастся добиться освобождения ее мужа, будут освобождены Пауэрс, американский студент Прайор, задержанный в Восточной Германии, и находящийся в настоящее время в тюрьме в Киеве американский студент Макинен. В связи с этим я получил от моего правительства обещание доставить Абеля в любой указанный вами в Берлине пункт через сорок восемь часов после достижения договоренности.

Шишкин побарабанил пальцами по столу. Затем я передал ему письмо от атторнея по делам о помиловании из министерства юстиции. Внимательно ознакомившись с ним, он отложил его в сторону и сказал: «Весьма туманное». Я ответил, что в письме намеренно опущены лишние подробности, чтобы избежать каких бы то ни было разговоров среди стенографисток, которые могли бы привести к «утечке информации».

Затем я снова уселся на свое место.

После небольшой паузы Шишкин снял очки, протер их и сказал:

- Более года назад Абели, являющиеся восточными немцами, пришли ко мне в консульство. Я выслушал их и пообещал запросить Советское правительство, можно ли обменять Пауэрса на Абеля. Что же касается этих американских студентов, Прайора и Макинена, то я никогда о них не слышал. Вы подняли новый вопрос, и я абсолютно не уполномочен обсуждать его с вами.

Я выразил свое изумление. Единственной причиной моей поездки в Берлин, сказал я, было письмо от Фогеля, в котором приводились слова г-жи Абель. Если Шишкин не намерен обсуждать это предложение, то у меня никаких дальнейших инструкций от моего правительства нет и мне остается только вернуться восвояси.

- У вас нет никаких дальнейших инструкций? - лукаво спросил Шишкин.

- Никаких, - ответил я. - Но я хотел бы рассказать вам о подготовительных мероприятиях, проведенных для того, чтобы доставить Абеля сюда, если обещание Фогеля будет выполнено. Я сообщу о нашей договоренности в Вашингтон. Абеля немедленно отправят сюда на военном самолете в сопровождении заместителя начальника Управления тюрем США. Последний будет иметь при себе приказ об отмене приговора, уже подписанный президентом Кеннеди, но на нем должен будет поставить свою подпись и заместитель начальника Управления тюрем. Это будет сделано на месте, где будет произведен обмен (мы предлагаем мост Глиникер-брюкке), после того как я засвидетельствую, что мы получили именно тех людей, которых должны были получить. Человек, который может опознать Пауэрса, уже в Берлине. Семья Прайора, как вам, вероятно, известно, находится здесь, а людей, которые знают Макинена, нетрудно найти.

Нужно только ваше согласие, и Абель будет вам передан.

Выслушав меня внимательно, Шишкин сказал:

- Вы уверены, что президент Кеннеди уже подписал такой документ?

- Абсолютно уверен, - ответил я. - Конечно, в нем указано, что Абель никогда не сможет вернуться в США под страхом того, что нынешний приговор будет приведен в исполнение... Я хотел бы указать еще на одно обстоятельство. Уже некоторое время наша печать выступает за такой обмен. По моему личному мнению, если вы хотите, чтобы Абеля освободили, действовать надо именно сейчас. Если мы затянем дело, благоприятная атмосфера может измениться в связи с каким-нибудь международным инцидентом или из-за изменения внутривнутриполитического положения у нас в стране.

- Вы уверены, - спросил Шишкин задумчиво, - что точка зрения, которую вы только что выразили, отражает также и мнение правительства Соединенных Штатов?

- Безусловно, - ответил я.

Шишкин снова заявил, что его беспокоит то обстоятельство, что у меня нет при себе никаких письменных подтверждений, кроме «туманного» письма атторнея по делам о помиловании. Я сообщил ему, что в случае необходимости мог бы передать ему дополнительные мандаты от главы нашей миссии в Западном Берлине.

- И больше того, - добавил я, - неужели не ясно, что ни один загруженный своими делами частный гражданин не поехал бы за несколько тысяч миль с таким заданием, если бы у него не было на это достаточных полномочий.

Я также выразил серьезное неудовольствие по поводу того, что вопрос нельзя решить сразу на месте.

- Коль скоро я приехал сюда, пожертвовав своим личным временем, - заявил я, - и выясняется, что Фогель ввел меня в заблуждение ложными утверждениями, то он - отъявленный мошенник и должен быть наказан.

- Я вас понимаю, - ответил Шишкин, - но, как бы то ни было, ваши предложения невозможно обсудить сегодня. Мне придется связаться с моим правительством.

Я невольно обернулся к г-же Абель и сердито сказал:

- Фогель говорил, что это вы велели сделать такие заявления. Правду он говорил или нет? - Она выглядела испуганной и смущенной, но продолжала молчать.

Шишкин быстро перебил меня:

- Сейчас больше не о чем говорить. Однако мне кажется, вы рассердились всерьез.

Затем Шишкин сказал, что он хотел бы оставить письмо атторнея по делам о помиловании пока у себя. Я спросил, не может ли он снять с него фотокопию, чтобы я мог сохранить подлинник у себя.

- Я официальный представитель советского посольства, - раздраженно ответил Шишкин. - И если я обещаю вернуть, вы можете не беспокоиться.

Я дал согласие и затем спросил, нельзя ли ввиду ограниченного времени, которым я располагаю, прервать нашу беседу. Я позавтракаю где-нибудь в Восточном Берлине, а тем временем Шишкин мог бы запросить Москву по радио о согласии на мое предложение и мы могли бы закончить дело позднее, сегодня же.

- Сегодня суббота, - ответил он. - Вы предлагаете слишком быстрый план действий. Не сможете ли вы приехать сюда в понедельник в пять часов дня?

Я ответил, что смогу, но что после понедельника мне нельзя оставаться здесь долго, ибо, напомнил я

ему, мне потребуется еще сорок восемь часов, чтобы доставить сюда Абеля. Между тем, продолжал я, если он получит ответ из Москвы до понедельника, он сможет связаться со мной по одному западноберлинскому телефону. Я записал на карточке не указанный в справочнике телефон Боба и передал карточку ему. Он спросил, ответят ли по этому номеру ночью и в воскресенье. Я заявил, что у этого телефона дежурят все время, пока я нахожусь в Берлине. Мое правительство, добавил я, сознает, насколько мне дорого время, и оказывает мне эту любезность, чтобы облегчить мою задачу.

Затем Шишкин задумчиво произнес:

- Итак, они хотят трех за одного!

Я заметил, улыбаясь:

- Один истинный художник всегда стоит больше трех ремесленников.

Он ответил мне самодовольной улыбкой при моем упоминании об Абеле.

- Мне хотелось бы теперь выразить свое личное мнение, - сказал я. - Поскольку Абели теперь утверждают, что они являются гражданами Восточной Германии, а Прайор задержан восточными немцами, то освобождение Прайора, безусловно, избавит Советскую Россию от каких-либо трудностей, когда ей надо будет официально объяснить свою позицию. В противном случае это было бы расценено как проявление чрезмерной заботы о восточногерманском гражданине Абеле.

Он задумчиво кивнул, как будто я подал ему новую идею.

Шишкин спросил, насколько трудно мне было попасть в Восточный Берлин. Я рассказал ему, как проехал, и пояснил, что единственной трудностью было то, что на станции собралась большая толпа. Если мне придется вернуться сюда, добавил я, то я просил бы его

избавить меня от стояния в очереди. Он заявил, что очередь обычно бывает на станции только по субботам, но, если она доставляет мне неприятности, он может договориться о предоставлении мне особой привилегии. Почему, спросил он, мое правительство не предоставило в мое распоряжение машину, которая могла бы пройти через «контрольный пункт Чарли»? Я пояснил, что поехал рабочим поездом специально, чтобы остаться незамеченным и не привлекать к себе внимание прессы. Ответ как будто удовлетворил его.

Я вручил Шишкину свою адвокатскую визитную карточку и в качестве дружественного жеста дал ему также свою карточку вице-председателя Управления по делам просвещения города Нью-Йорка. Он внимательно посмотрел на нее и заметил:

– У вас замечательная работа.

Я попросил его карточку, но он с удивлением спросил:

– Разве это необходимо?

Я ответил:

– Нет, но желательно.

Тогда он протянул мне свою визитную карточку, которую я положил в карман. Мы пожали друг другу руки, и я вышел из кабинета»¹⁵⁵.

Спустя два дня, 5 февраля 1962 года, Донован вновь посетил советское посольство в Восточном Берлине.

«В семнадцать часов я прибыл в Восточный Берлин и явился в советское посольство. Оно размещалось в большом здании из белого камня, выдержанном в классическом стиле, в форме невысокой буквы «V». Налево был вход в посольство, а через двор – такой же вход в консульство. Перед зданием стояли советские часовые. Чтобы попасть в посольство или в консульство, надо было нажать кнопку звонка у входной двери.

В этот день я пришел в консульство несколько раньше назначенного времени. В приемной находились мисс Абель и кузен Дривс, который одарил меня довольно натянутой улыбкой. По моей просьбе мисс Абель назвала мне по буквам фамилию кузена - «Drews» (по-немецки она произносится как «Дривс»). Она сказала, что ее мать осталась в гостинице, поскольку она до сих пор «страшно нервничает» после нашей встречи в субботу.

- У вас хорошие новости? - спросила она.

Я ответил, что этот вопрос можно будет обсудить только в присутствии секретаря Шишкина.

Внезапно появился Шишкин. Он сухо поклонился мисс Абель и Дривсу, но сердечно пожал руку мне. Затем он, полностью игнорируя моих собеседников, предложил мне побеседовать с ним наедине в кабинете.

Я передал ему короткую записку от главы миссии США в Западном Берлине, где указывалось, что я уполномочен выезжать в Восточный Берлин по делу, которое есть у меня в советском посольстве, и что он полностью осведомлен о цели моего приезда в Берлин. Письмо было написано на бланке дипломатической службы США и подписано американским посланником.

Шишкин стоя прочел вслух записку, затем сказал:

- Хотя я во время нашего совещания в субботу несколько не сомневался в вашей компетентности, но в таких вещах надо соблюдать осторожность.

- Теперь ближе к делу, - сказал он. - Доложили ли вы своему руководству о нашей встрече? Какие инструкции вы получили?

- Доложил немедленно, - ответил я, - и единственные инструкции, которые я получил, заключались в том, чтобы я встретился с вами, как вы просили, и узнал, какие дальнейшие указания вы

получили от своего правительства, если вы получили их вообще.

Шишкин сел за стол и с сугубо официальным видом открыл большой кожаный портфель, заявив, что он получил инструкции из Москвы. В ответ на мой вопрос он сказал, что не будет возражать, если я запишу их текст дословно. Затем он прочел следующее:

«1. Советское правительство, руководствуясь чувством гуманности, согласно обменять Пауэрса на Абеля.

2. Такие гуманные действия с обеих сторон и устранение одного из постоянных источников антисоветской пропаганды должны будут способствовать улучшению отношений между нашими странами.

3. Если американское правительство заинтересовано в освобождении Макинена, находящегося в настоящее время в Киеве, то Советское правительство готово обменять Абеля на Макинена, но обмен Пауэрса и Макинена на Абеля невозможен. Американская сторона должна сама сделать выбор. Если вопрос решится положительно и последует улучшение отношений, то могут иметь место и дальнейшие шаги в этом направлении.

4. Что касается Прайора, то данный вопрос не входит в компетенцию советских органов и может быть разрешен только правительством Восточной Германии. Это можно сделать через г-жу Абель и ее адвоката Фогеля, который уже сообщил Donovanу, что их ходатайство было благожелательно рассмотрено правительством Восточной Германии».

Затем Шишкин заявил, что других инструкций у него нет и что мы с г-жой Абель должны приступить к разработке плана обмена, который затем будет рассмотрен Советским правительством. Об американском предложении относительно места

обмена - моста Глиникер-брюкке (упомянутого мною во время нашей предыдущей встречи) - Шишкин сказал, что это «неплохо».

Я сообщил ему, что меня крайне заинтересовало упоминание о Марвине Макинене. Могу ли я считать, что после освобождения предполагаемых лиц и улучшения международных отношений СССР в недалеком будущем помирует Макинена? Шишкин сказал, что в данный момент он не может подтвердить такое толкование, но наведет справки по данному вопросу.

Я сказал Шишкину, что извещу об этом контрпредложении свое правительство и надеюсь вернуться с ответом в течение суток. Шишкин заметил, что, поскольку у меня болит спина (а это было довольно заметно), мне незачем являться лично. Он предложил прислать ответ моего правительства в советское посольство через дипкурьера.

Передав мне официальное послание, Шишкин стал держаться свободнее и во время беседы спросил, добровольно ли я взял на себя защиту Абеля. Я объяснил, что Абель обратился не с обычной просьбой о «назначении судом» адвоката, а скорее о назначении судом «адвоката по выбору Ассоциации адвокатов». Я сказал, что это не понравилось федеральному судье, который счел, что Абель ему не доверяет. Шишкин улыбнулся с понимающим видом.

Он спросил, какое я получил вознаграждение. Я сказал, что договорился с Абелем о гонораре в десять тысяч долларов за защиту и что затем пожертвовал всю сумму трем университетам.

Когда мы вышли из посольства, мисс Абель и кузен Дривс попросили меня рассказать о беседе. Я вкратце изложил им наш разговор, и мисс Абель сказала:

- Мы должны немедленно пойти к г-ну Фогелю, он обещал подождать нас у себя в конторе.

На мой вопрос, почему он не мог прийти к нам в посольство, она заявила, что его многочисленные клиенты и дела не позволили ему покинуть контору. Она называла его контору на французский лад – «бюро».

Мы сели в такси и во время получасовой поездки обсуждали с мисс Абель возможную процедуру обмена. В конце концов мы предварительно договорились, что обмен произойдет на мосту Глиникер-брюкке в десять часов вечера в среду 7 февраля. В случае нелетней погоды или какой-либо другой непредвиденной случайности, из-за которой прибытие одного из заключенных задержится, встреча будет перенесена на следующий вечер – в то же время и в том же месте.

Наконец мы подъехали к конторе Фогеля.

Фогель сразу же справился, хорошо ли я говорю по-немецки, на что я ответил по-английски: «Очень слабо». К моему изумлению, кузен Дривс вызвался служить нам переводчиком и перевел Фогелю мое короткое сообщение о том, что произошло в кабинете у Шишкина. Фогель кивнул и сказал, что он рад показать мне официальное сообщение генерального прокурора Восточногерманской республики. Оно было на немецком языке и гласило:

«Настоящим удостоверяется, что ходатайство о передаче вашего клиента американским властям может быть удовлетворено, если американская сторона согласится на известные вам условия.

Официальный представитель Генерального прокурора:

Виндлиш, Государственный прокурор».

Бросалось в глаза, что письмо было сформулировано по образцу письма атторнея по делам о помиловании США, которое я передал Шишкину при нашей первой встрече и которое тот неодобрительно назвал «туманным».

Письмо было датировано 5 февраля 1962 года и показано мне только в оригинале, то есть на немецком языке. Дривс признался, что не может перевести его дословно, а может лишь вкратце передать его содержание своими словами. Я попросил дать мне фотокопию оригинала и его точный перевод на английский язык. Фогель ответил, что у него нет фотокопировального оборудования, а затем, вызвав секретаря-стенографистку, сообщил мне, что она может перевести письмо только на французский или итальянский языки: в конторе у него нет ни одного человека, который мог бы сделать точный перевод на английский язык. По моей просьбе он велел этой девушке напечатать копию немецкого оригинала, которую он лично заверил своей подписью.

После краткого обсуждения письма я сказал Фогелю, что мне необходимо (для выработки собственного плана действий) получить простой ответ на простой вопрос: может ли теперь Фогель гарантировать, что, если предварительный план обмена, назначенного на вечер в среду, будет одобрен всеми сторонами, восточногерманские власти доставят Прайора в то же время и на то же место для тройного обмена?

- Безусловно, да, - ответил Фогель.

По окончании нашей беседы Фогель вызвал для нас такси, и все мы, уходя, попрощались с ним.

Мисс Абель и Дривс проводили меня на такси до станции на Фридрихштрассе. По дороге мисс Абель несколько раз пыталась узнать мое мнение о событиях этого дня, говоря, что ее матери очень «захочется узнать все новости». Я сказал ей, что, честно говоря, не могу заранее предсказать реакцию со стороны моего правительства. Однако, добавил я, если обещания, данные в этот день, будут выполнены добросовестно и

быстро, то не исключена возможность, что мое правительство примет эти условия.

На станции «Фридрихштрассе» мы расстались.

Мне снова пришлось пройти через посты восточногерманской пограничной охраны.

Пообедав в тихом кафе, я вернулся домой и собирался лечь спать, как вдруг пришел Боб. По незарегистрированному западноберлинскому телефону, номер которого я сообщил только Шишкину, было получено сообщение для меня. Из телефонной будки, расположенной в Западном Берлине, звонил человек, говоривший по-немецки:

«Возникли непредвиденные осложнения. Должен срочно поговорить с вами в моей конторе в одиннадцать часов утра завтра, 6 февраля. Фогель».

Мы с Бобом обсудили значение этого сообщения, оба мы отнеслись к нему подозрительно. Я был твердо убежден, что если я на другой день в указанное время поеду в Восточный Берлин, то мне следует идти не к Фогелю, а неожиданно явиться к Шишкину, показать ему запись разговора и потребовать объяснений. Боб согласился с этим, а затем известил Вашингтон. Поздно ночью Вашингтон одобрил этот ход»¹⁵⁶.

Вот что произошло на следующий день, 6 февраля 1961 года.

«В десять часов утра я снова тем же маршрутом отправился в Восточный Берлин и позвонил в двери советского консульства. Резкий голос спросил меня по-немецки, по какому делу я пришел, и громко повторил этот вопрос, но я никак не мог понять, откуда слышится этот голос. Наконец я заметил, что он, видимо, исходил из прорези над дверным звонком, и сказал:

– Я хотел бы видеть г-на Шишкина.

После небольшой паузы голос спросил:

– Вы говорите по-английски?

Я громко ответил:

– Именно по-английски я и говорю, и я хочу видеть г-на Шишкина.

Дверь автоматически открылась, и я вошел.

Минут через пятнадцать в комнату вошел Шишкин. Он извинился, что задержал меня, но выразил удивление по поводу моего «неожиданного визита». Он пригласил меня в кабинет, и я сообщил ему, что вчера, после разговора с ним, я по его совету отправился с мисс Абель и ее кузенком в адвокатскую контору Фогеля. Я рассказал ему об этом посещении, показал письмо от генерального прокурора Восточной Германии и сказал, что по возвращении в Западный Берлин я обо всем информировал Вашингтон. В моем донесении, продолжал я, говорилось, что, хотя первоначально мое правительство было заверено в возможности освобождения Пауэрса, Макинена и Прайора в обмен на Абеля, я рекомендовал принять сделанное мне теперь предложение об освобождении Пауэрса и Прайора, ибо из переданного мне Шишкиным московского письма я понял, что по мере улучшения отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в недалеком будущем можно будет ожидать и помилования Макинена. Шишкин кивнул. Я сказал, что после этого мое правительство известило меня о своей готовности принять советское предложение об обмене Пауэрса и Прайора на Абеля, учитывая, что Макинен будет вскоре также освобожден.

Наконец, я рассказал Шишкину о загадочном телефонном сообщении, полученном ночью от Фогеля, и о том, что оно было передано в Вашингтон и сорвало все наши планы. Я передал Шишкину стенограмму этого сообщения. Он был удивлен:

– Какое странное сообщение! Что же оно означает?

Я ответил, что для выяснения этого я и нанес столь ранний визит Шишкину, поскольку сообщение было

получено по телефону, номер которого я дал только ему во время нашей первой встречи в субботу.

Я выразил надежду, что Советское правительство не намерено отказываться от своей позиции, которую оно изложило в полученном из Москвы накануне сообщении. Ибо, полностью полагаясь на это сообщение, я окончательно договорился с Фогелем и мисс Абель и рекомендовал этот план Вашингтону, который его одобрил. Я добавил, что теперь уже все готово для доставки Абеля в Берлин для обмена.

Шишкин откинулся на спинку стула и торжественно заявил, что Советское правительство не имеет привычки менять однажды занятую им позицию. Он сказал, что хочет снова подтвердить готовность его правительства обменять Пауэрса на Абеля, но должен еще раз подчеркнуть, что вопрос о Фредерике Прайоре не входит в компетенцию Советского правительства.

Подумав минуту, Шишкин сказал:

- Мне кажется, коль скоро вы получили это сообщение от Фогеля, вы должны к нему же и пойти в контору. После разговора с ним вы можете, если пожелаете, вернуться сюда сегодня в любое время дня.

Я спросил, не может ли он позвонить Фогелю и, чтобы ускорить дело, вызвать его сюда, в советское посольство. Шишкин ответил, что он иногда встречается по официальным делам с министром юстиции Восточной Германии, но, к сожалению, беседовать с частным восточногерманским адвокатом для советского официального представителя было бы крайне неуместно.

- По прошлой встрече с Фогелем я знаю, что во время переговоров с ним мне следовало бы иметь переводчика, - сказал я, - и в этом смысле ваше присутствие здесь на встрече было бы очень ценным. К тому же мне придется ехать на такси в его контору одному, и я не могу заплатить за проезд, так как у меня

только несколько западногерманских марок, а здесь они считаются контрабандной валютой.

Шишкин ответил, что лично он не может помочь мне в качестве переводчика, но уверен, что у меня не будет никаких трудностей.

После бесплодного пятнадцатиминутного ожидания такси у здания посольства я пошел пешком по снежным сугробам к вокзалу на Фридрихштрассе, где и нашел такси. Мы доехали до конторы Фогеля, и шофер молча взял мои западногерманские марки. В конторе я увидел только Дривса. Он сказал, что мисс Абель не придет. Она расстроена возникшими трудностями, о которых сообщил Фогель, и к тому же «ухаживает за матерью».

Дривс начал читать пространное заявление на английском языке, которое, по его словам, было написано мисс Абель. Я перебил его, сказав, что прочту это заявление сам и возьму его с собой. Фогель не согласился, и тогда я сказал, что должен снять копию с заявления. Этот документ, написанный по-английски от руки на дешевой линованной бумаге, гласил следующее:

«Вчера вечером, после того как мы расстались, меня вызвал к себе г-н Фогель и сообщил мне неблагоприятные известия.

Г-н Фогель видел представителя канцелярии генерального прокурора, и, когда он упомянул о ваших словах, будто вы получили согласие Советского Союза на обмен известного нам лица еще на кого-то, этот представитель был крайне удивлен. Он подчеркнул, что вначале они согласились на обмен Прайора на Абеля, то есть одного человека на одного. Теперь, видимо, условия обмена меняются, и представитель канцелярии предвидит возникновение известных осложнений. ГДР согласилась обменять Прайора на Абеля, и только. Эта договоренность должна быть выполнена точно.

В противном случае правительство ГДР считает себя вправе действовать по собственному усмотрению и не может дать согласие на обмен одного лица на двоих, когда одно из них к тому же находится в другой стране. Г-н Фогель просил меня сообщить вам о его беспокойстве по этому поводу, так как он не в состоянии отсрочить процесс Прайора, а в канцелярии генерального прокурора ему дали понять, что в случае отказа американцев обменять Абеля на Прайора немцы начнут широковещательный судебный процесс, ибо у них имеется достаточно улик, чтобы осудить Прайора. Это, как вы понимаете, может отрицательно повлиять на авторитет США и затронет в особенности семью Прайора».

Лишь только Дривс кончил читать, я гневно выразил свое возмущение и назвал все это послание «злонамеренной чепухой». Я сказал, что и восточногерманское правительство, и Фогель действовал явно недобросовестно и что у моего руководства и у меня лично нет времени для игры с ними в прятки. О том, чтобы обменять Абеля на одного лишь Прайора, подчеркнул я, не может быть и речи. Если Восточная Германия не будет придерживаться обещания, официально данного вчера в письме генерального прокурора, то мне придется прервать все переговоры и рекомендовать моему правительству отозвать меня в Нью-Йорк.

Я встал и начал надевать пальто.

Фогель поспешно нажал кнопку на своем столе. Далее все произошло, как на сцене театра. Дверь в кабинет моментально открылась, и вошел его помощник. Он стоял, вытянувшись у стола, и, кивая головой, как попугай, объявил, что Фогелю только что звонили от генерального прокурора Восточной Германии. Генеральный прокурор, как сказал этот последний из нашей труппы актеров, хочет, чтобы

Фогель прибыл к нему в тринадцать часов для дальнейшего обсуждения «дела Прайора».

- Как кстати! - воскликнул Фогель, поднимаясь и взглянув на свои часы. - Оставайтесь, пожалуйста, здесь, в Восточном Берлине, до окончания моей беседы. Обещаю вам, что приложу все усилия, чтобы уговорить генерального прокурора изменить свое решение.

Я сказал, что очень рано позавтракал, и мне бы хотелось, чтобы меня проводили в хороший отель, где я мог бы заказать обед. Фогелю, на мой взгляд, после беседы с генеральным прокурором удобнее прийти туда же. Фогель согласился и дал мне пятьдесят восточногерманских марок (я объяснил ему, что у меня нет денег), а затем Дривс спросил, не может ли он пойти пообедать вместе со мной. Я не возражал. Когда я уходил из конторы, Дривс задержался, «чтобы забронировать столик в ресторане» (он был почти пуст, когда мы пришли). Он, вероятно, звонил Шишкину. Фогель, оглянувшись, чтобы посмотреть, не видит ли его Дривс, поднял большие пальцы рук и сказал мне по-немецки: «Не отступать!» Он явно старался угодить обеим сторонам. Затем Дривс спустился вниз и мы сели в автомобиль Фогеля, новую красивую спортивную машину.

Мы отправились в ресторан на Фридрихштрассе. ресторан произвел на меня очень приятное впечатление. Выбор, судя по меню, был превосходным, но оказалось, что многих из указанных в меню блюд в ресторане нет. Мне подали хороший суп и свежий салат, за которым последовали сыр и кофе. Дривс взял что-то вроде тушеного мяса.

Пока мы обедали, Дривс держал себя очень вежливо, но все время старался выпытать мое личное мнение о том, не удастся ли обменять на Абея Прайора. Я заявил ему, что всякие такие разговоры - это пустая трата времени. Потом он спросил, послал ли я

ответ в государственный департамент, и я ответил утвердительно.

После того как я расстался с Шишкиным в посольстве, я ни разу не упомянул, что сообщение Фогеля, полученное мной накануне ночью, было передано по незарегистрированному телефону, номер которого я сообщил только Шишкину. Тем не менее во время завтрака Дривс сам сказал, что, «после того как Фогель сообщил вчера вечером Абелям плохие известия, мисс Абель, к счастью, подумала о номере телефона, который она запомнила». Он также сообщил мне, что один из деловых друзей, иностранец, оказался в это время в Восточном Берлине и, когда ему стало известно об их затруднениях, согласился позвонить из Западного Берлина и передать сообщение по телефону.

После этого Дривс как-то совершенно неожиданно спросил меня:

- Как вы думаете, почему Шишкин несколько раз настаивал на том, чтобы разговаривать с вами наедине, без нас?

Я ответил, что у меня нет ни малейшего представления об этом, и он прекратил разговор на эту тему.

В разговоре с Дривсом я заметил, что мне «очень жаль» семью Абеля, и спросил, как зовут г-жу Абель и ее дочь. Он ответил, что мать зовут Лидией, а дочь – Еленой. Я спросил, была ли Елена замужем, и он ответил:

- К сожалению, нет.

Затем он сразу же спросил, не говорил ли со мной Абель о своей семье, на что я ответил:

- У нас никогда не было для этого подходящего случая.

(Фактически, судя по прежней переписке и данным, фигурировавшим на процессе Абеля, включая микропленки с письмами, захваченными в комнате

Абеля при его аресте, заявления кузена Дривса были абсолютно ложными. Как зовут мать и дочь, он перепутал, поменяв их имена. Кроме того, в одном письме, приводившемся на процессе в качестве улики и, видимо, написанном дочерью Абеля, подробно описывался ее муж.)

К концу обеда (около 3 часов 15 минут дня) Дривс извинился и сказал, что «идет в мужскую комнату», – вероятно, ему надо было позвонить по телефону. Вскоре после этого явился Фогель и попросил счет. Когда его принесли, я дал Дривсу билет в пятьдесят восточногерманских марок, который мне раньше дал Фогель, и сказал, чтобы он заплатил по счету, а сдачу оставил себе. Дривс вытащил пачку денег и сказал:

– Оставьте эти пятьдесят марок себе.

Я объяснил ему, что не хочу иметь при себе восточногерманские деньги во избежание каких-либо неприятностей с валютой на границе.

Фогель, улыбнувшись, сказал:

– Это хорошо, что вы так осторожны в валютных вопросах, иначе восточногерманскому правительству пришлось бы, чего доброго, обменять вас на кого-нибудь.

В ответ я весело засмеялся.

Дривс заплатил по счету (сорок марок) и положил сдачу в карман. Затем Фогель заявил, что у него произошел «ужасный поединок» с генеральным прокурором, но в конце концов он «победил». Он сказал, что теперь все трудности, связанные с освобождением Прайора для обмена его с Пауэрсом на Абеля, устранены. Оказывается, генеральный прокурор был крайне недоволен тем, что, приехав в прошлую субботу в Восточную Германию, я отправился прямо в советское посольство к Шишкину, вместо того чтобы вначале явиться к Фогелю и к генеральному прокурору.

Фогель ответил, что в настоящий момент все это уже не имеет значения. Важно лишь то, что теперь генеральный прокурор согласен на освобождение Прайора. Мы сейчас должны поехать в советское посольство, сказал он, и после совещания с Шишкиным Фогель доложит генеральному прокурору, что советские официальные представители одобрили сделку. Он заявил, что уже договорился встретиться с Шишкиным в четыре часа дня.

Я спросил, означает ли это без всяких оговорок, что все возражения восточногерманских властей против обмена Пауэрса и Прайора на Абеля теперь устранены. Он ответил: «Да».

Выйдя из ресторана, мы сразу же направились в советское посольство, где в приемной нас принял Шишкин. Он официально представился Фогелю, как совершенно незнакомый ему человек, а затем спросил, как идут дела. Фогель сделал ему по-немецки в основном то же сообщение, какое он сделал мне за столом в ресторане, указав, что все препятствия со стороны восточногерманских властей устранены. Шишкин не высказал никаких замечаний, но вдруг пригласил меня в кабинет для личной беседы с ним, где он заявил, что сообщил о моих замечаниях своему правительству и что только сегодня (во вторник) он получил из Москвы новое письмо. В нем говорилось, что на основании высказанных мною в субботу замечаний в Москве создано впечатление, что американское правительство считает Макинена более ценным для себя человеком, чем Пауэрса, и что в связи с этим предложение об обмене Пауэрса на Абеля следует аннулировать, сделав твердое предложение об обмене Макинена на Абеля.

Тут я вспыхнул и, вставая, сказал, что Шишкин вырвал эти несколько замечаний из общего контекста! Ему хорошо известно, что с самого начала основой

переговоров был вопрос об обмене Пауэрса на Абея и что непременно условием любой сделки является передача нам Пауэрса. Я сказал, что Шишкин не только знал и подтвердил мне это еще сегодня утром (во вторник), но что в письме из Москвы, которое он зачитал мне накануне, моя позиция была понята правильно. В нем прежде всего в качестве самостоятельного вопроса безоговорочно санкционировался обмен Пауэрса на Абея и только потом говорилось о возможности выбора американцами Макинена вместо Пауэрса. Я повторил, что полученные мною инструкции с самого начала исключали возможность какой-либо сделки без Пауэрса и что единственным вопросом было, кого Советы могут отдать в придачу к Пауэрсу.

Шишкин невозмутимо ответил:

- Сегодняшнее письмо из Москвы аннулирует все мои прежние инструкции. Теперь я не уполномочен обсуждать что-либо, кроме обмена Абея на Макинена.

Я заметил, что после письма, зачитанного мне накануне, и устного подтверждения Шишкиным этого обязательства сегодня утром его последнее заявление, видимо, означает, что Советы не слишком заинтересованы в освобождении Абея.

- Начиная с прошлой субботы вы играете со мной в шахматы, - сказал я. - Хотя я и люблю иногда поиграть в шахматы, сейчас у меня для этого нет времени.

- Я? - ответил Шишкин. - Я играю только в волейбол.

Я сказал Шишкину, что, в какую бы игру он ни предпочитал играть, в данный момент меня интересует только один вопрос: остается ли в силе вчерашняя договоренность об обмене Абея на Пауэрса и Прайора? Если нет, то я доложу об этом своему руководству и порекомендую немедленно отозвать меня домой. Шишкин заявил, что это совершенно новый вопрос и что он должен связаться с Москвой для получения

инструкций. Он попросил меня прийти снова завтра между двумя и тремя часами дня, тогда он ознакомит меня с ответом Москвы.

Я сказал, что не вижу смысла совершать еще одну изнурительную поездку к нему в посольство через берлинскую стену, поскольку я дал ему номер своего телефона в Западном Берлине и он может в нужный момент позвонить мне. Поэтому я вынужден отказаться от нового визита в посольство и попросить вместо этого, чтобы Шишкин, получив дальнейшие инструкции, сообщил мне ответ по телефону. Я добавил, что, если я не получу от него известий до следующего вечера, я буду просить о разрешении вернуться домой.

Шишкин сказал: «Очень хорошо», – и заявил, что я получу ответ завтра.

Я ушел от Шишкина в состоянии крайнего раздражения, не подав ему руки. Дривс, ожидавший меня в приемной, вышел из посольства со мной вместе. Мы с ним прошли весь путь до станции эстакадной дороги на Фридрихштрассе. По дороге он все время спрашивал меня, что я лично думаю об этом деле, чтобы он мог «сообщить мое мнение мисс Абель и семье». Я сказал Дривсу, что мое мнение в основном сводится к тому, что, начиная с прошлой субботы, неамериканская сторона ведет переговоры безответственно и недобросовестно.

Я добавил, что, если сделка «Пауэрс плюс Прайор за Абеля» не состоится и мое правительство примет мои рекомендации о моем отзыве, я вынужден буду сообщить полковнику Абелю, что его «семья», видимо, отказывается от него, и, возможно, он после этого пересмотрит свою позицию «не-сотрудничества» с США. Я добавил, насколько мог, многозначительно:

– Я убежден, что он посчитается с моим мнением.

Этот день показался мне очень длинным»¹⁵⁷.

На следующий день, 7 февраля, Москва взяла паузу. И Донован провел весь день в ожидании новостей от Шишкина и Фогеля.

«Я встал довольно поздно, но к полудню от Шишкина еще не было никаких вестей. Мой отчет о событиях прошлого дня был передан в Вашингтон, и оттуда было получено несколько ответных посланий. В них проводились две мысли: во-первых, я настолько рьяно играю свою роль, что ставлю под угрозу успех своей первоначальной миссии – обменять Абея на Пауэрса; во-вторых, если я вернусь в Восточный Берлин, то должен сделать это только на свой страх и риск.

В 3 часа 15 минут по незарегистрированному западноберлинскому телефону было получено следующее сообщение:

«Доновану.

К сожалению, мы сегодня не получили ответа. Надеемся получить его завтра. Сообщим немедленно.

Шишкин».

Игра в шахматы продолжалась. Несмотря на рекомендацию Вашингтона соблюдать осторожность, мне казалось, что необходимы энергичные меры. Я считал, что если мы не пойдем теперь на решительный шаг, то либо моя миссия полностью провалится, либо Советы придут к выводу, что, если они будут достаточно долго упираться, им не надо будет выдавать никого, кроме Пауэрса.

Мы с Бобом обсудили ход событий за последние несколько дней, и он предложил мне проконсультироваться не только с главой американской миссии в Берлине, но и с генералом Клеем, который был личным представителем президента Кеннеди в Берлине в ранге посла. Поскольку мы не могли подвергать опасности мою квартиру, встреча состоялась в квартире Боба.

День выдался на редкость унылый и хмурый. Не переставая, попеременно с дождем шел снег. В столовой у Боба горел камин, что мне с моей ноющей спиной, было особенно приятно. Генерал Клей внимательно слушал, пока я рассказывал ему о полученном мной из Вашингтона совете и о том, как я сам оцениваю положение. Я был убежден, что если мне в ходе переговоров удастся вновь перейти в наступление, то в придачу к Пауэрсу мы получим и Прайора. С другой стороны, мы все согласились с Вашингтоном в том, что с моей стороны было бы безрассудно снова переправляться через стену, чтобы явиться с еще одним неожиданным визитом к Шишкину.

Наконец мы договорились о тактике, которая могла обеспечить нам победу. Генерал Клей сам написал послание, которое мы отправили Шишкину:

«Получил вашу телефонограмму и сожалею о задержке, ибо могу оставаться здесь, увы, лишь ограниченное время. Поскольку меня все еще беспокоит спина, я просил бы вас приехать завтра, в четверг 6 февраля 1962 года, от четырех до шести часов дня в резиденцию представителя нашей миссии г-на Говарда Трайвера по адресу: Далем, Фогельсонг, 12.

Донован»»¹⁵⁸.

Зато ранним утром 9 февраля адвокат услышал хорошую новость. Наконец Москва согласилась на обмен.

«На заре меня разбудил прибывший от Боба курьер. Только что по специальному телефону в Западном Берлине была получена телефонограмма. Она гласила следующее:

«Доновану.

Получил положительный ответ. Жду вас у себя в кабинете сегодня в четыре часа, если состояние вашего здоровья позволит вам приехать.

Шишкин».

За завтраком мы с Бобом обсудили это последнее сообщение. Должны ли мы принять его за чистую монету? Не является ли оно еще одним ходом Шишкина в его явной войне нервов. И не стараются ли поймать нас в ловушку Фогель или Дривс, за чьи действия Советы сняли бы с себя всякую ответственность?

Я считал, что должен пойти ва-банк и отправиться в Восточный Берлин, послав сначала Шишкину подтверждение.

Боб связался с генералом Клеем, который согласился с моим решением. Затем я послал через курьера следующее сообщение:

«Шишкину.

Приеду в шестнадцать часов, но из-за состояния здоровья был бы признателен, если бы вы прислали машину на вокзал в 15 часов 30 минут.

Донован».

Я прибыл в Восточный Берлин в 3 часа 45 минут дня, но не увидел машины, которая ждала бы меня. Поскольку все еще шел сильный снег, я поехал в советское посольство на такси.

Шишкин пригласил меня к себе в кабинет. Войдя, я увидел там накрытый столик, сервированный прелестным хрусталем и серебром. На нем стояли бутылка армянского коньяка, немецкая минеральная вода, печенье и ваза с аппетитными яблоками.

Шишкин сразу же налил в рюмки коньяк и предложил тост «за удачу». Когда мы чокнулись, он сказал, что получил из Москвы благоприятный ответ и что вся сделка одобрена. Это значит, объяснил он, что Пауэрса обменяют на Абея, а восточные немцы одновременно освободят Прайора. Однако он заявил, что, хотя освобождение Прайора восточными немцами совпадет по времени с обменом Пауэрса на Абея, оба действия не должны произойти в одном и том же месте,

ибо Восточная Германия является суверенным государством.

Я ответил, что, по-моему, это несколько осложняет дело. Хотя я и не возражаю против такой процедуры, мне непонятно, почему бы не доставить всех троих в одно и то же место. Но Шишкин сказал, что считает необходимым настаивать на этом.

Я сказал ему, что буду рекомендовать моему правительству принять эти условия. При этом я хочу особо подчеркнуть, что, насколько я понимаю, в случае улучшения отношений между нашими странами можно будет ожидать в недалеком будущем помилования Макинена. Шишкин заявил, что он сообщил о моих «соображениях» своему правительству, которое в принципе одобряет их.

Что касается времени и места, то Шишкин сказал, что готов рассмотреть любое предложение относительно времени обмена, но что, по его мнению, лучше всего назначить его на следующую субботу. На вопрос о точном времени он ответил: «Чем раньше, тем лучше». Сначала я предложил двенадцать часов дня, но он спросил: «А почему не раньше?» Когда я предложил 7 часов 30 минут, он сказал, что это превосходное предложение, ибо в это время будет мало прохожих. На его вопрос, сколько человек должно присутствовать при обмене Пауэрса на Абея, я заявил, что, на мой взгляд, официальных представителей должно быть не более шести. Он выразил свое согласие.

Шишкин сказал, что Москва просила, чтобы я лично обратился к своему правительству с просьбой постараться свести к минимуму антисоветскую пропаганду, когда об обмене будет объявлено официально.

Он налил нам обоим еще по рюмке коньяку, закрыл свой портфель и принял менее официальный вид. Я спросил его, на скольких языках он говорит, и он

сказал: «Только на четырех» – русском, немецком, английском и шведском. Он сказал, что во время войны учился в Московском университете, за границей живет уже около десяти лет и теперь хотел бы попутешествовать по своей родной стране.

Я рассказал ему, что в нашей стране очень мало лингвистов в силу нашей географической изоляции и широкого распространения английского языка. Я пояснил, что мы всячески стараемся исправить это положение, обучая детей в раннем возрасте иностранным языкам, в том числе и русскому.

– Вам следовало бы изучать русский, – сказал он.

– В моей стране, – ответил я, улыбаясь, – только оптимисты изучают русский язык. Пессимисты изучают китайский.

Он засмеялся, но смех его был неискренен.

Я информировал Шишкина, что, как мне было сообщено, Управление тюрем временно перевело Абеля в Нью-Йорк. Мне хотелось предупредить его, что, поскольку о прибытии Абеля может стать известно нью-йоркским газетам, могут возникнуть всякие толки по доводу обмена. (Этого, однако, не случилось.) Я также сказал ему, что существуют тайные системы оповещения, с помощью которых информация поступает даже в строго охраняемые тюрьмы, и рассказал, как Абель информировал меня в Атланте, что в здании министерства юстиции в Вашингтоне, в музее ФБР, была устроена новая выставка материалов по его делу.

Мы выпили еще коньяку, а по окончании нашей беседы он вызвал посольскую машину с шофером. Несмотря на холод и мокрый снег, который пошел снова, он проводил меня за дверь, через тротуар, к ожидавшей машине.

Я вернулся обычным путем и прибыл в Западный Берлин в 18 часов 10 минут. В баре «Голден-сити» я

составил и отправил Бобу отчет для Вашингтона, сообщив, что сделка завершена и «находящийся там пакет» должен быть отправлен немедленно. Позднее я посетил генерала Клея в его резиденции. Он был доволен моим отчетом»¹⁵⁹.

В 2011 году автор «Моста шпионов» Джайлс Уиттел высказал свое мнение журналисту Наталье Голицыной о причинах, которые побудили США согласиться на обмен:

«К тому времени ЦРУ уже созрело для обмена. Donovanу заявили в этом ведомстве, что сейчас обмен был бы в американских национальных интересах. Все объяснялось несколькими мотивами: во-первых, американцы осознали после почти 5 лет, что Абель так и не заговорит и что склонить его к сотрудничеству не удастся. Во-вторых, они здраво рассудили, что если Абель вернется в СССР, то известная ему разведывательная информация, которой он обладает, будет 5-летней давности и вряд ли нанесет существенный ущерб США. Был и чисто прагматический мотив: в этих обстоятельствах оставшийся Абелю тюремный срок в 28 лет стал бы ненужным бременем для американского бюджета и американских налогоплательщиков»¹⁶⁰.

Звучит цинично, но достаточно откровенно.

На следующий день, 9 февраля, Donovan и Шишкин обсуждали детали процедуры обмена.

«Я встретился с Шишкиным в посольстве около двенадцати дня и сообщил ему о принципиальном согласии правительства Соединенных Штатов обменять Абеля на Пауэрса и Прайора.

По поводу Фредерика Прайора Шишкин долго спорил, утверждая, что Прайора следует передать его семье в «адвокатской конторе» Фогеля в Восточном

Берлине. Я был не согласен на освобождение Прайора где бы то ни было в Восточном Берлине. Наконец Шишкин согласился на выдачу его в пограничном пункте на Фридрихштрассе одновременно с обменом Пауэрса на Абеля. Я сказал ему, что Прайора встретит машина с приемно-передающей радиоустановкой, чтобы нас могли известить об его освобождении, когда мы будем на мосту. Он кивнул в знак согласия. Я убеждал Шишкина, что в его же интересах будет освободить Прайора сегодня, чтобы обе сделки выглядели как самостоятельные, но Шишкин ответил, что это будет противоречить полученным им инструкциям.

Шишкин сказал, что главное, что беспокоит советскую сторону, - это официальное сообщение, которое будет сделано Соединенными Штатами. Он сказал, что мы не будем считаться ответственными за информацию прессы, но подчеркнул важное значение текста наших официальных сообщений для будущих взаимоотношений между нашими странами. Я заверил Шишкина, что мы не будем вести официальной пропаганды.

Шишкин сказал, что будет присутствовать при обмене Абеля на Пауэрса в сопровождении двух советских официальных представителей. Мы договорились, что в 8 часов 20 минут на середине моста заместитель начальника Управления тюрем и я встретимся с тремя советскими представителями, чтобы удостовериться, все ли в порядке. Затем два охранника, по одному с каждой стороны, выведут обоих заключенных, и после опознания каждый из них будет передан другой стороне. Официальные представители обменяются рукопожатиями, а затем все разойдутся. Он нарисовал на бумаге план встречи, который я положил в карман. Я согласился с этим планом, считая его разумным, но сказал, что с ним должно также

ознакомиться американское руководство и, если будут предложены какие-либо изменения, я немедленно свяжусь с Шишкиным. Я заверил Шишкина, что ни корреспондентам, ни фоторепортерам не будет разрешено присутствовать при обмене.

В Западный Берлин я вернулся в 13 часов 30 минут. Боб повез меня к командующему вооруженными силами США в Берлине генерал-майору Уотсону, чтобы обсудить план обеспечения безопасности на следующее утро. Генерал был одним из четырех человек в Западном Берлине, знавших о моем пребывании там. «Г-н Деннис» прибыл потихоньку и прошел в усиленно охраняемую ставку генерала Уотсона через заднюю дверь. Поздно ночью Боб сообщил мне, что Абель прибыл в Западный Берлин и я могу повидаться с ним, если хочу. Я сказал Бобу, что сон для меня сейчас важнее, и договорился, чтобы меня разбудили пораньше»¹⁶¹.

А вот и финал многомесячных переговоров об обмене. Вот как он произошел по версии американского адвоката.

«Я встал в 5 часов 30 минут и, несмотря на усталость, стал укладываться. Пошел восьмой день моего пребывания в Берлине, и, если все пройдет хорошо, он будет последним. После завтрака мы с Бобом отправились в американские военные казармы. Небольшая гауптвахта, где содержался Абель, была освобождена от других заключенных и усиленно охранялась. Войдя внутрь, я увидел заместителя начальника. Управления тюрем, которым оказался Фред Уилкинсон. Он был начальником исправительной тюрьмы в Атланте, когда я навещал там Абеля, и получил повышение недавно. За кофе мы обсудили последнее мероприятие, а затем я попросил разрешения повидаться с Абелем наедине.

Когда я вошел в подземную камеру, Рудольф встал. Он улыбнулся, протянул мне руку и, к моему удивлению, сказал: «Хэлло, Джим!» Раньше он всегда называл меня «г-н Донован». Вид у него был измученный, он похудел и сильно постарел. Но он был любезен, как всегда, и, предложив мне американскую сигарету, сказал суховатым тоном: «Мне их будет не доставать».

Мы спокойно поговорили. Я спросил, не боится ли он возвращаться домой, на что он быстро ответил: «Конечно, нет. Я не сделал ничего бесчестного». О Фрэнсисе Гарри Пауэрсе он знал все, но ему не приходилось прежде слышать о деле Фредерика Прайора. Я вкратце изложил ему план осуществления обмена, и он счел его разумным. Он сказал, что никогда ничего не слышал о Шишкине, хотя наши люди сообщили мне, что, по их мнению, я вел переговоры не со «вторым секретарем советского посольства в Восточной Германии», а с «начальником западноевропейского отдела КГБ».

Когда настало время ехать, он взял меня за руку и сказал с большой искренностью:

– Я никогда не смогу как следует отблагодарить вас за ваш тяжелый труд, а главное – за вашу добросовестность. Я знаю, что ваша страсть – коллекционирование редких книг. В моей стране такие культурные ценности являются достоянием государства. Но я как-нибудь устрою, чтобы вы в течение ближайшего года получили должное выражение моей благодарности.

Из тюрьмы мы с Бобом поехали к назначенному месту встречи на мосту Глиникер-брюкке. Когда мы прибыли туда, было уже светло, но страшно холодно. С нашей стороны моста повсюду можно было видеть американскую военную полицию. Она сменила часовых западногерманской пограничной охраны, которые, как я заметил, сидели в караульной будке с измученным и

даже несколько испуганным видом и пили кофе. Их явно не известили о нашей миссии. Абель прибыл около 8 часов 15 минут в машине, полной охраны. Наш охранник, который потом вышел на мост с Абелем и Уилкинсоном, был здоровенный детина, каких мне редко приходилось видеть. Ростом не менее двух метров, он весил, должно быть, килограммов 130 с лишним. Я так и не узнал, кто он, но, вероятно, его прислали сюда из Федерального управления тюрем.

Ровно в 8 часов 20 минут я вышел на середину моста. По одну сторону от меня шел глава миссии США в Берлине, по другую – молодой штатский, который был товарищем Пауэрса, когда тот летал на У-2». Поясним, что этим человеком был Джо Мерфи. Он должен был опознать Пауэрса. А вот Абеля предстояло опознать сотруднику КГБ Василию Призову¹⁶².

«Тем временем с другой стороны к нам начал приближаться Шишкин в сопровождении двух штатских. Когда они дошли до середины моста, мы с ним выступили вперед, официально обменялись рукопожатиями и дали обоюдные заверения, что в соответствии с нашим соглашением все готово.

После этого каждый из нас подал знак на соответствующую сторону пролета моста, и с каждой стороны вышло вперед по три человека. В нашей тройке шли Абель, заместитель начальника Управления тюрем Уилкинсон и здоровяк из охраны. Русская тройка состояла из Пауэрса в меховой шапке и двух человек с телосложением борцов. Абель и Пауэрс несли набитые доверху мешки.

Шишкин четко объявил мне, что, поскольку восточные немцы освободили Прайора на Фридрихштрассе, теперь может быть произведен обмен Пауэрса на Абеля. Я сказал ему, что должен получить соответствующее подтверждение, и крикнул, чтобы мне

подтвердили это с нашей стороны моста. Наконец кто-то ответил оттуда: «О Прайоре еще ничего не сообщили!»

Шишкин сказал, что мы должны завершить обмен немедленно, пока по мосту не началось обычное движение. Я ответил: «Мы будем ждать здесь, на месте, пока мои люди не подтвердят, что Прайор освобожден». Я пояснил, что вчера вечером мы сообщили семье Прайора о возможности благоприятных новостей, и сегодня рано утром несколько офицеров службы безопасности отвезли Прайоров на «контрольный пункт Чарли», чтобы они могли там опознать и встретить своего сына.

- По моим сведениям, - сказал Шишкин, - Фогель сопровождал Прайора до контрольного пункта, а затем молодого человека освободили.

- Возможно, что Фогель спорит с Прайором о своем адвокатском гонораре, - сказал я с улыбкой. - Это может протянуться несколько месяцев.

Шишкин расхохотался и сказал:

- Уступаю вам, как юристу. Вам, без сомнения, не раз приходилось сталкиваться с такими вещами.

Приняв менее официальный вид, Шишкин сказал, что ему было приятно познакомиться со мной и что мне следовало бы играть более активную роль в государственных делах. «Хорошо иметь дело с умными людьми», - сказал он.

Вдруг мы услышали с нашего конца моста крик: «Прайора освободили!» Было 8 часов 45 минут. Я подал знак Уилкинсону. Он вынул официального вида документ и скрепил его своей подписью. (Тем временем оба заключенных были опознаны встречавшими, которые начали дружески махать им руками.) По знаку, поданному Шишкиным и мной, Пауэрс и Абель вышли вперед со своими мешками и переступили через разграничительную линию. Они не взглянули друг на

друга. Пауэрс воскликнул: «О, как я рад тебя видеть!» – и схватил своего старого товарища за руку. Они направились к нашему концу моста.

Абель задержался. Он попросил Уилкинсона дать ему официальный документ о помиловании, сказав:

– Я буду хранить его как своего рода диплом.

Затем, положив свой мешок, он протянул мне руку и сказал:

– Прощайте, Джим!

Я ответил:

– Всего хорошего, Рудольф.

Шишкин стоял в стороне, затем он подал мне руку и спросил:

– Надолго вы с Пауэрсом останетесь в Берлине?

Я пожал плечами и, подумав о предстоящем нам путешествии через «коридор», ответил:

– Думаю, что мы имеем право отдохнуть тут пару дней, как вы считаете?

– Конечно, – улыбнулся он. – Прощайте, всего вам хорошего.

Мы расстались...»¹⁶³.

Заключение

9 июля 2010 года из США в Россию были депортированы десять человек, осужденные за шпионаж в пользу России. Владимир и Лидия Гурьевы, Михаил Куцик и Наталия Переверзева, Андрей Безруков и Елена Вавилова, Михаил Васенков, Вики Пелаес, Анна Чапман и Михаил Семенко. Их обменяли на граждан РФ, отбывающих наказание за шпионаж в пользу западных спецслужб: Александра Запорожского, Геннадия Василенко, Сергея Скрипаля и Игоря Сулягина...

В июне 2015 года власти Германии досрочно выпустили российского разведчика-нелегала Андреаса Аншлага («Пит») из местной тюрьмы.

Он и его жена Хайдрун («Тина») были приговорены летом 2013 года Высшим земельным судом Штутгарта к 6,5 и 5,5 годам лишения свободы соответственно за шпионаж в пользу России. В ноябре 2014 года женщина была освобождена и отправлена в Москву. Теперь супруги Аншлаг снова вместе.

Немецкие спецслужбы установили, что Андреас Аншлаг проник в Германию по фальшивому австрийскому паспорту в 1988 году, а жена последовала за ним в 1990 году. По легенде они были австрийцами, родившимися в Южной Америке. Так легче было объяснить небольшой акцент.

Легенду они блюли так тщательно, что даже их дочь якобы не подозревала о том, чем на самом деле занимались её родители.

Для окружающих они тоже были обычными бюргерами, автомобильным инженером и домохозяйкой, практически ничем не выделявшимися на фоне других.

Все же их арестовали 18 октября 2011 года¹⁶⁴. А через несколько месяцев в СМИ появились сообщения о

том, что Москва и Берлин начали переговоры об возможности их обмена.

Судя по тому, что разведчики-нелегалы были освобождены досрочно, переговоры увенчались успехом. История обменов шпионов продолжается.

Примечания

¹ Звонарев К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. – Киев. – 2005., – С. 40–41.

² Шаваев А. Учитесь на старых ошибках – не сделаете новых. // Независимое военное обозрение. – 2003 год. – 10 октября.

³ Ефимова М. Обмен. История бартерной торговли шпионами. // Иностранная литература. – 2011 год. – № 1.

⁴ Пиблз К. Тайные полеты. – Смоленск, 2002.

⁵ Дроздов Ю. Нужная работа. – М. – 1994., – С. 37.

⁶ В январе 1912 – сентябре 1917 года вице-консул и генеральный консул Великобритании в Москве. С января по сентябрь 1918 года глава специальной британской миссии при Советском правительстве.

⁷ Посол США в России в 1916–1918 годах.

⁸ Союз защиты Родины и Свободы – военная антибольшевистская организация. Создана в марте 1918 года в Москве Борисом Савинковым. В июле 1918 года организовала Ярославское, Рыбинское и Муромское восстания. Также готовились восстания в Москве и Казани, но аресты некоторых членов союза в мае 1918 года сорвали их.

⁹ «Союз возрождения России» возник в марте – мае 1918 года в Москве как широкая коалиция политических партий, противостоявших Совету Народных Комиссаров. Политическая платформа «Союз» включала непризнание Брестского мира, восстановление России в границах 1914 года за исключением Польши и Финляндии, возрождение русской государственности и передачу власти директории в переходный период до созыва Учредительного собрания. Во второй половине

лета 1918 года после отъезда руководителей «Союза» коалиция фактически прекратила свою деятельность.

10 Мятеж Чехословацкого корпуса – вооружённое выступление Чехословацкого корпуса в мае – августе 1918 года в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, создавшее благоприятную ситуацию для ликвидации советских органов власти, образования антисоветских правительств (Комитет членов Учредительного собрания, Временное Сибирское правительство, позднее – Временное Всероссийское правительство) и начала широкомасштабных вооружённых действий белых войск против советской власти. Поводом для начала восстания послужила попытка советских властей разоружить легионеров.

11 Сначала агент, а затем кадровый сотрудник британской разведки, действовавший в 1910–1920 годах в России и на Ближнем Востоке. Считается, что именно он стал прообразом Джеймса Бонда. В реальности большинство приписываемых ему достижений – мифы, а его биография полна «белых пятен».

12 Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Т. 10. – Берлин, 1923. – С. 116.

13 Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Т. 10. – Берлин, 1923. – С. 116.

14 Гладков Т. К., Зайцев Н. Г. И я ему не могу не верить... – М., 1987. – С. 159.

15 Чекисты Петрограда на страже революции (в 2-х тт.) Книга I. – Л., 1989. – С. 167–168.

16 Берберова Н. Железная женщина. – М., 1991. – С. 89–92.

17 Берберова Н. Железная женщина. – М., 1991. – С. 95–98.

18 Рэкс Липер – чиновник британского МИДа, через которого поддерживалась связь с правительством Англии.

19 Франц фон Папен (29 октября 1879 года, Верль – 2 мая 1969 года, Оберзасбах) – немецкий государственный и политический деятель, дипломат. В 1913–1915 годах – военный атташе в США, откуда был выслан за шпионаж и подрывную деятельность. Затем служил на Западном фронте. В 1916 году выступал посредником между немецким правительством и ирландскими повстанцами-республиканцами в поставках оружия, которое было использовано ими против британской армии. С 1917 года служил офицером Генштаба на Ближнем Востоке и в звании майора в турецкой армии в Палестине. В 1918 году вернулся в Германию и уволился из армии в чине подполковника.

20 Использовался в Великобритании для перевозки заключенных.

21 Щегловитов Иван Григорьевич (13 (25) февраля 1861 – 5 сентября 1918) – русский государственный деятель, министр юстиции Российской империи (1906–1915), последний председатель Госсовета Российской империи.

22 Хвостов Алексей Михайлович (1 июля 1872 – 23 августа 1918) – русский государственный деятель, губернатор ряда губерний, министр внутренних дел в 1915–1916 годах.

23 Белецкий Степан Петрович (1873 – 5 сентября 1918, Москва) – российский государственный деятель, сенатор. С сентября 1915 года по февраль 1916 года был товарищем (заместителем) министра внутренних дел. В феврале 1916 года освобожден от должности и назначен иркутским генерал-губернатором. После отказа выехать к месту назначения был уволен.

24 Восторгов Иван Иванович (20 января (1 февраля) 1864, станица Кавказская, Кубанская область – 23 августа (5 сентября) 1918, Москва) – священник Православной российской церкви, протоиерей.

Проповедник, церковный писатель, миссионер, деятель монархического движения.

25 Фр. Государственный переворот

26 Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918-1945 годы. – М., 2012. – С. 292-293.

27 Исаев В. И. «Они хотели убить Сталина». ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 года. – Новосибирск, 2005.; Исаев В. И. ОГПУ и российско-германские отношения в 20-е годы. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2008. – Т. 7, выпуск 1. – С. 70-85.

28 Антонов В. Судьба резидента Исидора Мильграма. // Независимое военное обозрение. – 2005. – 12 августа.

29 Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) (Дальневосточный конфликт) – советско-китайский вооружённый конфликт, произошедший в 1929 году после захвата Чжан Сюэляном контроля над Китайско-Восточной железной дорогой, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника. Подписанный 22 декабря 1929 года Хабаровский протокол положил конец конфликту и восстановил существовавший до столкновений статус дороги.

30 Долгополов Н. От Абеля до Анны. // Российская газета. – 2010. – 12 июля.

31 Горбунов Е. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. – М., 2002. – С. 93-95.

32 Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. / Министерство иностранных дел СССР – М.: 1976. – С. 226.

33 Розин А. Советские моряки в Гражданской войне в Испании в 1936-1939 годах. // <http://alerozin.narod.ru/SovietSpain1.htm>

34 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. - М., 2004. - С. 499.

35 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. - М., 2004. - С. 499.

36 Розин А. Советские моряки в Гражданской войне в Испании в 1936-1939 годах. // <http://alerozin.narod.ru/SovietSpain1.htm>

37 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 55-56.

38 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 62-63.

39 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 63-64.

40 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 64-65.

41 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 65-66.

42 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 66-67.

43 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 68-70.

44 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 70-71.

45 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 71-73.

46 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987. - С. 74-80.

47 Наверное, Елисей Синицын ошибся и указал другой корабль. Дело в том, что «Иосиф Сталин» подорвался на трех минах в декабре 1941 года в Балтийском море, когда участвовал в эвакуации

советских войск из военно-морской базы на острове Ханко.

48 Синицын Е. Резидент свидетельствует. - М., 1996. - С. 121-130.

49 Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 - март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. - М., 2007. - С. 260.

50 Курт Танк - немецкий авиаконструктор. С 1933 по 1945 год руководитель и главный конструктор самолётостроительной фирмы Германии «Фокке-Вульф-Верке». Известнейший и самый быстрый из довоенных гражданских самолётов дальнего следования Fw 200 «Condor» был разработан под его руководством. В честь Танка получил свое название высотный перехватчик Ta 152 (являвшийся модификацией Fw 190D). Под конец войны разработал передовой проект турбореактивного истребителя Ta 183, послужившего образцом для всей послевоенной реактивной авиации подобного класса. После войны Танк работал в Западной Германии, осенью 1947 года бежал в Аргентину, создав там для ВВС модели истребителя «Пульки II», многоцелевого самолёта «Уанкero», а также проект авиалайнера «Кондор», далее работал в Индии, где спроектировал первый боевой самолёт индийского производства HF-24 «Марут».

51 Соколовский Василий Данилович - советский военачальник, Маршал Советского Союза. С марта 1946 года - главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии и главноначальствующий Советской военной администрации в Германии, одновременно - член Контрольного совета в Германии от СССР.

52 Дратвин Михаил Иванович - генерал-лейтенант Советской Армии, участник Первой мировой, Гражданской, советско-финской и Великой Отечественной войн. С июня 1945 года служил в штаб

Советской военной администрации в Германии, был заместителем начальника, начальником штаба, первым заместителем Главного начальствующего административной администрации.

53 Куцевалов Тимофей Фёдорович – советский военачальник, генерал-лейтенант авиации. В июне 1945 года был назначен начальником отдела ВВС Советской военной администрации в Германии.

54 Серов Иван Александрович. С июня 1945 года на ответственных постах на территории Германии – заместитель Главного начальствующего Советской военной администрации Германии по делам гражданской администрации и уполномоченный НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии. С 1946 года – член Специального комитета по реактивной технике при Совете Министров СССР. С февраля 1947 по март 1954 года – первый заместитель Министра внутренних дел СССР.

55 Баринов Александр Борисович – генерал-майор. В марте 1947 года был назначен на должность начальника Военного управления Советской военной администрации в Германии.

56 Лукьянченко Григорий Сергеевич – генерал-лейтенант. С ноября 1945 года – зам. начальника штаба Советской военной администрации в Германии по военным вопросам, с мая 1947 года – начальника штаба Советской военной администрации в Германии.

57 Александров Григорий Алексеевич – генерал-майор авиации. С апреля 1947 года – начальник 3-го отдела (Отдел ВВС) Военного управления Советской военной администрации в Германии.

58 Цит. по Побег полковника Токаева. // <http://labas.livejournal.com/949642.html>

59 Шпионам нет дороги. – Киев. 1962., – 16–22.

60 Шпионам нет дороги. – Киев. 1962. – С. 23–38.

61 Минаев В. Тайное становится явным. – М., 1962. – С. 196.

62 Пойманы с поличным. – М., 1962. – С. 79.

63 Пойманы с поличным. – М., 1962. – С. 80–81.

64 «Посев» – общественно-политический журнал, орган антисоветской организации Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС). С 1952 по 1992 год редакция журнала находилась во Франкфурте-на-Майне (Западная Германия).

65 Торговля шпионскими материалами. // Посев. – № 36. – 1961 год. – 3 сентября.

66 Бумага, проглоченная шпионом. // Посев. – № 38. – 1961 год. – 17 сентября.

67 Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. – М., 2012, – С. 630–631.

68 Чистяков Н. Ф. По закону и совести. – М.: 1979. – С. 121–122.

69 Галайко В. Шпион, за которым охотились четверть века. // Зеркало недели. Украина. 2001. – 23 марта. – № 12.

70 Хасс П. Дж., Капоши Дж. КГБ в ООН – М., 2000. – С. 311.

71 Кого и как обменивал Советский Союз. // Коммерсант. – 2010. – 8 июля.

72 Уайз Д. Охота на «кротов» – М., 1994.– С. 180, 225–230; Прохоров Д.П., Лемехов О.И. Перебежчики. Заочно расстреляны. – М., 2001. – С. 202–207; Менголд Т. Цепной пес «холодной войны». – М., 2001. – С. 269–293.

73 Карих М. Звезда Хайнца Фельфе. // Военно-промышленный курьер. – 2008. – 19 марта; Иванов Д. Ветеран разведки Виталий Коротков: «Курта» обменяли на целый автобус западных шпионов. // Известия. – 2007. – 20 декабря; Егоров В. Под боком у Гелена. // Сб. Профессия: разведчик. Д. Блейк, К. Фукс, К. Филби, Х.

Фелфе. – М., 1992. – С. 293–366; Дегтярев К. Внешняя разведка СССР. – М., 2009. – С. 703.

74 Рудольф Петерсхаген – офицер вермахта и комендант Грайфсвальда, организовавший передачу города частям Красной Армии без боя 30 апреля 1945 года. После возвращения из плена в 1948 году принимал активное участие в общественной жизни Грайфсвальда, в ходе частного визита в 1951 году в оккупированную западными союзниками зону Германии был арестован американской спецслужбой СИС за отказ от сотрудничества и приговорён к тюремному заключению дважды по шесть лет в тюрьме для военных нацистских преступников. Стараниями городского совета Грайфсвальда и супруги был в 1955 году освобождён и вернулся в ГДР, где был удостоен звания почётного гражданина Грайфсвальда. До своей смерти занимал небольшой пост в администрации города, написал автобиографию «Мятежная совесть».

75 Рудольф Карл Аугштайн – один из самых известных и влиятельных немецких журналистов, основатель знаменитого журнала Шпигель (нем. Der Spiegel – зеркало), ответственным редактором которого он был на протяжении 55 лет. Возможно, Хайнц Фельфе имел в виду так называемое «Дело Шпигеля». 26 октября 1962 года сотрудники криминальной полиции из Боннского отделения Федерального управления уголовной полиции ворвались в Гамбургский дом прессы и провели обыск в 170 редакционных помещениях этого издания на семи этажах. Тогда было арестовано семь редакторов. Рудольф Аугштайн был обвинен в измене родине и отсидел в тюрьме 103 дня. Только в 1965 году процесс против Аугштайна был окончательно прекращен. В результате скандала министр обороны Франц Йозеф Штраусс ушел в отставку.

76 Келлер Д. Секреты Штази. История знаменитой спецслужбы ГДР. – М., 2000. – С. 120.

77 Дроздов Ю. Нужная работа. – М., 1994. – С. 75–76.

78 Евдокимов П. Обмен холодной войны. // Спецназ России. – 2008. – № 4; Они сидели за родину. // Коммерсант. – 2003. – 25 марта.

79 Евдокимов П. Обмен холодной войны. // Спецназ России. 2008 год. № 4.

80 Евдокимов П. Обмен холодной войны. // Спецназ России. – 2008. – № 4.

81 Была создана в мае 1976 года. Основная цель – информировать правительства других стран о фактах нарушения прав человека в СССР. В сентябре 1982 года под давлением властей была вынуждена объявить о прекращении своей деятельности.

82 Издавался в 1969–1970 годах. Вышло три сборника. В каждом из них были напечатаны стихи 10 поэтов, чьи произведения власти считали низкокачественными, содержащими порнографию и антисоветскую пропаганду.

83 Первый документальный сборник о политических процессах (Гинзбург разослал его депутатам Верховного Совета СССР и руководству КГБ), который подготовил советский диссидент.

84 Розварин П. Колокольчики Гинзбурга. // Время новостей. – 2002. – 22 июля; Политковская А. В Париже умер Алик Гинзбург. // Новая газета. – 2002 год. – 22 июля.

85 Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов – централизованная религиозная организация евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) на территории Советского Союза. В послевоенном СССР ВСЕХБ являлся единственным легальным объединением церквей евангельского направления протестантизма.

86 Попов В. Дело и судьба баптиста Георгия Винса. // Независимая газета – Религия. – 2008. – 17 сентября.

87 Ария С. Самолетное дело. // <http://hijacking.far.ru/kuznetsov.html>

88 Цит. по Бережков В. Питерские. Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербурга. – М., 2005., С. 397.

89 Ария С. Самолетное дело. // <http://hijacking.far.ru/kuznetsov.html>

90 Бережков В. Питерские. Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербурга. – М., 2005. – С. 397.

91 Белая книга: свидетельства, факты, документы. – М., 1979. – С. 241-251.

92 Мост Глинке помнит шпионов // <http://russian.rt.com/inotv/2011-02-19/Most-Glinike-pomnit-shpionov>

93 Политический и организационный центр немецких антифашистов во время Второй мировой войны, созданный 12 июля 1943 года на территории СССР по инициативе компартии Германии, в который вошли ведущие германские коммунисты, а также ряд немецких солдат и офицеров из числа захваченных в плен под Сталинградом.

94 Обмен агентов в 1985 году: большое шоу на Глинском мосту // <http://svonb.livejournal.com/943998.html>

95 Кого и как обменивал Советский Союз. // Коммерсант. – 2010. – 8 июля.

96 Збигнев Бжезинский – американский политолог, социолог и государственный деятель польского происхождения. Долгое время являлся одним из ведущих идеологов внешней политики США. Советник и член правления Центра стратегических и международных исследований при университете Джонса Хопкинса. Автор книги «Великая шахматная доска: господство Америки и её геостратегические императивы».

97 Малеванный В. В двух шагах от Апокалипсиса. // Независимое военное обозрение. – 2000. – 16 июня.; Антонов В. «Кардиналы идут в ад». Дороги, которые мы выбираем. Начало. // <http://www.vilavi.ru/prot/card/card3-1.shtml>

98 Советский период в жизни Натана Щаранского. // <http://www.peoples.ru/state/minister/israel/scharanski/russian.html>

99 Антонов В. «Кардиналы идут в ад». Дороги, которые мы выбираем. Окончание. // <http://www.vilavi.ru/prot/card/card3-2.shtml>

100 Кабанов Н. Тайны латвийской дипломатии. // http://imhoclub.lv/ru/material/tajni_latvijskoj_diplomatii#ixzz3m1dGiQin

101 Данилофф Н. Две жизни, одна Россия. Невыдуманная история о том, как американец был взят заложником КГБ. – М., 1992.

102 Абаринов Н. Гость «Американского часа» – американский журналист Николас Данилофф. // <http://www.svoboda.org/content/transcript/459289.html>

103 Рубин М. «То, что не включили в список Данилова, – это безобразие». // http://www.infox.ru/authority/mans/2010/07/09/Orlov_intyeryu.phtml

104 В 1941 году был направлен в резидентуру в Нью-Йорке в качестве оперативного работника. Проводил ответственные операции по добыванию особо секретной и важной информации по американскому атомному проекту. Благодаря находящейся у него на связи агентуре Москва получила сведения, расчеты и чертежи по так называемому «Манхэттенскому проекту» (проект создание атомной бомбы). Эти сведения позволили советским ученым получить весьма полезные данные о строительстве заводов по получению оружейного урана и плутония, а также по производству непосредственно атомной бомбы. 15 июня

1996 года Указом президента РФ за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество А.А. Яцкову (посмертно) было присвоено звание Героя Российской Федерации.

105 Была гражданской женой советского разведчика-нелегала Якова Голоса, который действовал на территории США. Также она выполняла обязанности секретарши. После перенесённого в 1941 году сердечного приступа Голос был ограничен в способности передвигаться, и Бентли взяла на себя его функции. В это время она жила уже в Вашингтоне, где и начала знакомиться с контактами Голоса. Там, по её собственным словам, она имела около двадцати контактов с агентами, которых в свою очередь снабжало «секретной информацией» около тридцати высокопоставленных лиц. В ноябре 1945 года по собственной инициативе сообщила ФБР о своей шпионской деятельности. В июле 1948 года Бентли предстала перед Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности и подкомитетом комитета сената по расследованиям. Она дала подробные показания об агентах в армии, военно-воздушных силах, госдепартаменте и УСС (предшественник ЦРУ).

106 Приехал в Канаду летом 1943 года. 5 сентября 1945 года изъясил из сейфа резидентуры в посольстве 103 секретных документа и передал их правительству Канады. Переданные им документы представляли собой переписку резидента ГРУ полковника Николая Заботина с иностранными агентами, внедрёнными в атомную отрасль. Эти материалы привели к аресту и осуждению по меньшей мере десяти агентов, охотившихся на Западе за атомными секретами США.

107 Британский физик-теоретик, во время войны находился на территории США, где участвовал в атомном проекте. С осени 1941 года сотрудничал с советской разведкой. После войны вернулся в Великобританию. 4 февраля 1950 года был арестован британскими спецслужбами и вскоре осуждён на 14 лет.

108 Лашкул В. Герои России родом из США. // Гудок. – 2003. – 17 января; Антонов В. Герой России товарищ Лесли. // Независимое военное обозрение. – 2013. – 1 февраля; Антонов В. Герой России товарищ Лоэн. // Независимое военное обозрение. – 2010. – 2 июля; Ветераны внешней разведки. Краткий биографический справочник. – М., 1995. – С. 70-73.

109 Антонов В. Герой России товарищ Лесли. // Независимое военное обозрение. – 2013. – 1 февраля; Антонов В. Герой России товарищ Лоэн. // Независимое военное обозрение. – 2010. – 2 июля; Лашкул В. Герои России родом из США. // Гудок. – 2003. – 17 января; Ветераны внешней разведки. Краткий биографический справочник. – М., 1995. – С. 68-70.

110 Крогер Х., Крогер П., Лонсдейл Г. Письма из тюрем Ее Величества. В двух томах. – М., 2001.

111 Чистяков Н. По закону и совести. – М., 1979. – С. 142-143.

112 Нехамкин С. Брук, не Бонд. // Известия. – 2005. – 28 декабря

113 Харт Д.Л. Русские агенты ЦРУ. – М., 2005. – С. 93-188.; Уайз Д. Охота на «кротов» – М., 1994.– С. 57-67, 123-126, 140-142; Мелтон К. Искусство шпионажа: Тайная история спецтехники ЦРУ. – М., 2013. – С. 47-60; Дело Пеньковского. – М., 1997.; Максимов А. Б. Главная тайна ГРУ. – М., 2010. – С. 166-305, 331-355; Гореленко С. От КГБ до ФСБ. Записки опера. – М., б.г. – С. 134-181.

114 С 1955 по 1957 год выполнял обязанности заместителя начальника отдела информации польской

разведки. Сотрудничал с КГБ, выполнял разведывательные задания в Западной Германии и Швейцарии. В апреле 1958 года предложил свои услуги ЦРУ. В январе 1960 года ушел на Запад.

115 Витковский А. «Портлендское дело» бизнесмена Лонсдейла. // Парламентская газета. – 2002. – 19 января; Степанов Ю, Сизов И. Не «мертвый сезон» Молодого. // Парламентская газета. 2004 год. 15 октября; Долгополов Н. Моего отца звали Беном. // Труд. – 2004. – 27 мая; Губернаторов Н.В., Евсеев А.В., Корнешов Л.К., Молодая Г.П. Гордон Лонсдейл: Моя профессия – разведчик. – М., 1990; Ветераны внешней разведки. Краткий биографический справочник. – М., 1995. – С. 103-106.

116 Смольников В. Неотвратимое возмездие. // Сб. Неотвратимое возмездие. – М.; Воениздат, 1979. – С. 140-152.

117 Долгополов Н. Ушел в разведку на 30 лет. // Совершенно секретно. – 2006 год. – № 2; Долгополов Н. Нелегал не любил встреч. // Российская газета. – 2009 год. – 17 декабря; Бондаренко А. Герой России Алексей Козлов: «Хочу обратно на нелегальную работу!». // Красная звезда. – 2009 год. – 19 декабря; Забродина Е. Разведчик-нелегал, Герой России Алексей Козлов: «меня обменяли по курсу один к одиннадцати». // Известия. – 2009 год. – 19 декабря.

118 Донован Д. Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абея. – М., 1992. – С. 6-26.

119 Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абея. – М., 1997.

120 Долгополов Н. Правда полковника Абея. – М., 1995.

121 Долгополов Н. Правда полковника Абея. Издание второе – дополненное и расширенное. – Пенза, 1997.

122 Долгополов Н. М. Абель – Фишер. – М., 2010.

123 Санж Де Грамон. История шпионажа. - Смоленск., 2002. - С. 198-241.

124 Абель Рудольф Иванович. // <http://svr.gov.ru/history/ab.htm>; Нехамкин С. «За Абелем летописец не ходил». // Известия. - 2003 год. - 11 июля.

125 Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Гарри Пауэрса 17-19 августа 1960 года. - М., 1960. - С. 120-122.

126 Коровин В. На несоветской высоте. // Коммерсант. 2000. - 3 мая; Самойлов Б. К. Загадка первая 1960 года. // Военно-промышленный курьер. - 2012 год. - № 4, 5.

127 Самсонов В. Кто сбил Пауэрса? // <http://www.airwar.ru/history/locwar/xussr/pauers/pauers.html>; Самойлов Б. К. Загадка первая 1960 года. // Военно-промышленный курьер. - 2012. - № 4, 5.

128 Скопина К. Однажды в Первомай. // Советская Россия. - 2003. - 30 апреля; Самойлов Б. К. Загадка первая 1960 года. // Военно-промышленный курьер. - 2012 год. - № 4, 5.

129 Сергеев Ф. М. Если сорвать маску... Центральное разведывательное управление США как оно есть. - М., 1983. - С. 138-140.; Бай Е. Фрэнсис Пауэрс: «В ЦРУ отца допрашивали так же интенсивно, как и в КГБ». // Известия. - 2003 год. - 23 июня.

130 Сергеев Ф. М. Если сорвать маску... Центральное разведывательное управление США как оно есть. - М., 1983., - С. 140.

131 Хохлов А. История сбитого летчика. // Вечерняя Москва. 2014 год. 1 мая.

132 Пауэрс Г., Курт Д. Операция «Перелет». - М., 1972.

133 Гасюк А., Долгополов Н. Правда о шпионе «У-2». // Российская газета. 2012 год. 2 августа.

134 «Неделя» - № 15 за 1970 г.

135 Из тюрьмы Пауэрс писал своей семье: «Со мной обращаются гораздо лучше, чем можно было бы ожидать. Я получаю больше пищи, чем могу съесть, и много сплю... Я также бываю на прогулке на воздухе каждый день, когда нет дождя».

136 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 271.

137 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 231.

138 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С.237.

139 Голицына Н. Как наводили шпионские мосты. // Огонек. – 2011 —. № 12.

140 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 256.

141 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 263-264.

142 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 272-273.

143 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 254-255.

144 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 273-274.

145 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 276.

146 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 277-278

147 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998., – С. 278-279.

148 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 280-281.

149 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 281-282.

150 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 281-282.

151 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 282-283.

152 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 283-285.

153 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998., – С. 286-287

154 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 287-288.

155 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 289-297.

156 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 297-301.

157 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 301-309.

158 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998.- С. 309-310.

159 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 309-313.

160 Голицына Н. Как наводили шпионские мосты. // Огонек. – 2011 год. – № 12.

161 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998., – С. 313-314.

162 Голицына Н. Как наводили шпионские мосты. // Огонек. – 2011.г – № 12.

163 Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998. – С. 314-317.

164 Кондрашов А. Аншлаг на свободе. А другие? // Аргументы Недели – 2015 год. 18 июня.

Список источников

Опубликованные документы

Белая книга: свидетельства, факты, документы. – М., 1979.

Дело Пеньковского. – М., 1997.

Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. / Министерство иностранных дел СССР – М.: 1976.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. – М., 2004.

Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2007.

Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Гарри Пауэрса 17–19 августа 1960 года. – М., 1960.

Монографии и справочные издания

Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 годы. – М., 2012.

Бережков В. Питерские. Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербурга. – М., 2005.

Горбунов Е. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. – М., 2002.

Ветераны внешней разведки. Краткий биографический справочник. – М., 1995.

Дегтярев К. Внешняя разведка СССР. – М., 2009.

Звонарев К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. - Киев. - 2005.

Исаев В. И. «Они хотели убить Сталина». ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 года. - Новосибирск, 2005.

Келлер Д. Секреты Штази. История знаменитой спецслужбы ГДР. - М., 2000.

Крогер Х., Крогер П., Лонсдейл Г. Письма из тюрем Ее Величества. В двух томах. - М., 2001.

Максимов А. Б. Главная тайна ГРУ. - М., 2010.

Мелтон К. Искусство шпионажа: Тайная история спецтехники ЦРУ. - М., 2013.

Менголд Т. Цепной пес «холодной войны». - М., 2001.

Минаев В. Тайное становится явным. - М., 1962.

Пиблз К. Тайные полеты. - Смоленск, 2002.

Пойманы с поличным. - М., 1962.

Прохоров Д.П., Лемехов О.И. Перебежчики. Заочно расстреляны. - М., 2001.

Санж Де Грамон. История шпионажа. - Смоленск., 2002.

Сергеев Ф. М. Если сорвать маску... Центральное разведывательное управление США как оно есть. - М., 1983.

Уайз Д. Охота на «кротов» - М., 1994.

Хасс П. Дж., Капоши Дж. КГБ в ООН - М., 2000.

Харт Д.Л Русские агенты ЦРУ. - М., 2005.

Художественно-документальные произведения
и мемуары

Берберова Н. Железная женщина. - М., 1991.

Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. - М., 1987.

Гладков Т. К., Зайцев Н. Г. И я ему не могу не верить... – М., 1987.

Гореленко С. От КГБ до ФСБ. Записки опера. – М., б.г.

Губернаторов Н.В., Евсеев А.В., Корнешов Л.К., Молодая Г.П. Гордон Лонсдейл: Моя профессия – разведчик. – М., 1990.

Данилофф Н. Две жизни, одна Россия. Невыдуманная история о том, как американец был взят заложником КГБ. – М., 1992.

Долгополов Н. М. Абель – Фишер. – М., 2010.

Долгополов Н. Правда полковника Абеля. – М., 1995.

Долгополов Н. Правда полковника Абеля. Издание второе – дополненное и расширенное. – Пенза, 1997.

Донован Д. Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля. – М., 1992.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту. – М., 1998.

Дроздов Ю. Нужная работа. – М., 1994.

Кегель Г. В бурях нашего века: Записки разведчика-антифашиста. – М., 1987.

Колосов Л., Молодой Т. Мертвый сезон: конец легенды. – М., 1998.

Локкарт Р.Б. История изнутри// Мемуары британского агента. – М., 1991.

Пауэрс Г., Курт Д. Операция «Перелет». – М., 1972.

Синицын Е. Резидент свидетельствует. – М., 1996.

Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абеля. – М., 1997.

Тишков А.В. Рудольф Абель перед американским судом. – М., 1971.

Фельфе Х. Мемуары разведчика. – М., 1988.

Чекисты Петрограда на страже революции (в 2-х тт.) Книга I. – Л., 1989.

Чистяков Н. Ф. По закону и совести. – М., 1979.

Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. – М., 1989.

Шпионам нет дороги. – Киев, 1962.

Очерки в сборниках и публикации в СМИ

Антонов В. Герой России товарищ Лесли. // Независимое военное обозрение. – 2013 – 1 февраля.

Антонов В. Герой России товарищ Лоэн. // Независимое военное обозрение. – 2010.и – 2 июля.

Антонов В. Судьба резидента Исидора Мильграма. // Независимое военное обозрение. – 2005. – 12 августа.

Бай Е. Фрэнсис Пауэрс: «В ЦРУ отца допрашивали так же интенсивно, как и в КГБ». // Известия. – 2003. – 23 июня.

Бондаренко А. Герой России Алексей Козлов: «Хочу обратно на нелегальную работу!». // Красная звезда. – 2009. – 19 декабря.

Бумага, проглоченная шпионом. // Посев. – № 38. – 1961. – 17 сентября.

Галайко В. Шпион, за которым охотились четверть века. // Зеркало недели. Украина. – 2001. – 23 марта. – № 12.

Гасюк А., Долгополов Н. Правда о шпионе «У-2». // Российская газета. – 2012. – 2 августа.

Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Т. 10. – Берлин, 1923.

Голицына Н. Как наводили шпионские мосты. // Огонек. – 2011. – № 12.

Витковский А. «Портлендское дело» бизнесмена Лонсдейла. // Парламентская газета. – 2002. – 19 января.

Долгополов Н. Моего отца звали Беном. // Труд. – 2004. – 27 мая.

Долгополов Н. Нелегал не любил встреч. // Российская газета. – 2009. – 17 декабря.

Долгополов Н. От Абея до Анны. // Российская газета. – 2010. – 12 июля.

Долгополов Н. Ушел в разведку на 30 лет. // Совершенно секретно. – 2006. – № 2.

Евдокимов П. Обмен холодной войны. // Спецназ России. – 2008. – № 4.

Егоров В. Под боком у Гелена. // Сб. Профессия: разведчик. Д. Блейк, К. Фукс, К. Филби, Х. Фелфе. – М., 1992.

Ефимова М. Обмен. История бартерной торговли шпионами. // Иностранная литература. – 2011. – № 1.

Забродина Е. Разведчик-нелегал, Герой России Алексей Козлов: «меня обменяли по курсу один к одиннадцати». // Известия. – 2009. – 19 декабря.

Иванов Д. Ветеран разведки Виталий Коротков: «Курта» обменяли на целый автобус западных шпионов. // Известия. – 2007. – 20 декабря.

Исаев В. И. ОГПУ и российско-германские отношения в 20-е годы. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2008. – Т. 7, выпуск 1.

Карих М. Звезда Хайна Фельфе. // Военно-промышленный курьер. – 2008. – 19 марта.

Кого и как обменивал Советский Союз. // Коммерсант. – 2010. – 8 июля.

Кондрашов А. Аншлаг на свободе. А другие? // Аргументы Недели – 2015. – 18 июня.

Коровин В. На несоветской высоте. // Коммерсант. – 2000. – 3 мая.

Лашкул В. Герои России родом из США. // Гудок. – 2003. – 17 января.

Малеванный В. В двух шагах от Апокалипсиса. // Независимое военное обозрение. – 2000. – 16 июня.

Нехамкин С. Брук, не Бонд. // Известия. – 2005. – 28 декабря.

Нехамкин С. «За Абелем летописец не ходил». // Известия. – 2003. – 11 июля.

Они сидели за родину. // Коммерсант. – 2003. – 25 марта.

Политковская А. В Париже умер Алик Гинзбург. // Новая газета. – 2002. – 22 июля.

Попов В. Дело и судьба баптиста Георгия Винса. // Независимая газета – Религия. – 2008. – 17 сентября.

Розварин П. Колокольчики Гинзбурга. // Время новостей. – 2002. – 22 июля.

Самойлов Б. К. Загадка первая 1960 года. // Военно-промышленный курьер. – 2012 – № 4, 5.

Скопина К. Однажды в Первомай. // Советская Россия. – 2003. – 30 апреля.

Смольников В. Неотвратимое возмездие. // Сб. Неотвратимое возмездие. – М.; Воениздат, 1979.

Степанов Ю, Сизов И. Не «мертвый сезон» Молодого. // Парламентская газета. – 2004. – 15 октября.

Торговля шпионскими материалами. // Посев. – № 36. – 1961. – 3 сентября.

Хохлов А. История сбитого летчика. // Вечерняя Москва. – 2014. – 1 мая.

Шаваев А. Учись на старых ошибках – не сделаешь новых. // Независимое военное обозрение. – 2003. – 10 октября.

Публикации в Интернет

Абаринов Н. Гость «Американского часа» – американский журналист Николас Данилофф. // <http://www.svoboda.org/content/transcript/459289.html>

Абель Рудольф Иванович. // <http://svr.gov.ru/history/ab.htm>

Антонов В. «Кардиналы идут в ад». // <http://www.vilavi.ru/prot/card/card3-1.shtml>

Ария С. Самолетное дело. // <http://hijacking.far.ru/kuznetsov.html>

Кабанов Н. Тайны латвийской дипломатии. // http://imhoclub.lv/ru/material/tajni_atvijskoj_diplomatii#ixzz3m1dGiQin

Мост Глинике помнит шпионов. //
<http://russian.rt.com/inotv/2011-02-19/Most-Glinike-pomnit-shpionov>

Обмен агентов в 1985 году: большое шоу на Глиникском мосту //
<http://svonb.livejournal.com/943998.html>

Розин А. Советские моряки в Гражданской войне в Испании в 1936-1939 годах. //
<http://alerozin.narod.ru/SovietSpain1.htm>

Рубин М. «То, что не включили в список Данилова, - это безобразие». //
http://www.infox.ru/authority/mans/2010/07/09/Orlov_intyer_vyu.phtml

Самсонов В. Кто сбил Пауэрса? //
<http://www.airwar.ru/history/locwar/xussr/pauers/pauers.htm>
|